

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД 3(7)/2005

МОСТЫ

журнал переводчиков

Читайте в этом номере:

Г.В. Чернов

"Основы синхронного перевода"

Д.И. Ермолович

"Носители совершенства"

П.Р. Палажченко

Пространство английское
и русское

В.Н. Шевчук

Новые возможности
саморедактирования

Т.П. Некрасова

Объекты и субъекты

МОСТЫ

журнал переводчиков

№ 3(7)/2005

выходит 4 раза в год

Издатель:

ООО «Р.Валент»

Главный редактор:

З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:

Мишель Берди

Линн Виссон

Д.И. Ермолович

М.А. Загот

И.В. Зубанова

Б.Н. Клизо

В.К. Ланчиков

А.И. Никольская

П.Р. Палажченко

К.В. Петренко

И.И. Убин

М.Я. Цвиллинг

А.П. Чужакин

Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:

В.Р. Колесниченко

Редакторы:

Н.Г. Богомолова

В.П. Кочин

Корректор

А.И. Никифорова

Подготовка макета

Т.И. Родионова

Идея обложки:

Д.И. Ермолович

Адрес редакции:

105062, Москва,

Подсосенский пер., д.23

Тел./факс: 916-67-03

e-mail: rvalent@online.ru

www.rvalent.ru

ISBN 5-93439-184-4

Номер подписан в печать 19.10.05

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Заказ № 2247

Отпечатано в ОАО «КТС»

Калуга, ул. Московская, 256

Перепечатка материалов – только

с разрешения «Р.Валент»

© ООО «Р.Валент» 2005

В номере:

От редакции 2

Поздравление юбиляру. М.Я. Цвиллинг 3

С.Г. Чернов. Мой отец – Гелий Васильевич Чернов 7

Г.В. Чернов. Inference and Anticipation

in Simultaneous Interpreting (Отрывки из книги) 13

Отвечает Филип Метрес 24

П.Р. Палажченко. Пространство английское и русское 27

Т.П. Некрасова. Объекты и субъекты,

или Words that lawyers like and translators stumble over 31

В.Л. Ланчиков. Семь заблуждений

относительно заимствований 36

Е.К. Масловский. Чтоб под авторским листом

был тебе и стол, и дом... 44

В.Н. Шевчук. Новые возможности саморедактирования 51

Д. Робинсон. Социальные связи 55

Я.В. Фоменко. Ситуационный перевод 67

Д.И. Ермолович. Носители совершенства 73

М.А. Загот. Как я не переводил Фиделя Кастро 79

В.Д. Карболкин. Жанром по гендеру 84

Л. Виссон. New Insights into Teaching Interpretation 86

И.И. Убин. С именем – Иван, без имени – болван 89

..... 92

От редакции

Выход очередного номера журнала 3(7) 2005 г. немного задержался. Связано это с объективными обстоятельствами. Зато **30 сентября мы имеем возможность поздравить всех переводчиков с профессиональным праздником – Международным днём переводчика** и пожелать больших творческих успехов. Не забывать, что уникальность профессии заключается в непрерывном совершенствовании и накоплении любых знаний, до такой степени разносторонних, что подчас даже устаёшь удивляться.

В этом номере вы сможете прочитать и присоединиться к поздравлениям с 80-летним юбилеем Михаила Яковлевича Цвиллинга – человека удивительного, бесконечно эрудированного, суперпрофессионального, по сей день работающего в синхронном (!) переводе!.. Этот ряд можно продолжать и продолжать, и всё в превосходных степенях.

Присоединяясь к поздравлениям коллег, редакция от всей души поздравляет все-ми нами очень любимого Михаила Яковлевича и желает самого крепкого здоровья, долгой успешной творческой работы, мудрости, терпения – педагогам оно требуется выше «предела допустимой концентрации». Мы же помним, какими мы подчас бывали, постигая науку. Огромное спасибо за всё, что Михаил Яковлевич делает для журнала «Мосты» да и для издательства «Р.Валент».

We try to bridge the communication gap!

Поздравляем юбиляра!

К 80-летию Михаила Яковлевича Цвиллинга

Высокое служение

Великое вблизи неуловимо,
Лишь издали торжественно оно.
Мы все проходим пред великим мимо —
И видим лишь случайное зябло.

В. Брюсов

Конец 1960-х годов, студенты рассаживаются в большом лекционном зале на первом этаже. За окнами идет снег. Ростokino, Сокольники... В нашем учебном корпусе за 30 лет до этого располагался ИФЛИ. Представляю, какие светлые умы сходились в этом зале на лекции. Поэт Иосиф Уткин ушел из этих стен на фронт, и погиб, как тысячи других лучших сынов России. И сама кафедра, и студенческие скамьи — буквально всё из той, ещё довоенной эпохи.

Студенты затихают, шелест прекращается, когда на кафедру поднимается энергичный человек, его имя мы уже, конечно, знаем, ибо ежедневно листаем словарь, на титульный странице которого напечатана эта фамилия — Цвиллинг. Как могли двадцатилетние девушки смотреть на живого автора словаря, вылагивающего по сцене, — конечно, как на Бога!

Пройдет много лет, отработав не один год переводчиком, будучи коллегой Михаила Яковлевича, проработав с ним рядом не один десяток лет на кафедре перевода немецкого языка, я, как в годы своей юности, храню в душе чувство бесконечного восхищения перед титаническими знаниями, интеллигентностью и талантом этого человека.

Не побоимся высокопарных, звучных слов, ведь все мы прекрасно понимаем, что Цвиллинг — это эпоха! Эпоха в науке и практике перевода, а создатели этой эпохи — Комиссаров, Бархударов, Швейцер, Цвиллинг. Эти имена уже вписаны в историю русской переводческой школы, как имена Маршак, Пастернак, Левика, Елены Николаевской.

За спиной у Михаила Яковлевича большая яркая жизнь, в которой было всё, что только может и должно быть в жизни настоящего мужчины, крупной личности. Юность Цвиллинга — это война. Как участник Великой Отечественной войны, Михаил Яковлевич награжден высокими наградами. После войны — Военный институт, который стал готовить военных переводчиков.

Годы идут. И вот Михаил Яковлевич — доцент и заведующий кафедрой МГПИИЯ им. М. Тореца. На несколько лет Цвиллинг покинет эти стены, чтобы возглавить кафедру иностранных языков в Академии наук СССР. Потом профессор Цвиллинг возвращается в наш Инъяз, и с тех пор беспрерывно работает здесь, возглавив кафедру теории и истории перевода.

Множество научных трудов вышло из-под пера Михаила Яковлевича Цвиллинга. Кроме того, Цвиллинг — ведущий синхронист и устный переводчик высочайшего класса. Невозможно подсчитать, сколько деловых встреч на высшем уровне, сколько договоров и контрактов были подписаны благодаря Михаилу Цвиллингу.

Одно из самых значимых имен в истории развития экономических, политических и культурных связей России и Германии — это имя Цвиллинга Михаила Яковлевича.

В нашем университете кафедру перевода немецкого языка основал именно Цвиллинг! При всех своих заслугах, регалиях Михаил Яковлевич удивительно скромен, тактичен с коллегами и студентами.

Лицо профессии

С юбилеем Михаила Яковлевича поздравила ректор нашего университета Халеева Ирина Ивановна, поздравляли на Совете факультета все члены Ученого совета. Присоединюсь еще раз ко всем тёплым пожеланиям и от имени коллег нашей кафедры хочу пожелать Михаилу Яковлевичу творческого долголетия, большого счастья, крепкого здоровья!

Дорогой мэтр! Мы Вас любим!

Наталья Фомичёва, зав. кафедрой перевода немецкого языка.
Сентябрь 2005

Так держать!

Как приятно, что сегодня у меня есть возможность от имени всех ветеранов-переводчиков со страниц нашего журнала поздравить с юбилеем замечательного переводчика Михаила Яковлевича Цвиллинга — чудного человека и большого специалиста!

Когда сегодня оглядываешься на путь, пройденный нами, уже ветеранами переводческого дела, понимаешь, что этот путь был очень непростым, это был путь большого труда. И главной задачей, поставленной перед нами в те далекие годы, было поднять перевод на высокий, государственный уровень. По существу именно в начале 1960-х годов — я не говорю о серьезной роли переводчиков во время Отечественной войны, я говорю о более позднем времени, — появилась потребность в синхронных переводчиках для обслуживания большого количества важнейших мероприятий, в первую очередь политических, международных акций, съездов сторонников мира, борцов против вооружений. И это не пустые слова. В

середине 60-х стало ясно, что необходим центр, который позволил бы собрать лучшие профессиональные силы — речь шла о переводчиках, которые могли бы работать в общей сложности на 16 иностранных языках. И я думаю, многие поймут, сколь значимо для нас то, что мы, переводчики-синхронисты, впервые были собраны воедино, организованы — я имею в виду в массовом масштабе.

В 1963 году, когда проходила Всемирный конгресс мира, а проходила он в только что построенном Дворце съездов в Кремле, мы, советские переводчики, не могли еще самостоятельно обслуживать такие масштабные мероприятия и сотрудничали с синхронными переводчиками Венгрии, Польши, Германии. Поэтому перед нами стояла задача начать самостоятельно работать на столь значимых мероприятиях. И когда впоследствии нам во Дворце съездов было впервые поручено перевод всех шестнадцати языков, я помню охватившие нас эмоции и неподдельное чувство гордости. Это был очень нелегкий труд, и мы понимали, что нам, переводчикам, следует держаться вместе.

Кроме того, в то время еще не было абсолютно никаких законодательных, официальных формул, которые определяли бы все взаимоотношения государства или той организации, которая нас приглашала, и переводчиков. Не было даже официальной структуры, которая бы переводчиков организовывала. Нас по одному вызывали из тех мест, где мы работали постоянно. В числе переводчиков, созываемых время от времени, были и преподаватели, и работники различных издательств, и сотрудники Радиокomiteта. Отбор производился жесткий. Действительно, удалось собрать лучших специалистов, однако никто из них не занимался синхронным переводом профессионально, постоянно, и поэтому подобная работа для многих была пробой пера. И надо сказать, они с гордостью и весьма неплохо выполняли непривычную для них работу.

По инициативе корифеев перевода, в МГПИИЯ им. М. Тареза был создан научно-методический совет по синхронному переводу на основе курсов переводчиков ООН, который многому научил как тех, кто уже показал себя достаточно хорошо на этом поприще, так и тех молодых людей, которые тянулись к этой деятельности. Впервые у нас в стране был создан на общественных началах орган профессионального перевода, которой ставил своей задачей не допустить брака на большой государственной арене, по существу — первый этап проверки профессиональных качеств переводчика. Тогда не было никаких особых учреж-

дений, факультетов, центров, которые бы готовили целенаправленно синхронных переводчиков, поэтому то, что создавалось на факультете переводчиков МГПИИЯ, было работой пионеров. Большую роль в становлении переводческого дела сыграли преподаватели этого факультета. Нельзя не остановиться на некоторых именах. В начале 60-х гг. Гелий Васильевич Чернов был послан официальным синхронным переводчиком в ООН — и это послужило началом первых двухгодичных специализированных курсов, которые готовили кадры для международных организаций. Нельзя не отметить и одного из замечательнейших переводчиков, необыкновенно талантливого, дисциплинированного, организованного человека — Евгения Абрамовича Гофмана который вместе с Татьяной Сергеевной Ступниковой привнес свой драгоценный опыт работы на Нюрнбергском процессе. Эти специалисты занимают особое место в становлении переводческого дела, в тех шагах, которые были предприняты для создания переводческой организации в нашей стране, для защиты интересов именно этой группы людей. Не случайно в те годы вокруг Гофмана, этого корифея перевода, собралась замечательная команда «немцев-переводчиков».

И очень приятно сегодня, поздравляя с юбилеем Михаила Яковлевича, сказать, что он был одним из самых надежных приводных ремней в той команде. Михаил Яковлевич обладает уникальными качествами не только специалиста-переводчика, синхрониста, но и удивительными качествами научного исследователя и педагога. Михаил Яковлевич пополнил ряды специалистов факультета переводчиков и, достойно много лет работая бок о бок с М.Я. Рещкером, В.Н. Комиссаровым, А.Д. Швейцером, Г.В. Черновым, с ними вместе создал достойную школу перевода, известную не только в СССР, но и за рубежом. Этот мощный отряд специалистов-энтузиастов, словно гигантский магнит, сумел привлечь новую большую группу молодых специалистов. Благодаря энтузиастам переводческого дела были созданы «Тетради переводчиков», и наше издательство гордится тем, что мы по истечении многих лет смогли возобновить подобную трудоемкую, но благородную работу, начав выпуск журнала переводчиков «Мосты», активным членом редколлегии которого является Михаил Яковлевич. Михаил Яковлевич всегда поддерживал все начинания и активно включался в творческий поиск.

Дорогой Михаил Яковлевич! Мы гордимся тем, что Вы с таким пониманием отнеслись к нашим начинаниям, сразу выйдя в направлении наших новых поисков и активно включившись в работу нашего Клуба переводчиков и редколлегии журнала буквально по первому зову. Вы всегда откликались на любые просьбы профессионально помочь и проконсультировать молодых переводчиков уже новой эпохи. Я полагаю, что новое поколение переводчиков уже XXI века по достоинству оценит Ваше умение бескорыстно, не считаясь со временем, приходить на помощь молодым коллегам, поддерживать их в творческом поиске и деликатно направлять по должному пути профессионального совершенствования, потому что кто, как не мы, ветераны, знаем: чтобы стать полноценным квалифицированным переводчиком, ученым, филологом, требуется неустанный труд, воля и дисциплина. Вы, Михаил Яковлевич, для всех можете служить замечательным примером. Вы всегда были не только высококвалифицированным специалистом-переводчиком — все знают Вас и как замечательного товарища. Спасибо Вам и за то, что Вы так умело и деликатно помогли нашему коллеге и другу Татьяне Сергеевне Ступниковой на тяжелом отрезке ее жизни.

Поздравляем Вас с замечательным юбилеем, и верим, что это только новый виток Вашего жизненного пути! Мы надеемся, что нам еще предстоит пройти совместный путь «помощи» молодому поколению, потому что именно нам дано раскрывать молодым бесценный опыт старшего поколения, чтобы на нем учиться и в этом опыте видеть вдохновение для своего профессионального совершенствования.

Я знаю, что и Вы думаете так же. Ваши слова о том, что профессиональное сообщество переводчиков вырабатывает в своих членах чувство коллегиальности, взаимоуважения, разделенной ответственности, чему в незначительной мере способствует и характерная для этого цеха преемственность поколений, основанная в равной степени на готовности младших учиться на опыте своих предшественников и на желании старших передать своим последователям всежитое ими, лишь служат тому подтверждением.

Так держать!

Зоя Васильевна Зарубина

«Ну, что сказать тебе, мой старый друг...»

Последние два года мы ходим с Михаилом Яковлевичем на ставшие уже традиционными праздники выпускников — виляковцев. В этом году в своем военном мундире, лихой фуражке, при орденах подполковник Цвиллинг выглядел весьма импозантно. Быстро выяснилось, что за редкими исключениями присутствующее на празднике военно-переводческое братство еще не появилось на свет, когда в 1941

году вчерашний школьник шестнадцатилетний Михаил Цвиллинг (вместе с его замечательным другом Александром Швейцером) стал слушателем Военного факультета ВИИЯ КА. Оба они охотно вспоминали, как два года спустя встретились во фронтовой бане в Восточной Пруссии.

Подкупает теплота, признательность, доброжелательность, с которыми Михаил Яковлевич пишет и рассказывает о своих учителях, а потом и коллегах — переводчиках: Е.А. Гофмане, Б.Э. Шванебахе, о сестрах Аделине Кондратьевой и Паулине Мамсуровой, А.Д. Швейцере, Т.С. Ступниковой. Мне это особенно приятно: и потому, что эта доброжелательность лучше всего говорит о самом Михаиле Яковлевиче, и потому, что речь идет о моих многолетних спутниках и друзьях.

Однажды в убогой комнатенке комиссаровской кафедры в нашем старом Иньязе, в которую не без труда втискивались солидные профессора и застенчивые аспиранты, Вилен Наумович назвал наш дружеский круг — Михаил Гак, Александр Швейцер, Рюрик Миньяр-Белоручев, Геллий Чернов, Михаил Цвиллинг, Леонора Черниковская — мушкетерами от перевода. Сегодня, когда этот круг заметно сузился, Михаил Цвиллинг по-прежнему верно служит Переводу. Не знаю другого такого примера замечательного мастерства и долготелетия в синхронном переводе. Помню, как в далеком Оренбурге переполненные залы в университетах, в областной библиотеке приветствовали Мастера, автора известных всем «немецам» словарей. Помню, как в Вене, в Праге, других городах звучал уверенный, надежный голос Синхрониста милостью Божьей.

В Михаиле Цвиллинге естественно сочетается здоровый переводческий индивидуализм и дух надежного командного бойца. Конечно, в основе его профессионального мастерства — энциклопедические познания, бесконечное любопытство переводчика, по крохам и впрок собирающего и препарирующего самые разные факты и знания. В принципе, немецкого и русского вполне достаточно, чтобы заниматься эти языками всю жизнь. Но Цвиллингу этого мало. Он овладевает нидерландским, эстонским, финским... С ним интересно беседовать на самые разные темы, иногда весьма далекие от наших профессиональных занятий. Михаил Яковлевич — отчаянный спорщик, полемист, любитель «противных» вопросов. Его можно только убедить! Но все же главным в его характере я считаю удивительное жизнелюбие, свежесть в восприятии жизни, в отношениях с людьми разных поколений. Думаю, что в немалой степени эти качества определяют и педагогическое мастерство юбиляра.

Но есть еще одно качество, которое я особенно ценю у Михаила Яковлевича. Это — верность, преданность общему делу, нашей переводческой братии, нашему первому в истории России профессиональному союзу. Мы пока не избалованы праздниками. Но и в том, что удалось сделать, большая заслуга Михаила Цвиллинга.

Мы редко балуем друзей добрыми словами. Мы частенько бываем скупы на эмоции. Но сегодня особый день. И я хочу пожелать Михаилу Яковлевичу доброго здоровья, благодарных учеников, новых переводческих дорог.

Леоид Гуревич,
Президент СПР

Мой отец – Гелий Васильевич Чернов

С. Г. Чернов

Take care of the sense, and the words will take care of themselves.

Lewis Carroll. Alice in Wonderland

(излюбленная цитата из настольной книги Г. В. Чернова)

Гелий Васильевич Чернов известен переводческому сообществу как лингвист, доктор филологических наук, профессор, применивший теорию «вероятностного прогнозирования» к синхронному переводу, автор монографий и словарей, переводчик ООН, один из основателей знаменитых Курсов переводчиков ООН, Высших курсов переводчиков (ВКП), Московской международной школы переводчиков (ММПШ), завкафедрой в Московском инъязе, преподаватель, воспитавший не одно поколение советских и российских синхронистов.

Я расскажу вам о Гелии Васильевиче Чернове – моем отце.

Ранние годы

Мой отец родился в 1929 году на Урале, в селе Усолье Пермской области. Мой дед, Василий Федорович Чернов, был главным инженером Березниковского содового завода. Его «химической» профессией отец и был обязан своим именем – Гелий, инертный газ. Перед самой войной деда репрессировали, и семье пришлось пережить немало лишений, связанных не только с войной, но и со статусом членов семьи «врага народа». Папа не любил рассказывать об этих годах, я знаю только, что он переболел туберкулезом, чудом остался жив. На Урале от голода спасали богатые грибами леса. Отец всю жизнь оставался заядлым грибником.

В школе отец учил немецкий, а уроки английского брал у сосланный на Урал финки Виенны Абельвны Левяннен, английский язык для которой был родным, поскольку она родилась в Америке. Отец её был рабочим, из Америки он вернулся в Финляндию, потом приехал в СССР строить социализм, где его и арестовали, а Виенну сослали на Урал.

Отец учился в средней школе №1 имени Пушкина города Березники. Интересовался историей, политикой, а в старших классах

решил, что хочет стать дипломатом. Кстати, на класс младше в этой знаменитой березниковской школе учился Борис Ельцин, в ту пору известный как страстный волейболист.

В 1947 году, окончив школу с золотой медалью, Гелий Чернов отправился в Москву осуществлять свою мечту. В МГИМО ему сказали: «У вас золотая медаль, но плохое зрение. А советский дипломат не может быть в очках». Отец забрал документы и подал их на переводческий факультет инъязе. Приемной комиссией заявил, что хочет изучать сразу три языка – английский, французский и испанский. Ему ответили, что можно максимум два. Он выбрал английский и испанский, но французский все-таки выучил (ему факультативно разрешили посещать занятия на французском отделении).

В институте

Кафедра перевода английского языка в те времена была звёздная. Там преподавали Яков Иосифович Рещер, Татьяна Романовна Левицкая (ставшая потом папиным научным руководителем по кандидатской диссертации), Ада Моисеевна Фиттерман, Юлий Морисович Катцер, Александр Владимирович

Лицо профессии

Кунин. Одним из преподавателей был Сергей Сергеевич Толстой (внук Льва Толстого, родившийся в Англии).

Главным своим учителем в языкознании отец считал Я.И. Рещера, а лексикографическую жилку открыл в нем А.В. Кунин, который предложил отцу и О. Бенюху сделать к Московскому фестивалю молодежи и студентов 1957 года карманный англо-русский и русско-английский словарь (сначала он выходил под редакцией Кунина). Словарь многократно переиздавался и перерабатывался в течение почти 35 лет, став настоящим советским бестселлером.

В студенческие годы отца в иньязе была создана многотиражная газета «Советский студент». Отец активно включился в её работу, много писал, а через несколько лет, будучи уже преподавателем института, стал её главным редактором. В течение многих лет ответственным секретарём газеты был Л.И. Лопатников, прекрасный журналист, который обучал основам журналистики всех работающих в многотиражке. Фактически он создал профессиональную газету, через которую прошли многие студенты, позднее известные всей стране переводчики художественной литературы, писатели, поэты, журналисты (поэт-переводчик П. Грушко, писатель И. Мажейко (он же Кип Бульчев), журналист В. Силантьев и другие). Отец всегда говорил, что подход Л. Лопатникова к делу и отношение к своей профессии служили для него эталоном.

С.И. Лопатниковым (справа) в редакции «Советского студента» (1950-е гг.)

Работа переводчиком

В 1952-м отец заканчивает институт и поступает в аспирантуру по кафедре английского перевода. Похоже, жизнь переводчика в те годы отличалась от современной разве лишь характером мероприятий и заказчиками,

потому что в семейном архиве сохранились традиционные фото, коллекционируемые переводчиками всех времён и народов: «я и Джавахарлал Неру», «я и Индира Ганди» и т. п. В те же годы папа активно участвует в международных обменах по линии ЦК ВЛКСМ: альбом фотографий запечатлел первый визит делегации советской молодежи и студентов в Великобританию.

С Джавахарларом Неру (Дели, 1956 г.)

С 1961 по 1967 год папа работает в ООН в Нью-Йорке. Про этот первый нью-йоркский период мне известно в основном по рассказам родителей и по любительским кинофильмам, которые с таким увлечением делал отец. Он был первым советским синхронистом в ООН. До него в русской кабине работали эмигранты первой волны — такие асы синхронного перевода, как граф Орлов, Мейксинке, Гесс, Хлебников, и другие.

О работе синхронистов ООН существует много бас. Например, о том, как синхронисты во время перевода в кабинках курят, играют в шахматы, заключают пари на то, чтобы вернуться в перевод определённое слово (скажем, *верблюд*), не нарушая при этом смысла речи оратора. Жизнь проходит на фоне легендарных исторических событий: Карибский кризис, убийство Кеннеди, хрущёвский ботинок.

Вскоре после убийства Кеннеди в ООН выступал Линдон Джонсон. Папа решил снять его выступление на кинокамеру. При входе в здание ООН его остановил охранник:

“What do you have in the bag, Sir?”

“It’s a camera.”

“What for?”

“I want to shoot the president.”

Фраза “Shoot the president” произвела неправильное впечатление на людей в форме, и папа понял, что употребил не самое удачное слово.

На дипломатическом поприще

1960 год был годом Африки, поскольку принес независимость значительной части континента. В 1961 году отца направили в качестве наблюдателя ООН в бельгийскую колонию Руанда-Урунди с дипломатической миссией. По словам отца, его назначение объяснялось тем, что Секретариат ООН искал советского сотрудника, свободно владеющего французским языком, а это в то время было редкостью.

Ситуация была непростая. В 1959 году при таинственных обстоятельствах в Бужумбуре умер король Мутура. Вскоре после его смерти возникли первые политические партии — пробельгийская партия племени тутси и антибельгийская партия племени хуту. При поддержке бельгийцев активисты партии тутси убили одного из руководителей партии хуту. Хуту ответили убийством вождя тутси... Так развязался этнический конфликт, не прекращающийся по сей день. 28 января 1961 года, несмотря на возражения ООН, выступившей за упорядоченную передачу власти, партия хуту провозгласила независимую республику Руанда. Сто двадцать тысяч тутси стали беженцами.

В этих сложных условиях отцу был отведен для наблюдения за передачей власти один из регионов страны. В Руанде мой отец был единственным советским, но, как выяснилось, не единственным русским. Там жил бельгеец русского происхождения, бывший полковник армии Колчака. Узнав, что в его краях объявился русский, пусть и «красный», он завязал с ним дружбу. Он-то и предупредил папу о готовящемся на него покушении в виде подстроеной автокатастрофы на трассе...

В дальнейшем отец упорно отказывался от предложений перейти на дипломатическую работу в МИД. Он говорил, что не хотел менять свободу на бюрократическую карьеру. Ему всегда удавалось совмещать разные занятия: перевод, преподавательскую деятельность, научную работу.

Проекты

Вся жизнь отца была наполнена проектами. Не успевал закончиться один, как начинался другой. Наша московская квартира напоминала то штаб, то редакцию.

Все проекты так или иначе становились семейными. Главным «соучастником» в них была моя мама, Ирина Львовна Чернова, выпускница МГПИИЯ, преподаватель испанского и румынского языков в МГУ. Приходя с работы домой, она овладевала «смежными» профессиями секретаря, машинистки, корректора, редактора-стилиста. Мама — самый придирчивый читатель всех работ отца. В словаре «Американа» она один из редакторов.

На моей памяти такие проекты, как монографии «Теория и практика синхронного перевода», «Основы синхронного перевода», докторская диссертация, очередная редакция карманного англо-русского и русско-английского словаря, создание ММПШ — Московской международной школы переводчиков, словарь «Американа», бесконечные статьи в научных журналы, работа с аспирантами и постоянная борьба за кабиши и оборудование, чтобы улучшить техническую базу подготовки синхронистов в инъязе.

Незаконченным проектом остался перевод «Основ синхронного перевода» на английский язык. Через четыре года после смерти отца он, наконец, вышел в голландском издательстве Venjamins.¹ Огромную работу по подготовке рукописи к публикации проделала Ирина Зубанова, переводчица и преподаватель перевода в МГЛУ.

Чем бы отец ни занимался, он никогда не боялся конкуренции со стороны коллег; с удовольствием делился своим опытом и знаниями, помогал переводчикам в самых разных ситуациях, щедро подбрасывая научные идеи своим аспирантам. По воспоминаниям коллег, в его годы на кафедре устного перевода переводческого факультета инъязе царил атмосфера творчества и бурной деятельности, никогда не было скучно.

Лабораторная установка

С начала шестидесятых годов в переводоведении не утихала дискуссия о природе синхронного перевода: действительно ли переводчик говорит одновременно с оратором или его речь укладывается в так называемые естественные паузы речи выступающего.

¹ Читайте выдержки из этой книги в текущем номере журнала.

Лицо профессии

В 1969 году И.А. Зимняя и Г.В. Чернов выдвинули теорию вероятностного прогнозирования в синхронном переводе. Для проверки этой теории они создали научно-исследовательскую группу из студентов старших курсов и молодых преподавателей. С участниками группы отец вёл занятия по синхронному переводу (позднее многие из них стали профессиональными синхронистами).

В 1971 году Г.В. Чернов решил поставить эксперимент. Этой работой он увлёк моего дядю (мамино двоюродного брата) Б.Г. Хоровича. В середине 1971 года дядя был у нас дома, и отец с увлечением рассказал ему об идее создания экспериментальной установки для количественного анализа синхронного перевода на основе сопоставления магнитофонных записей оригинальной речи и речи переводчика. Приведу несколько отрывков из воспоминаний Б.Г. Хоровича:

«Поскольку моя инженерная специальность – транспортная автоматика и промышленная электроника, он попросил меня продумать техническую реализацию такой установки, досконально описав технологический алгоритм её работы... Он мне настолько ярко и страстно объяснил важность решения этой задачи для научной теории синхронного перевода и совершенствования подготовки синхронных переводчиков, что я, конечно же, согласился.

Схема прибора была разработана, приобретены необходимые электронные компоненты, и началась её практическая реализация и наладка. И вот здесь то оказалось, что задача выделения пауз в процессе перевода при поэтапном изменении темповых характеристик речи и при требованиях полного сохранения интонационно-смыслового качества речи и скорости артикуляции неизмеримо трудна. Вся работа по отладке прибора велась дома у Гелия Васильевича на его письменном столе.

Время моих редких свиданий с ним как с родственником закончилось. Он меня настолько увлёк этим делом, что почти каждый вечер в течение нескольких месяцев после своей основной работы я приезжал к нему. До поздней ночи, а иногда и до утра мы вели напряжённый поиск, перебирая и опробуя различные варианты построения прибора. При этом Гелий Васильевич выступал как «технолог», ставящий и совершенствующий постановку задачи, а я обеспечивал техническую реализацию.

В этой совместной работе меня иногда поражало то, что Гелий Васильевич, будучи большим учёным в лингвистике, классической гуманитарной дисциплине, иногда интуитивно подсказывал и помогал нахо-

дить сугубо технические решения, требующие инженерных знаний. Приблизительно через три месяца такой изнуряющей, но доставившей нам огромное моральное удовлетворение работы прибор для анализа речевого сигнала при синхронном переводе был создан. Он удовлетворял самым жёстким критериям, которые предъявлял к нему Гелий Васильевич².

В 1976 году на эту установку Г.В. Черновым было получено авторское свидетельство как на изобретение. Суть действия прибора была в том, что на двухканальный магнитофон записывалась речь оратора, синхронизированная с параллельным синхронным переводом, и затем проводился акустический анализ речи. Этот анализ позволил установить, что синхронист говорит одновременно с оратором в течение 70 процентов времени, пусть даже не синхронно, а синфазно.

Благодаря этому прибору было написано много научных работ. Я помню, что к нам домой постоянно приходили и папины, и не папины аспиранты и работали на нём.

Переводческий эксперимент

Будучи человеком естественно-научного склада ума, отец в науке никогда не останавливался на выдвинутой гипотезе. Любая гипотеза должна была получить экспериментальное или эмпирическое подтверждение.

В середине 70-х годов отец ставит уникальный по тем временам эксперимент для доказательства действительности своей модели вероятностного прогнозирования как основного механизма синхронного перевода. В оригинальную речь ораторов были заложены так называемые «контрольные фразы», сбивающие переводчика с толку и заставляющие его пойти по ложно подсказанному пути прогноза. Моя любимая: «Декабрь, январь, февраль — самые суровые месяцы года; март, апрель, май — месяцы весны, тепла, но, правда, нет постоянного настроения; зато июнь и ЮЛИНА ПЯТЕРКА всегда создавали хорошее настроение».

Выяснилось, что сила вероятностного прогнозирования настолько велика, что подавляющему большинству переводчиков не удалось преодолеть ложные подсказки, зало-

² Полный текст воспоминаний Б.Г.Хоровича опубликован в журнале «Мир перевода», №1(5), 2001 г.

женные в контрольных фразах. Личность переводчиков, участвовавших в эксперименте (а среди них было немало «зубров»), по понятным причинам, должна была остаться в тайне.

Сегодня метод «контрольных фраз» (planted items) широко используется лингвистами, но тогда он был применён впервые в истории исследований синхронного перевода.³

«Американа»

Наверное, одним из самых значительных «проектов» в нашей семье много лет был лингвострановедческий словарь по США, вышедший в свет под редакцией отца в 1996 году. К созданию словаря приложили немало усилий такие ведущие американисты, как профессор Э.А. Иванян, профессор В.Н. Беляков, но лидирующую роль взял на себя молодой исследователь Михаил Васянин, который подошел к этому проекту с неиссякаемым энтузиазмом и современной деловой жилкой.

А предыстория вопроса была такова. Тема безэквивалентной лексики интересовала отца еще в молодости, со времен его кандидатской диссертации на эту тему, защищенной в 1955 году. В те времена отца занимала проблема передачи на английский язык «советизмов». Он считал, что дословный перевод типа ударник – shock worker играет на руку идеологическим противникам СССР на Западе, создавая искажённое представление о жизни в нашей стране.

Не буду комментировать идеологическую сторону вопроса, но эта работа привела к тому, что над переводом советизмов стали задумываться всерьёз, и, например, соцсоревнование перестало переводиться как socialist competition, а вместо него стали использовать вариант socialist emulation drive.

В 70-е годы, работая в Нью-Йорке, отец начал задумываться над созданием лингвострановедческого словаря по США, в который вошли бы многочисленные американские реалии, отсутствовавшие в традиционных двуязычных словарях. Band-Aid, Kleenex, Pampers сегодня широко известны из рекламы, а в те времена в советском быту такие понятия отсутствовали вовсе.

³ Подробное описание эксперимента см. в книге: Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. – М.: Междунар. отношения, 1978.

С момента возникновения идеи до её реализации в виде 1200-страничного словаря прошло без малого 15 лет. Много это или мало – взять хотя бы один только список использованной литературы на пяти страницах!

Переводческая школа Чернова

С 1976 по 1982 год продолжался второй период работы в Нью-Йорке, где папа заведовал русской секцией устного перевода ООН. В составе молодых синхронистов тех лет были Корчилов, Штанько, Палажченко, Зур, Боровский, Малинин, Гелюх, Авалиани, Абрашкин и многие другие.

Два раза в неделю я приезжал в ООН на секцию каратэ и проводил несколько часов в свободной переводческой кабине, наблюдая и слушая синхронистов. Звучащий в наушниках папин голос казался мне немного необычным, но он не выдавал ни тени напряжения. Я не раз замечал эту особенность работы отца в кабине – плавная, естественная речь, без ускорений и замедлений, с вполне естественным для русского языка порядком слов. Только сам став синхронистом спустя много лет, я смог по достоинству оценить, какую мощную работу по переработке речи оратора нужно было проделывать, чтобы добиваться такого результата на выходе!

Мой отец был непримирим к культуре в профессии и в жизни. Для него это слово было просто ругательным. Он говорил, что главным кредо синхрониста должен быть профессионализм. Отец постоянно работал над собой. Каждое утро – чашка кофе и газета, когда «Известия», когда New York Times, но вместо чтения – перевод с листа вслух. Я никогда не мог определить, не видя оригинала, папа просто читает статью вслух или переводит...

Где бы он ни преподавал синхронный перевод или читал лекции по теории перевода, он всегда относился к своим ученикам как к своим подопечным. Отец гордился, когда видел примеры серьёзного, уважительного отношения к работе переводчиков, и нередко сетовал на то, что порой заказчики воспринимают переводчиков не как профессионалов своего дела, а как приложение к переводческому оборудованию.

С молодости папа мечтал о создании у нас настоящей переводческой школы наподобие

Лицо профессии

парижской ESIT или Женевской EPI, где подготовка устных переводчиков велась бы после окончания вуза на уровне магистерской программы. Курсы переводчиков ООН, Высшие курсы переводчиков, факультет переводческого мастерства, Московская международная школа переводчиков — все они были направлены на реализацию этой идеи. Отец имел отношение к созданию каждой из этих школ, стремился обеспечить в них высший класс преподавания устного перевода. Несколько поколений советских и российских синхронистов называют себя учениками Чернова, это своего рода знак качества.

Урок синхронного перевода в Иньязе

Советы молодым синхронистам

Отвечая на вопросы студентов в Саавонлинском университете в Финляндии в 2000 году, Гелий Васильевич Чернов так сформулировал советы начинающим переводчикам:

«Пожалуй, самое трудное в синхронном переводе — слушать и говорить одновременно. Синхронист работает в экстремальных условиях слушания и говорения, в условиях стресса. Поэтому он заинтересован в создании для себя максимально комфортных условий. Главное условие — знакомство с темой. Синхронист обязан готовиться к конференциям. Парадоксально, но нередко переводчик лучше всего готов к переводу на тему конференции в день её закрытия... Чтобы избежать этого, необходимо хотя бы за пару дней до конференции просмотреть материалы и документы по теме, составить глоссарий.

Как пианист должен постоянно играть, чтобы сохранять форму, так и синхронист обязан работать, чтобы не потерять навык работы в кабине.

Чтобы стать хорошим переводчиком, в первую очередь нужна профессиональная подготовка и природные данные. Хотя бывают и исключения. Я знал одного синхрониста-заикку. То есть в обычной жизни он был заикой, а в кабине заикание пропадало. Но если серьезно, переводчик должен быть открыт к окружающему миру, быть любознательным, интересоваться самыми разными областями знания. Ведь

это помогает понимать ораторов, а если переводчик понимает, то он всегда сможет передать понятую мысль средствами языка перевода.

Конечно, трудно говорить и слушать одновременно. Мне кажется, что это в принципе возможно только потому, что переводчик и оратор говорят строго на одну и ту же тему (если, конечно, перевод правильный). Смысл услышанного и сказанного идентичен.

Работа переводчиков в кабине — это работа единой команды. К сожалению, бывает так, что переводчики не поддерживают друг друга, прячут от коллег глоссарии. Это прискорбно. Профессионалы всегда поддержат друг друга, при необходимости напишут на бумажке термин или цифру. В принципе, переводчику не рекомендуется надолго уходить из кабины в свои полчаса отдыха, оставляя коллегу в одиночестве. Главным принципом синхрониста-профессионала должна быть коллегиальность.

Переводчики должны бороться за свои права. Например, в ООН приняты нормы: синхронисты работают не более 8 заседаний в неделю, причем каждое заседание по длительности не должно превышать 3-х часов. На вечерние заседания приглашается сменная команда переводчиков. Но это касается режима работы переводчиков ООН, которые приходят на работу в кабину изо дня в день. Естественно, на более коротких конференциях переводчики должны работать в соответствии с регламентом конференции. Для работы в обе стороны (например, на русский и на английский) международными нормами рекомендуется три человека в кабине, если же переводчик работает только на свой родной язык, достаточно двух.

Внимательно следите за соблюдением технических условий перевода. Синхронист нуждается в максимальном объеме информации, как звуковой, так и визуальной. Ведь, как известно, основой механизма синхронного перевода, наряду с вероятностным прогнозированием, является избыточность информации, речи».

Вместо заключения

Дорогие коллеги-переводчики, читатели «Мостов»! Многие из вас хорошо помнят Гелия Васильевича, были его студентами, вместе сидели в кабине или работали на кафедре, знали его в неформальной обстановке. Если, прочитав эти строки, вы захотите поделиться своими воспоминаниями о моем отце, присылайте их в редакцию «Мостов», и они могут стать основой для новой публикации.

Inference and Anticipation in Simultaneous Interpreting

(отрывки из книги¹)

Г.В. Чернов

В основу книги, фрагменты которой предлагаются вниманию читателей журнала, легла монография Г.В. Чернова «Основы синхронного перевода» (М., 1987), дополненная автором с учётом новейших исследований и переведённая на английский язык. После кончины автора в 2000 г. работу по подготовке книги к изданию продолжили его вдова И.Л. Чернова и сын С.Г. Чернов, и в 2004 г. книга увидела свет в одном из самых авторитетных международных издательств лингвистической литературы «Джон Бенджаминс».

С появлением этой монографии западная аудитория учёных, не читающих по-русски, получила возможность познакомиться не только с результатами исследований самого Г.В. Чернова, но и с выводами и идеями многих других отечественных лингвистов, психологов и философов, на которые он опирается в своём поистине междисциплинарном труде. Книга сразу стала событием и получила широкое признание в научном мире. Так, по мнению известного французского переводоведа Марианны Ледерер, в своей монографии «Геллий Чернов не только представляет Западу российскую психологию и лингвистику, но и блестяще соединяет результаты западных и российских исследований в построении модели» синхронного перевода².

Мы полагаем, что, помимо чисто содержательных моментов, переводчикам в нашей стране должно быть интересно и то, как книга зазвучала на английском языке, как автору и редакторам удалось «пересадить» в иноязычный контекст весьма специфическую терминологию довольно новой отрасли отечественной науки. К сожалению, книга Г.В. Чернова “Inference and Anticipation in Simultaneous Interpreting” доступна лишь очень узкому кругу читателей и даже библиотек из-за весьма высокой стоимости (её издательская цена летом 2005 г. составляла 115 евро без пересылки).

Издательство «Джон Бенджаминс» крайне редко даёт разрешения на перепечатку материалов из своих новых книг. Тем не менее редакция «Мостов» в течение нескольких месяцев вела переписку с издательством, разъясняя, насколько важной и интересной для нашей профессиональной аудитории была бы публикация фрагментов из труда Г.В. Чернова. И издательство сделало исключение, любезно разрешив перепечатку в «Мостах» трёх разделов из главы 9 книги, за что мы выражаем ему свою признательность. Таким образом, перед вами – эксклюзивная публикация, предназначенная только для читателей нашего журнала.

¹ Ghelly Chernov. Inference and Anticipation in Simultaneous Interpreting. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 2004. – pp. 145–164. With kind permission by John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia.

В данной публикации редакция сочла возможным сократить примечания автора и редакторов, а также некоторые подстрочные переводы русских примеров, предназначенные для читателей, не владеющих русским языком.

² Цит. по отзыву, опубликованному на сайте издательства «Бенджаминс» (<http://www.benjamins.com>).

41. Word order and communicative syntax

The match between the formal (surface) syntax and communicative word order in an SL³ utterance plays a decisive role in structuring the TL utterance, with or without regard to the SL syntax. However, syntactic problems look quite different in (written) translation and simultaneous interpretation. First, radical changes in the sequence of sense groups, which are typical enough in translation, are in most cases impossible in SI due to the linear development of the SL discourse over time and constraints on the capacity of the interpreter's working memory, which can only hold a limited number of elements. The problem for SI lies rather in the need to maintain, as far as possible, the sequence of *sense groups* (not the *word order*) of the original. Second, even in cases where syntactic structure matches communicative word order, syntactic 'impasses' may occur due to the difference in valencies of SL and TL verbs and different SL and TL grammatical government.

It is well known that the more inflective a language, the freer the word order in that language, and vice versa. Russian, for example, allows relatively free word order as compared to the more fixed word order required in English. But it would be a mistake to believe that typological sameness or difference between languages is this clear-cut and straightforward. In the languages of our own corpora, besides English and Russian, which are at opposite extremes in terms of word order rigidity, French and Spanish, though closely related Romance languages, are also worlds apart from that point of view.

Fixed word order in the French language is mostly explained by the fact that French, particularly in its oral form, has lost most of its inflections both in the verb and the noun, and has a tendency towards analyticity, thus converging in terms of word order with the analytical English. In its conversational form, and hence in *belles-lettres*, French makes wide use of so-called disjointed or segmented syntax with a heavy reliance on pronouns (Bally 1955;

Gak 1983). With disjointed syntax, disrupted syntactic groups and absolute constructions, the structure begins to resemble free word order, and a word may take any place in the sentence. Thus, while one cannot change the order of the words in *Marie aime beaucoup cet auteur*, if the nouns are isolated from the syntactic groups and replaced by pronouns, the absolute segments may occupy any place in the sentence: *Cet auteur, elle l'aime beaucoup, Marie* (Gak 1983: 206). Segmentation allows one to transform any part of a regular sentence into the theme, and the other part into the utterance proper (Bally 1955: 71). However, such disjointed syntax is not at all typical of political and other formal statements at international fora, with the exception of special grammatical structures characteristic of such texts. Spanish, on the other hand, makes a much wider use of disjointed structures. In addition, the use of the preposition *a* with an animate (or personified inanimate) noun makes it possible in Spanish – unlike English or French – to begin a neutral, non-emphatic sentence with the direct object, reiterated using a co-referential pronoun before the verb:

A Ron Smith, agricultor de Nebraska, Estados Unidos, leer en la prensa acerca de los actos del terrorismo contra los norteamericanos lo disgusta mucho. lo pone mal. Y así lo dijo al periodista...

[10] Ron Smith, farmer from Nebraska, USA, to read in the press about terrorist acts against North Americans really displeases him, makes him sick. And thus he said it to the reporter...

Compare

Ron Smith, a Nebraskan farmer, does not like it at all, in fact, he is disgusted to read in the press about acts of terrorism against Americans. That is what he told a reporter...

Ron Smith, agriculteur du Nebraska, n'aime pas du tout, est même révolté de lire des informations dans la presse sur des actes de terrorisme contre les Américains. C'est ce qu'il a déclaré... (or Ça ne plaît pas du tout a Ron Smith, ça le révolte même, de...)

Американскому фермеру из Небраски Рону Смигу читать в газетах о террористических актах против американцев совсем не нравится, более того, кажется отвратительным. Об этом он заявил корреспонденту...

³ Сокращения, используемые в книге: SL – source language; TL – target language; SI – simultaneous interpretation.

The Russian version is the only one in which both the syntactic structure and communicative word order of the Spanish original are preserved. Let us also note that other word orders are possible in both Spanish and Russian, but not in English or French:

A Ron... lo disgusta..., lo pone mal, leer...
'to Ron [it] displeases him, [it] makes him sick, to read...'

Leer... lo disgusta mucho a Ron..., lo pone mal.
'to read ... displeases him a lot to Ron, makes him sick'

Рону ... не нравится... читать... '[to] Ron... [it] is not a pleasure... to read'

In Spanish it seems here that any order of the elements of the utterance is possible. The unmarked structure, i.e. Subject – Verb – Direct Object – Indirect

Object, may be changed by placing any element in the initial position, if this element comes to the speaker's mind first.

Thus, among the languages we have considered here, English and French are at one pole, with fixed word order, while Russian and Spanish are at the other extreme, with free word order. Of course, word order, or the sequence of sentence components in relation to each other, can never be absolutely unconstrained: *within* each constituent or word group, the sequence is more or less fixed. For example, in both Russian and Spanish, prepositions must precede their nouns: in Russian, attributive adjectives usually precede their nouns and adverbs precede their verbs, while in Spanish, attributive adjectives and adverbs normally follow the nouns and verbs they modify.

Generally speaking, free word order is mostly manifested in the flexible position of the complement, including the direct object, in the sentence. Unlike English or French, both Russian and Spanish offer the particular syntactic flexibility of allowing a direct object to open a stylistically neutral utterance (Gak 1983; Chernyakhovskaya 1976; Yebra 1982).

Thus it would seem that from the point of view of word order, no syntactic problems should arise in interpreting from English or French into Spanish or Russian, while the greatest difficulties might occur from Russian and Spanish into English or French. But the situation is not that

simple. It should be remembered that surface syntax is only a form of expression of communicative word order, and that this communicative word order makes use of the formal syntactic word order in its own specific way in each language; i.e. in each language there are specific ways of transition from the theme to the rheme in an utterance.

As a general postulate, in free word order languages, the communicative load (in a neutral style of speech) always tends to grow from the beginning to the end of the utterance, i.e. the communication develops from the theme to rheme, from topic to comment, from presupposition to focus, from given to new. This communicative order is, in principle, also typical for the fixed-word-order languages English and French, but with one important exception: the so-called *monorheme* is an utterance where the *theme* contains new information. Monorhemes thus display a kind of semantic inversion from rheme to theme which has serious implications for SI from English and French into Russian.

Let us now turn to the consideration of the linguistic (surface) means of rhematisation, or, to be more exact, *foregrounding*. Foregrounding (conferring communicative dynamism to a constituent) can be effected by a variety of linguistic devices in both the rheme and the theme, as follows:

1. *Prosodic features* of the utterance: intonation patterns, logical stress, changes in the speaking rate, pauses.

2. *Emphatic structures*: An example typical in Spanish public speaking is the construction of the type *lo que ... es que...*, which foregrounds the rhematic subject expressed by an extended proposition. For instance:

Lo que no podrá aceptarse jamás, a no ser que se admita el fracaso definitivo que nos conduciría al abismo de la frustración, es que en nombre de principios por todos sostenidos, se consume la perpetuación de un despojo secular, mediante el rechazo de una negociación que garantiza legítimos intereses y que no tendrá vencidos, porque en ella sólo triunfarán la concordia, la justicia y la paz.

(What can never be accepted, lest we admit ultimate defeat and be led to an abyss of frustration, is that in a number of principles upheld by all there be consummated the perpetuation of a centuries-old

Наследие

conflict through the rejection of a negotiation, which would safeguard legitimate interests and would yield no victors, since in it alone would triumph concord, justice and peace.)

3. *Rhematic particles and adverbs* like *really, actually, himself; précisément, donc; precisamente, justamente, solamente, exactamente, mismo; же, а именно, даже, ведь, только.*

4. *The final position in the utterance.* We observed that in free-word-order languages, the communicative load grows as the utterance unfolds, and that in fixed-word-order languages like English and French, the surface order of constituents also typically follows this pattern, with the exception of monorhemes.

5. *The indefinite article and indefinite adjectives* (the latter being the means available in languages which do not contrast definite vs. indefinite article, e.g. (*один, какой-то*) in Russian).

6. *Negation*, which attracts the peak of the communicative load.

7. *A long rhythmic group of words*, contrasted to a shorter one, tends to attract the logical stress and is an indication of a theme.

8. *Fronting of the predicate*, i.e. beginning the sentence with it, where *possible* (i.e. in languages with free word order).

9. Means of *thematization (backgrounding)*, including:

a. Utterance presupposition: a previous (contextual) mention, or something known from the communicative situation.

b. The definite article.

c. Personal, demonstrative, and possessive pronouns, or other deictic features.

d. Use of semantically weak verbs (such as existential predicates or verbs denoting state, movement, or change of status) to mark a thematic predicate, e.g. *be, exist, lie, stand, appear, be found (located), arrive, turn into, become aware of, strengthen, raise* or similar verbs in French, Russian and Spanish.

e. Lexical theme emphasizers: English: *as to..., as regards..., as far as... is concerned*; French: *quant à...*; Russian: *что касается...*; Spanish: *en cuanto a..., en lo que se refiere...*, etc. Adversative conjunctions of the type *and,*

but, et, mais; а, но; у, pero belong here too. For example:

– And you, Mr. President, know it only too well.

– Et Marie (Mais Marie...), elle le sait très bien. (often accompanied by syntactic segmentation: 'but Mary, she is well aware of this')

– ...но Петров этого не знает, а Иванов уже уже ушёл домой...

– Pero adoptar un programa, у Uds. lo saben muy bien, no es suficiente. Se necesita la voluntad política de los países desarrollados para realizarlo.

'but to adopt a program, and you know this very well, is not enough. It needs the will of the developed countries to implement it.'

Foregrounding devices do not normally operate in isolation from each other, but are usually combined to operate in conjunction. The use of emphatic structures and lexical emphasizers is accompanied by appropriate prosodic contours, and vice versa; the fronting of the predicate in Russian is always accompanied by prosodic emphasis, and often by lexical emphasizers; in English and French monorhemes, the indefinite article or its equivalent is usually accompanied by a semantically weak verb as a predicate in the short opposite segment of the utterance; etc. Foregrounding devices can also be classified hierarchically by the strength with which they localise the peak communicative load. Despite the fact that, following Vilem Mathesius, linguists generally consider word order to be the key feature of communicative 'grammar' (syntactic word-order versus communicative word-order), the primary means of foregrounding in the four languages considered still seems to be *prosodic features* (cf. also Gak 1983:209–210).

This is well illustrated for Russian by an excerpt from the 1966 novel *The Snail on the Slope* by A. and B. Strugatsky, where the character is lost in a vicious circle of thought (emphasis added):

Понимаешь, Колченог, мне не надо в Тростники. В Тростники мне не надо. Не надо мне в Тростники. – Колченог внимательно слушал и кивал. – А надо мне в Город, – продолжал Кандид. – Мы с тобой уже давно об этом говорим. Я тебе вчера говорил, что мне надо в Город. Позавчера говорил, что мне надо в Город. Неделю назад говорил, что мне надо в Город. Ты сказал, что знаешь до Города дорогу. Это ты вчера сказал. И позавчера говорил, что знаешь до Города дорогу. Не до Тростников, а до Города. Мне не надо в Тростники.

Только бы не сбиться. — подумал он. — Может быть, я всё время сбиваюсь. **Не Тростники, а Город. Город, а не Тростники.** Город, а не Тростники, — повторил он вслух. — Понимаешь! Расскажи мне про дорогу до **Города. Не до Тростников, а до Города.** А ещё лучше — пойдём до Города **вместе. Не до Тростников пойдём вместе, а до Города пойдём вместе...**

This passage clearly illustrates that a departure from standard word order may not affect the communicative structure of the utterance if that structure is prosodically emphasised. The rheme is again and again highlighted by means of both logical (focal) stress and negation (several times), the two devices working in conjunction. In this socially-oriented science-fiction novel, the marked word order plays a special stylistic role in evoking the character's vain efforts to shake off the attempts of an outside force to control his mind.

Spanish linguists identify three prosodic devices for foregrounding a segment of an utterance in Spanish. The first is focal stress, realised as a slightly higher tone of voice on the stressed word in the utterance. As shown by Navarro Tomás, there is a general tendency to isolate the most important word in a narrative utterance by raising the tone on its stressed syllable a little more than on other stressed syllables in the utterance (Tomás 1959: 216). The second most important foregrounding device, just as in Russian, is intonational emphasis (a rising intonational pattern) at the end of the first segment of a bi-segmental utterance in which the initial segment carries a very low communicative load. The third means of prosodic foregrounding lies in a specific use of the pause. In a bi-segmental utterance, three intonational factors become linked together: the tone, the length of the final vowel, and the pause. The longer the pause, the higher is the preceding tone, and the longer the final vowel (Karpov 1969: 180).

In English and French, the focal stress tends to be located at the end of the utterance, or the syntagm, and thus usually has no distinct function as a foregrounding device (Gak 1983). However, French also seems to make specific use of the pause, as noted by Déjean (1978) (see Chapter 2, §§6, 7). The final word in a syntagm may be emphasised by pausing, as is noted for Spanish

and French by Yebra (1982: 422), who illustrates this with two French utterances and their renditions into Spanish. He shows how the degree of foregrounding rises before a short pause at the end of the syntagm:

French	Spanish
C'est alors qu'on se rend le mieux compte// de cette difficulté.	Es entonces cuando mejor se ve//esta dificultad.
C'est alors qu'on se rend compte le mieux// de cette difficulté.	Es entonces cuando se ve mejor//esta dificultad.

In this example, it is the focal stress and the rise in tone that cause a longer pause, rather than vice versa.

In French, since the stress is normally on the last syllable of individual words, rhythmic groups, syntagms, or whole utterances, it always accompanies the pause, and together with the latter can play the role of a syntactic (and hence semantic) 'divider' of the utterance. As shown by Gak (1983: 67), stress collects words into rhythmic groups in the utterance and frequently serves as an aid to parsing along with the rhythm and melody pattern:

Le docteur a trouvé cet enfant malade

Le docteur a trouvé cet enfant//malade.

The primacy of prosodic means of foregrounding is also a consequence of the fact that prosodic contour is the only one of these features which is always present, even with standard or neutral word order. *Emphatic structures* and *lexical emphasisers* seem to come next in the hierarchy of means of foregrounding. To support their role, they are often accompanied by prosodic features, as well as by inversions and negations. A few examples:

— They themselves did it. He actually believes it. He really did so.

— *C'est précisément la raison pour laquelle il est parti.*

— *Даже он может это сделать. Только он может это сделать.*

— *Justamentepor eso quiero hablar ahora mismo.*

— *It is tomorrow and not today that we can do it.* (Rheme not in main verb phrase.)

— *It is in New York and not in Geneva that the United Nations has its headquarters.* (Rheme not in main verb phrase.)

Наследие

– *The Security Council did adopt a resolution yesterday.* (Rheme in verb phrase.)

– *C'est de tout coeur et en toute certitude que je forme les meilleurs vœux de succès pour votre présidence.* (Theme fronted, rheme in verb phrase.)

– *Ce livre, je l'ai déjà lu.* (Theme fronted, rheme in verb phrase.)

– *Именно он, и никто другой, готов это сделать немедленно.* (Rheme not in main verb phrase.)

– *Он именно приехал, а не прииёт.* (Rhematic verb is emphasized, reinforced by prosody and negation.)

– *El que tiene que hablar eres tú.* (Rheme not in main verb phrase.)

– *Es que no lo sabe.* (Verbal rheme emphasized.)

Foregrounding may apply to the whole communicatively unsegmented clause:

– *Ce qui est vrai c'est qu'on a toujours parlé de cette résolution.*

– *Si quieres saber por qué abrí la puerta fue porque creí que eras tú.*

The next strongest means of foregrounding is, undoubtedly, the *end position in the utterance*, reflecting the general tendency of the sequence of sense groups in an utterance to progress from the known to the new, so that the communicative charge rises to a peak at the end of the utterance.

However, in stylistically neutral English and French monorhemes, the reverse order is observed, i.e. from rheme to theme. In monorhemes, the rhematic group, marked by the indefinite article, and strengthened by greater length (as contrasted to the theme in utterance-final position), occurs at the beginning of the utterance. The role of the predicate in such sentences is played either by an existential verb or some other semantically weakened verb:

Through TCDC, available resources in developing countries will be more effectively utilised. Research

oriented specifically to the needs of the countries will be encouraged...

Une recherche visant particulièrement à satisfaire les besoins des pays sera appliquée...

Thus, in English and French, the indefinite article (or in the case of abstract and plural nouns, the zero article), as the marker of a sense group, moves the rheme to the opening position in the utterance. In other words, these foregrounding devices together override the rhematic attraction of utterance-final position, which is now occupied by the semantically weak verb.

In Russian, in those SI cases (see below) when these factors operate in opposite directions, the resulting utterance sounds ambiguous, and violates the communicative norm.

The coexistence in an utterance of two conflicting foregrounding devices drawing the focus in two opposite directions (e.g. end position and a relatively longer word group) is perceived as a deviation from the norm of Russian speech. Such deviations can be found in the rendering of English monorhemes into Russian by beginner interpreters, mostly trainees in SI, in column 2 of the Table 6 below. In the trainees' Russian versions of (1) and (2), the predicate is foregrounded by being placed in utterance-final position, conflicting with the prominence assumed by the longer group of the subject phrase and the semantic weakness (hence 'negative' foregrounding) of the verb. In the rendition of utterance (1), the noun *усилия* (efforts) may in principle collocate with *прилагаться, делаться, осуществляться*; since this is a rather abstract idea of existence, the verb may again be classified as existential or semantically bleached. These conflicts are perceived by a Russian ear as being at odds with Russian speaking norms.

Table 6. Communicative word order in Russian-English SI

English SI	Russian student TL	Professional version
1. <i>Efforts at all levels should be made//to further that policy</i>	<i>Все усилия на любом уровне должны прилагаться, чтобы углубить и расширить эту политику.</i>	<i>Следует приложить все усилия на всех уровнях для дальнейшего развития этой политики.</i>
2. <i>Proliferation of nuclear weapons must be prevented//and all nations should be urged to sign and ratify the treaty on non-proliferation.</i>	<i>Распространение ядерных вооружений должно быть, наконец, предотвращено, и все государства должны подписать и ратифицировать договор о нераспространении ядерного оружия.</i>	<i>Следует предотвратить распространение ядерных вооружений, и нужно призвать все страны подписать и ратифицировать договор о нераспространении ядерного оружия.</i>

3. The implementation of the provisions//of these resolutions has been slow but some progress// has been made.	Выполнение положений этих резолюций продвигалось медленными темпами, но некоторый прогресс был достигнут.	Положения этих резолюций выполнялись медленно, хотя и достигнут некоторый прогресс.
4. I should like to mention here that recently the foreign ministers of the Nordic countries established a working group to investigate// what further economic measures may be instituted against...	Я хотел бы упомянуть здесь, что недавно министры иностранных дел скандинавских стран создали рабочую группу, чтобы расследовать того... то, какие дальнейшие экономические санкции должны быть созданы в отношении...	Я хотел бы упомянуть здесь, что недавно министры иностранных дел скандинавских стран создали рабочую группу для изучения вопроса о новых экономических санкциях против...

The professional versions in column 3 (from the original conference transcripts) show ways of overcoming the beginner interpreter's word order difficulties. The '/' sign shows where the professional interpreter started interpreting in each segment.

Another passage, from our Buenos Aires corpus, also shows how these word order changes are typical of interpretation into the free word order languages. The English original is shown on the left, with one rendering each into French (fixed word order), Spanish (free word order) and Russian (free word order) in the other columns. The reader will note the structural word order changes in the Spanish and Russian versions, in contrast to the similarity of the French TL word order to that of the English original. Special attention should be paid to the fact that in Russian and Spanish, even slightly lengthening the predicate group and moving the predicate verb up at least to the penultimate slot in the utterance (from its end position in the original) has the effect of easing the contradiction noted above.

Particularly noteworthy illustrations are the displacement of the adjective *эффективный* in utterance (6) to the end position in the Russian output: ... *удастся использовать эффективнее*. Note also the introduction of formal subjects in the French versions: *Il convient d'accorder...* (2) and *l'on réduit au minimum* (4).

The lack of co-ordination between grammatical word order (subject + predicate, or NP + VP) and communicative word order (theme + rheme, topic + comment) in many languages causes a major SI problem when SL and TL co-ordinate these in different ways. A typical difficulty arises in simultaneous interpretation from Russian (free word order) into English (fixed word order). Here is an example from Lynn Visson's *From Russian Into English* (Visson 1999:99):

Выдвинутая в заявлении Президента от 15 января программа освобождения человечества к 2000 году от ядерного и иного оружия массового уничтожения рассматривает выделение средств на цели социального и экономического развития в качестве важнейшей сопутствующей меры соглашений по ограничению вооружений и разоружению.

Many authors of manuals on simultaneous interpretation from Russian into English recommend as a general rule: 'Take the first word group that comes in the Russian sentence and make it the grammatical subject of your English sentence and then act according to syntactic circumstances' (there usually remain several syntactic possibilities to which the interpreter may resort depending on the context). Observations of Russian-into-English SI indicate that interpreters do generally adhere to this rule, as in this rendition of the above passage:

The President's statement of January 15th contained a program for delivering mankind by the year 2000 from nuclear and other weapons of mass destruction. The program provides also for the allocation of the appropriate resources for social and economic development as an important measure to accompany agreements on arms control and disarmament.

Another example (the Russian sentence begins with an adverbial modifier):

Быстрыми темпами развиваться в эти годы в России такие добывающие отрасли как нефть и газ.

A rapid rate of growth was registered in Russia in this period by such industries as oil and gas.

C'est à un rythme accéléré qu'en Russie ces dernières années se sont développés les secteurs du gaz et du pétrole.

Finally, an example where the Russian sentence begins with the indirect object:

К опыту российских учёных, работавших в оборонке, охотно обращаются многие американские фирмы...

The know-how of Russian scientists who were engaged in weapons industries is in great demand among American companies.

Наследие

L'expérience des chercheurs russes occupés autrefois dans les industries des armements intéresse vivement de nombreuses compagnies américaines.

Among other 'syntactic circumstances' and resulting possibilities, mention can be made of such means as the introduction of a thematic subject from the context and the use of a formal (structural) subject such as there is (*are*) or *il y a*, *on* (*l'on*), etc.

42. Syntactic complexity, logical sequence and working memory

The strategy of breaking long utterances with rather involved syntactic structure into shorter ones was already discussed briefly in Chapter 7 (§34 on speech compression). This operation, to which simultaneous interpreters often resort, has a psycholinguistic explanation: difficulty in rendering a long utterance may arise when the syntactic structure of the input places an excessive load on working memory. The syntactic complexity of an utterance, and hence the additional load on working memory, is determined by

- a. the number of propositions in the utterance,
- b. long-range dependencies, with long or complex material interrupting the constituents of the main clause:
- c. complex or multiple clausal subordination;
- d. a non-linear sequence of predicates in the utterance.

All these factors in syntactic complexity are illustrated in this utterance from our UN corpus:

*If I assume
that we accept
that a conscious movement towards a new security
system is preferable to random and spontaneous
change*

*then
one of the main criteria
by which even disarmament proposals should be
judged must be their contribution to the creation of
a new security system.*

1. *Number of propositions*: Nine propositions make up the semantic structure of this utterance. Some of them are projected on the surface level as nominalisations (*a conscious movement...*, *their contribution to...* etc.), which requires an additional

processing effort during comprehension, as compared, for example to

We prefer that we move consciously towards a new security system instead of allowing the situation to change in a random and spontaneous way...

and

... must be the extent to which the disarmament proposals contribute to the way in which a new security system should be created

2. *Long-distance syntactic dependencies*: the conditional consequent '*then ... (one of the main criteria...)*' is separated from its antecedent '*If (I assume...)*' by 19 words. The pronoun *their* in *their contribution* is 6 words away from its antecedent *disarmament proposals*.

3. *Non-linear presentation* of entities and propositions in the extract can be illustrated by paraphrasing it to introduce the propositions in a more linear or 'logical' sequence:

We seem to reject anarchic and spontaneous change and to prefer that we move towards a new security system conscientiously.

If that is so, then one of the main criteria of assessing disarmament proposals should be their contribution to the new security system

(or: *Then we should judge disarmament proposals by how they contribute to a new security system*).

4. The processing difficulties posed by the example discussed will be clearer if we recall Ingve's (1965) depth hypothesis. According to this hypothesis, at the beginning of each utterance a speaker undertakes a number of psychological 'commitments'. For example, by saying *If...* the speaker commits himself to do at least the following: utter a sentence (1), beginning with a conditional clause (2) with a subject (3) and predicate (4), followed by a main clause (5) beginning with a conjunction *then...* (6), i.e. he undertakes at least six syntactic commitments, all of which must be kept in his working memory until each of them is fulfilled. The number of such commitments determines the 'depth' of the utterance. This depth of commitment is thus greatest at the start of the utterance, diminishing as the commitments are fulfilled (i.e. as the speaker's internal program for the utterance is implemented).

The hearer, on the other hand, in order to comprehend the end of the utterance must keep in

working memory the elements of syntactic structure (which cannot be recoded into bigger sense chunks) which have been generated so far, and whose hierarchical organisation determines the utterance's depth for the *hearer* ('regressive depth'), until the complete syntactic tree is derived. That is why utterance length affects processing difficulty (or ease), especially when the regressive depth is excessive (more than seven plus or minus two).

In a study of the processing ease or difficulty of utterances of varying regressive depth and length (calculated in number of words between syntactic junctures), Lushchikhina (1968) found a negative correlation between the pilot's perception of air traffic controllers' commands and the depth and length of the commands. In our example the regressive depth works out as 20, putting it (at least theoretically) beyond the capacity of the human working memory and well beyond the maximal depth values of 9–13 for adequate comprehension registered by Lushchikhina. The Russian SI rendition of that utterance is transcribed below in the left column with a translation into English; compare the version which appeared later in the official, edited proceedings (right-hand column. Table 7).

It is easy to see that breaking the utterance into two facilitates not only the SI process, by relieving the overload on working memory, but also the perception of the utterance by the audience. Examples of similar utterances in French and Spanish SL were given in Chapter 2, §7. Practising SI professionals quite often resort to this method of simplifying SI syntactic structure.

43. Short and extended predicates

The range of possible syntactic variation resulting from the restructuring of utterances is further augmented by the choice between using a clause to express a proposition or nominalising it as a verbal noun. A verbal noun can be developed into a clause provided that its factivity is unambiguously identified, while the reverse process – nominalisation – often allows the interpreter to bypass the category of factivity if she has missed it in perception. This generalisation holds true at least for the European languages discussed in this book.

As Arutyunova (1999) has shown, a nominal construction based on a whole utterance or clause can be used later in the discourse to stand for the proposition it contains. Three types of nominalisation can be distinguished according to the type of proposition they represent or generalise:

1. nominalisation of *a process, event or occurrence*, generalising over its time, place or manner;
2. nominalisation of a fact, expressing the mere *fact* of occurrence or non-occurrence of something, i.e. its bare factivity, very often used to make value judgments: it may be introduced by *this fact or the fact that...*;
3. the nominalisation of an *assumption (belief, opinion)* usually generalises the proposition referred to in denoting it (*'these assumptions...', 'this belief...'*, etc.)

Table 7. Original English, Russian SI version and official translation at the UN

English original	Interpreter's rendition (with literal gloss)	Official Russian record (with literal gloss)
<i>If I assume that we accept that a conscious movement towards a new security system is preferable to random and spontaneous change, then one of the main criteria by which even disarmament proposals should be judged must be their contribution to the creation of a new security system.</i>	<i>Думается, мы все согласны с тем, что сознательный путь к новой системе безопасности лучше случайных и стихийных перемен. Но тогда о предложениях по разоружению нужно судить по их вкладу в создание новой системы безопасности.</i>	<i>Если я буду считать, что мы все принимаем идею о том, что сознательное продвижение к созданию новой системы безопасности предпочтительней анархичных и стихийных перемен, то одним из главных критериев, на основе которых должны оцениваться предложения по разоружению, должен быть их вклад в создание новой системы безопасности.</i>

All three types may also be replaced by the bare deictics *this* or *that*. An example will illustrate how this possibility is used in SI.

Наследие

English SL

What is needed is close co-operation so that an effective international review of how human rights are respected or abused can be carried out.

The nominalisation of clauses is quite typical of interpretation into Russian. When the TL is English or French, on the other hand, we more often find a 'partial' nominalisation introduced by the words *what is...*; *ce qui...* [verb phrase] *c'est...*... In Spanish S1 output, the structure *lo que* [verb phrase]... *es que...* is typically used to render the Russian verbal noun, thus considerably increasing the flexibility of syntactic structures in Spanish.

The syntactic variability necessary for paraphrasing and syntactic restructuring in the transition from SL to TL is also achieved by the use of an extended predicate – an analytical verbal structure consisting of a semi-desemanticised verb and a verbal noun – instead of the simple verb. Examples include:

<i>decide</i>	→	<i>take (adopt, approve) a decision;</i>
<i>agree</i>	→	<i>reach (come to, enter into) an agreement.</i>
<i>appuyer qqn</i>	→	<i>prêter son appui à qqn;</i>
<i>se libérer</i>	→	<i>obtenir (conquérir) la liberté;</i>
<i>s'intéresser</i>	→	<i>porter un intérêt.</i>
<i>acordarse</i>	→	<i>llegar al acuerdo;</i>
<i>reunirse</i>	→	<i>convocar (celebrar) una reunión;</i>
<i>trabajar</i>	→	<i>hacer (realizar) un trabajo.</i>
<i>работать</i>	→	<i>делать (вести, проводить) работу;</i>
<i>торговать</i>	→	<i>вести (осуществлять) торговлю;</i>

Russian TL

Необходимо более тесное международное сотрудничество для подготовки действенного международного обзора положения дел в области прав человека.

заявить → *сделать заявление, выступить с заявлением.*

This method of translation considerably extends the range of possible synonymous paraphrases and increases the syntactic flexibility of the utterance (Figure 16).

In addition, these verbal noun constructions provide additional possibilities for rendering aspectual and case relations, which is often impossible with the verbal predicate:

освободиться → *приобрести (завоевать) свободу, пользоваться свободой, потерять свободу, лишиться свободы, предоставить свободу, лишить свободы;*

agree → *reach (come to, enter into) an agreement; execute (violate, repudiate, scrap) an agreement; an agreement is in force (stands, expires);*

influencer → *exercer une influence, prendre de l', subir l', perdre l', échapper à l'influence;*

ayudar → *prestar (pedir, exigir, aceptar, recibir, negar, rechazar) la ayuda.*

Thus in all these four languages, predicate extension generates greater syntactic flexibility (paraphrasing options), allows the expression of aspectual and case relations, allows for nominalisation of the proposition where necessary, and finally, accommodates the use of qualifying adjectives which can now be attached to the verbal noun.

Simple paraphrases

The committee agreed on the question.

The question was agreed on in the committee.

The question agreed in the committee...

Ma délégation s'intéresse beaucoup à cette proposition.

Cette proposition intéresse beaucoup ma délégation.

... and additional options with extended predicate

The committee reached an agreement on the question.

An agreement on the question was reached in the committee.

An agreement on the question reached in the committee...

Ma délégation porte un grand intérêt (accorde, attache, a un grand intérêt) à cette proposition.

Cette proposition présente (offre) un grand intérêt pour ma délégation.

Las Naciones Unidas ayudan a los países en desarrollo.

Las Naciones Unidas prestan la ayuda a los países en desarrollo.

Los países en desarrollo reciben la ayuda de las Naciones Unidas.

La ayuda prestada a los países en desarrollo por las Naciones Unidas...

Figure 16. Paraphrase with an extended predicate (verb + verbal noun)

This chapter has focused on the syntactic problems in SI which can be resolved by resorting to syntactic restructuring while preserving the communicative word order and the functional perspective of the utterance. Changes in the syntactic word order which are often necessary in (written) translation to preserve the communicative word order, i.e. the sense of the utterance, often become impossible in SI since they would overload the interpreter's working memory. This is why, for example, the first noun phrase of a SI sentence must frequently be turned into the subject of the TL utterance. In such cases this may lead to shifts from active to passive voice or vice versa, the use of a conversive verb, or other paraphrases according to availability in the interpreter's own lexicon. The objective of the interpreter here is to make the syntax of her TL utterance as flexible as possible.

REFERENCES:

- Arutyunova, N.D. (1999). Language and the Human World. (2nd ed.). Moscow: Yazyki russkoi kultury. (In Russian)
- Bally, Ch. (1955). General Linguistics and Issues of the French Language. Moscow. (In Russian)
- Chernyakhovskaya L.A. (1976). Translation and the Sense Structure. Moscow. (In Russian)
- Gak V.G. (1983). Comparative Typology of the French and Russian Languages. Moscow. (In Russian)
- Ingve, V. (1965). "The Hypothesis of Depth." *Novoye v lingvistike*, 4. Moscow. (In Russian)
- Karпов, N.P. (1969). Phonetics of the Spanish Language: A Theoretical Course. Moscow. (In Russian)
- Lushchiklina, I.M. (1968). "Experimental investigation of psycholinguistic importance of the grammatical structure of the utterance." In *Teoriya rechevoy deyatel'nosti* (pp. 90–100). Moscow. (In Russian)
- Visson, L. (1999). From Russian Into English: An Introduction to Simultaneous Interpretation. Second Edition. Newburyport, MA: Focus Publishing.
- Yebra, V.G. (1982). *Teoría y Práctica de la Traducción*. Madrid: Editorial Gredos.

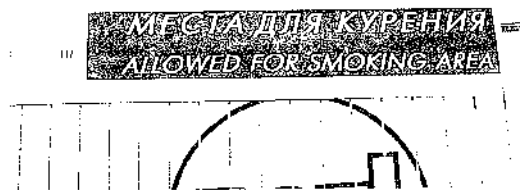
Образчик русского «инглиша»

Ещё один образчик русского «инглиша»

В «Мостах» № 1 (5) за 2005 год была напечатана статья Б.Н. Климзо «Russian English и другие "инглиши"». Её сопровождало и несколько фотографий этих «инглишей» на вывесках и объявлениях.

Приводим ещё один образчик русского «инглиша», вывешенный в зале вылета международного «Нижегородского аэропорта» в Санкт-Петербурге.

Таким замысловатым выражением — Allowed for Smoking Area — обозначено место для курения. Чувствуется, что переводчик долго был в творческом поиске, прежде чем создал это нагромождение слов. Видимо, он никогда не обращал внимания на то, как выглядят подобные вывески за рубежом.

См. стр. 26

Отвечает Филип Метрес

американский поэт-переводчик

1. As literary translation and translation of Russian poetry in particular seem to be an important part of your life, is there you think a single factor or several factors that make a person shift towards translation, at some point in his or her career?

I would rather say that literary translation, and translation of Russian, has been a defining part of my development both as a writer and as a person. In my limited experience with other American translators, I have found them to be consummate team players, who don't need to satisfy the narcissistic urge of the writer for accolades or the spotlight. From one angle, the translator knows he has done his job when no one notices him: that is, when the translation appears totally natural and inviolable as a poem. There is little doubt that translation approximates both an applied science and an art—since one is working out “problems” to make the machinery of the poem run, and yet one also needs that indefinable “mojo” to help it along. Personally, I find translation to be both humbling and exhilarating: it's like crossing a rope bridge over a chasm, but the ropes are frayed. And it's a long fall.

2. What did translation give you, on various levels?

Translation is something I backed into. I began studying Russian in college in the late 1980s, during the twilight of the Soviet empire, because I wanted to understand this enigmatic culture that our late President Reagan referred to as the Evil Empire. I fell in love with the literature—Dostoevsky and Tolstoy and Chekhov at first, and then later the great martyr poets like Anna Akhmatova and Osip Mandelstam. I received a Watson fellowship after college to pursue a project in Russia on “Contemporary Russian Poetry and Its Response to Historical Change.” I lived in Moscow in 1992-3, during the first period of economic shock and spiraling inflation, in which many older people lost their entire life savings almost overnight. Someone sardonically said to me, after learning what I was doing, “poetry is great but it can't buy sausage.” I met with and began to translate a number of contemporary Russian poets, but I've stuck with two poets long enough to translate volumes of selected poetry—A Kindred Orphanhood: Selected Poems of Sergey Gandlevsky and Catalogue of Comedic Novelties: Selected Poems of Lev Rubinstein.

Even though I was really a kid trying to navigate through a foreign language and poetic tradition, it turns out my instincts were pretty good, since Gandlevsky was named in a critics' poll that country's “most important living poet,” and Rubinstein regularly is compared to Chekhov.

In a way, I cut my poetic teeth through translation; as I was casting about for my own poetic style and voice, translation became a way to try on different styles. It is something like what musicians do when they cover songs.

3. How would you describe the role translation of world poetries and modern Russian poetry plays in the American cultural and literary landscape?

As you might imagine, it's difficult to generalize about "the" American cultural and literary landscape, since American culture is so diffuse and disparate. On the one hand, literature overall (compared with, say, film, television, the Internet, or video games) appears to be a vestigial practice, what Raymond Williams called "residual culture." On the other hand, literature has both a material and symbolic importance to those partake in it; still, one notices the same "greats" translated and published over and over again (Akhmatova is a perfect case and point), whereas others, like Arseny Tarkovsky, have not a single volume devoted to their work. This is the problem of literary celebrity, and how factors other than just writing (such as biographical details, political oppression, etc.) come into account. At times, I experience the apathy of American poets and writers to the work of world poetry absolutely maddening; however, there are other times when I get a glimpse of the difficult and solitary and thankless labor of so many American translators of poetry—not just of Russian, but of a host of languages throughout the world. I recently have been researching the poetry of the Middle East, and have been stunned by the profusion of translations by American poets—as if such labor might counteract our inexplicably tone-deaf foreign policy in the region.

4. Which are your favorite dictionaries, encyclopedias etc?

For English language dictionaries, there is no doubt that the foundational dictionary is the Oxford English Dictionary because of its thoroughness regarding the history of a word's usage. For Russian, the Dal' text is fascinating, but I usually use a host of smaller language-language dictionaries, not to mention the "living dictionaries" of native speakers.

5. Which book(s), fiction or non-fiction, has (have) been most formative for you?

When I was a college student, I used to harbor the notion that every book, every film, every text I encountered, could change my life. It seems like a profoundly naïve idea to me now, but I was experimenting with the idea of radical openness, what John Keats called "negative capability," that ability to live the questions without "irritably reaching after fact and reason." Everything I read became a touchstone: Milton, Blake, Keats, Yeats, Frost, Stevens, Williams, Lowell, Ginsberg, Plath, Stafford, etc. And of course, the Russians, in translation at first: Chekhov, Tolstoy, Dostoevsky, Akhmatova, Mandelstam, Tarkovsky; and then, perhaps most foundational, have been the two poets I've translated most seriously: Sergey Gandlevsky and Lev Rubinstein.

6. Which were the most difficult or instructive/enlightening points/moments in your translation work?

Every poet demands something slightly different from the poet-translator. Gandlevsky, for example, combines a high formalism and everyday depictions of underground life in Russia. I opted against staunch formalism (that is, maintaining all rhymes and strict meter) in favor of capturing the arresting voice and vision of his poems. I wanted to make poems that worked in English, rather than some awful nursery rhyme approximation. So my allegiance is to style and voice and particulars, though sometimes, as I note in the preface, I find American equivalences. For example, in one poem, Gandlevsky uses a neologism that combines the words "diner" and "belch"; when traveling to New York by bus, I came across a perfectly pungent equivalent: "Gaseteria."

Gandlevsky, incidentally, baptized us with the name, "two charlatans," from Huckleberry Finn, when we did our readings in the US (he would read a poem of his in Russian and I would then read the translation). There is, in the process of translation and doing readings, the feeling that one is just fooling around, that poetry in the realm of the reading begins to seem like a show.. a very stripped-down, minimalist show, but a show nonetheless. I, for my part, occasionally have to do simultaneous translation, which is hilarious, because my Russian is fair but not excellent; when Americans compliment me for the effort, I feel like a charlatan. The Russian speaking audiences are always kind about it, though.

7. Do you believe in the power of translation, or do you acutely feel its limitations, lack of ability to be worthy of the original?

Each language has its own beauty because each contains a certain and maybe even unique way of being in the world. Russian certainly is easier to rhyme than English because of its pliable syntax and regular endings, which is one of the reasons that nearly all Russian poetry is rhymed, and literary people still scoff at free verse.

Translators must believe in the possibility of languages shaking hands, even after a draw. Poets must believe in the impossibility of translating, even as they engage in that process with every poem, even in their native tongue. But the assertion of difference does not require irreconcilability. And this: that the two will need to work on their relationship, to find those edges that hold against other edges—not necessarily wearing smooth, but providing a momentary fit.

8. What are the newest voices in American poetry that you think deserve to be translated into Russian, maybe by young Russian poets, translators?

I find this question awkward, since it places me in the role of cultural arbiter. Now, if I were a bit more arrogant about my version of the canon, I would begin dispensing names like medical prescriptions. The American poetry scene is, like the larger cultural scene, so diffuse and heterogeneous that singular proclamations always sound false and self-important. But, given the ongoing “poetry wars” between experimentalists and traditionalists in the American poetry scene, I would first ask this prospective poet-translator whether he or she is drawn to avant-garde experimentation or lyric traditionalism. I would also need to know how the person wishes to define “newest voices,” since “new” is a deeply ambiguous word, which might mean born after World War II, or under 40, a span of twenty years. Then, perhaps I could narrow it down from there. Probably, if one were to name names, one might say, among experimentalists from the 1950s on, the names John Ashbery, Frank O’Hara, Allen Ginsberg, Lyn Hejinian, Jorie Graham, among others, should be mentioned. From the traditionalists, Robert Lowell, Sylvia Plath, Robert Hass, etc. etc. I find this an exceedingly painful task, though, because it always comes down to my personal preferences.

9. What would you wish these young translators? Which mistakes (you maybe made) they should avoid?

I would wish the young translator find a mentor with whom to study translation, rather than having to bungle along in the dark.

I would wish a young translator to embark on projects that are virtually assured of publication. This seems crassly pragmatic, but translators need to protect their time and energies on work that will see the light of day. I once translated half an anthology of young Petersburg poets that never went anywhere; it turned out the work was good, but perhaps not the very best selection of poems. I burned a lot of time on that effort.

См. переводы в журнале «Мосты»

☛ Со стр. 23

Хотя азиатские «инглиши» тоже порождают странные словосочетания, следует признать, что наши азиатские коллеги в подобных простых случаях всё же не ошибаются, о чём свидетельствует фотография зоны для курящих в японском аэропорту.

Пространство английское и русское

П.Р. Палажченко

В рассуждениях о русской душе, русском национальном характере чуть ли не всегда на почетном месте — цитата из Бердяева «о власти пространств над русской душой». Не обходится и без слов Гайто Газданова — эмигранта, писавшего по-русски не хуже Набокова и любившего Россию, может быть, больше последнего, хотя бы в силу своего невезения на Западе: «В Европе есть только одна страна, где можно понять по-настоящему, что такое пространство. — это Россия».

А между тем само слово *пространство* звучит в русской речи гораздо реже, чем в английской — *space* или во французской *espace*. Там, где англичанин скажет *for lack of space*, русский — *за недостатком места*. Еще недавно несколько необычно звучало по-русски скалькированное из европейских языков словосочетание *общее экономическое пространство*. Зато есть в русском языке такие труднопереводимые на европейские языки слова, как *простор*, *приволье*, *раздолье*, *даль* (и связанная с ней *удаль*), *ширь*, *размах*, есть связанные с пространством и столь же труднопереводимые глаголы, например *гулять*, *развернуться*.

В общем, даже в первом приближении очевидно, что русский и английский языки трактуют пространство по-разному. Но в чем суть различия? В том ли, что русское пространство бескрайнее (по Шпенглеру, считавшему символом русского национального характера «бескрайнее пространство равнины») и эмоционально окрашенное (чем же еще как не тоской — вспомним есенинское: «тоска бесконечных равнин»), а английское —

островное, ограниченное морем и эмоционально нейтральное?

Да, конечно, в этом, но есть еще одно различие, не столь заметное, но многое определяющее, к тому же связанное с другими, более общими особенностями английского и русского языков и потому важное для переводчика. Русское пространство — не только бескрайнее, но прежде всего не структурированное, не расчерченное, не перегороденное, если и расчленяемое, то не столько языком, сколько наукой, географией, административными границами. В английском же языке, отражающем, на взгляд русского человека, тесный, «расчлененный и перегороденный западноевропейский мир» (В.Вейдле), на любой текст как бы наброшена сетка пространственных координат, указателей, уточнителей, порой кажущихся нам просто ненужными — ну зачем, собираясь отдохнуть, американец обязательно скажет *I'll be going down to Florida?* Зачем все эти *up on the fifth floor*, *down in the basement*, *out in the hallway*, *up North*, *upstate*, не всегда понятный *downtown* (это обычно центр города, но не в Нью-Йорке, где есть еще *midtown Manhattan*)?

Там, где пространственный компонент явно избыточен (как в примере с Флоридой), трудностей в переводе обычно не возникает — он просто снимается и возникает нормальная русская фраза: *Я поеду/собираюсь во Флориду*. Совсем другое дело, когда присутствующий в слове или выражении дополнительный семантический элемент принципиально важен, когда на нем держится, может быть, весь глубин-

Анализ практики

ный смысл сказанного. Как быть, скажем, с пушкинским *И запируем на просторе?* Простор здесь не столько пространство или открытое море, сколько символ отсутствия помех, синоним «воли», возможности «погулять» и даже «разгуляться». То есть в переводе, может быть, *we shall celebrate in freedom* или *we'll be feasting without hindrance*.

То же самое и с глаголом *гулять*. Как отмечает Алексей Шмелев, «строки известной песни *Ой да загуляя, загуляя парнишка, парень молодой* не позволяют точно указать, в чем, собственно, это заключалось. Напился ли он, закрутил ли головокружительный роман — все это очень возможно, но не обязательно. В глаголе *загулять* содержится самозабвение, отсутствие границ, отчаянность, буйство, безудержное веселье, переходящее в бездонную тоску». Уфф! И из другой песни: *По Дону гуляет казак молодой*. В каком смысле гуляет? Уж точно не странствует. Это вам не европейский *странник*, не *Wanderer* в духе фортепьянной фантазии Шуберта, но это и не просто *гуляка* (строка *О чем, дева, плачешь* намекает на любовные похождения, но и сам казак молодой скорее всего не ограничивался).

Слава богу, в переводческой практике не так часто приходится иметь дело с народными песнями. Но некоторая закономерность — проявляющаяся, конечно, не как железный закон, а в виде тенденции — просматривается. Русское пространство нередко возникает в речи в эмоциональном контексте и, стало быть, в переводе может оказаться важным экспрессивный аспект; английское пространство — назойливый, вездесущий компонент многих высказываний, поставщик сравнений и метафор, которые в переводе могут стать объектом адекватной замены — часто с исчезновением пространственного элемента.

Примерам таких замес — несть числа. Во многих случаях они обнаруживаются естественно или, во всяком случае, без особого труда: *upbeat* — *бодрый, оптимистический*; *to be on top of it* — *контролировать ситуацию*; *to go back on one's promise* — *подвести, не выполнить обещание*. Но это в основном тогда, когда описываются «общечеловеческие» ситуации. Труднее приходится, когда мы имеем дело с

более специфическими, еще не вполне освоенными русским языком ситуациями — в политике, бизнесе, технике. Здесь приходится покрутиться. Скажем, в политической лексике *back channel* — *закрытый канал, to speak on (deer) background* — *говорить не для цитирования, строго для сведения*; в лексике бизнеса — *inhouse lawyer* — *штатный юрист, downsizing* — *сокращение штатов, структурное дробление, top-heavy structure* — *бюрократизированная структура*. Но иногда все усилия по подбору адекватного варианта из наличного в русском языке материала оказываются тщетными, и тогда — заимствование: *аутсорсинг, бэк офис, офшор* и т.п. Впрочем, не будем отклоняться от темы.

Английское пространство структурируется по-разному — *up and down, top to bottom, front and back, inside/indoors and outside/outdoors*. Последний почти всегда требует в переводе на русский конкретизации: очень редко, описывая ситуацию, мы говорим *внутри и снаружи*, чаще — *в помещении, в доме, на улице, на воздухе*.

Английское пространство, будучи генератором словообразования и источником метафор для описания времени, событий, отношений людей, парадоксально: например, *to pay upfront* — это по сути то же самое, что *to make a down payment*.

Английское пространство — это не только уже упомянутые слова, но и, например, названия стран света, которые легко превращаются в метафоры, приходящиеся кстати в самых разных контекстах. Слова *North* и *South*, помимо своих географических значений, имеют также интуитивно ясные значения, близкие к словам *выше/ниже, больше/меньше, вверх/вниз, лучше/хуже*. Некоторая зыбкость делает описание этих значений нелегким делом. Но в конкретном случае полобрать перевод, как правило, не очень трудно: *Last week the house approved a defense bill north of \$400 billion*. Можно сказать гораздо проще — *over \$400 billion*, хотя могут возразить, что в тексте возникает элемент некоторого сарказма, который можно отразить в переводе: *На прошлой неделе палата представителей одобрила законопроект о расходах на оборону, «отстегнув» военным более 400 миллиардов долларов. When the occupation [of Iraq] turned south, the backbiting and second*

guessing were inevitable. Когда речь идет о военной кампании, можно подумать, что здесь имеется в виду что-то географическое. Но нет: *Когда дела у оккупационных властей пошли хуже, закулисные интриги и критика уже принятых решений стали неизбежными.*

Английское пространство сливается со временем, служит для описания временных отношений. Конечно, это случается и в других языках, но в английском гораздо чаще, чем в русском. К тому же русское высказывание, как правило, более развернуто: *We are five minutes out — Мы в двух минутах езды. US military official says withdrawal from Iraq is at least a year off — По словам американских военных, вывод войск из Ирака произойдет не раньше чем через год.*

О посягательстве английского пространства на время скажем подробнее, потому что примеров, как говорится, немерно. Вот, скажем, модные выражения *down the road* и *going forward* или слово *upcoming*. Все они — от склонности носителей английского языка изобогать в своей речи слова *future*, подмеченного многими исследователями. Конечно, и по-русски мы нередко говорим *в перспективе, предстоящий* и т.д. Но в английском интерпретация времени как пространства встречается чаще и выражается разнообразнее. Вот, например, слово *through: from November 10 through 20 — от 10 до 20 ноября включительно.* В следующем примере употребление пространственного предлога *into* позволяет выразить мысль предельно сжато: *Pentagon officials have mentioned a reduction figure of 20,000 to 30,000 troops. That would still leave about 100,000 Americans in Iraq well into next year — <...> В результате в течение значительной части будущего года в Ираке останется около 100 тысяч американцев.*

А как лаконично звучит следующий диалог из книги Джонатана Франзена *Corrections*:

"I'm doing too much cooking."

"So do less," she said. "We'll eat out."

"I want to eat home and I want to do less cooking."

"So order in," she said.

По-русски приходится конкретизировать: *Будем есть в ресторанах. Закажи с доставкой.*

Еще один пример из этого романа — очаровательный монолог американской девицы, не теряющей хладнокровия в самых острых ситуациях. В стране, сотрясаемой волнениями и переворотами, она развлекает свою спутницу милой болтовней: *So my dad' like, you've got to subtlet if you're going to Europe, and I'm like, I promised Anna she could stay there weekends when there's home games so she can sleep with Jason, right? I can't take a promise back — right? But my dad's getting all bottom-line, and I'm like, hello, it's my condominium, right?*

Передача по-русски этого лепета не представляет особых трудностей — наша молодежь говорит очень похоже. Интересно здесь слово *bottom-line* — первоначально бухгалтерский термин, образованный при помощи пространственного образа (*финансовый результат, окончательная прибыль или убыток*), и в то же время модная метафора, по смыслу совпадающая с нашим выражением *сухой остаток* (пространственная метафора заменяется «химической»). В данном же случае — нечто среднее: *Папа мне опять о деньгах, а я ему, короче, квартира-то как бы моя, да?* (В опубликованном недавно под названием «Поправки» переводе Л. Сумм. к сожалению, опечатка: *Папа напает выдвигать ультиматумы*).

Вернемся к более серьезным текстам. Замечательный пример лаконичности, даже афористичности английского пространственного высказывания — знаменитая фраза первого генерального секретаря НАТО лорда Исмея: *The core purpose of NATO is to keep the Russians out, the Americans in, and Germans down.* Что делать переводчику? Среди различных предлагавшихся вариантов перевода есть неплохие, например *<...> не пускать в Европу русских, не отпускать из нее американцев и держать в узде немцев.* Потеря лаконичности здесь частично компенсируется яркостью последней фразы.

Своеобразным выражением «континуума» англоязычного пространства-времени является слово *elsewhere*, в русском переводе естественно превращающееся в чисто временное высказывание: *I've spoken about it elsewhere — Мне уже доводилось об этом говорить* (в отличие от английского пространство здесь имплицитно).

Анализ практики

Заменять английское пространственное высказывание на временное в переводе на русский приходится часто. *Vice President Dick Cheney and top-rung advisers, including Defense Secretary Donald H. Rumsfeld and Secretary of State Condoleezza Rice, will come casual for serious talks about issues ranging from ongoing violence in Iraq and standoffs with Iran and North Korea over their nuclear programs to anti-American sentiment abroad, especially in the Middle East.* По-русски естественный способ выразить эту мысль: <...> для серьезного обсуждения таких проблем, как неутрачивающее насилие в Ираке, конфронтация с Северной Кореей и Ираком в связи с их ядерными программами и антиамериканские настроения в мире. Аналогичный пример: *Last January, when Iraq had its first elections, troop levels were raised as high as 160,000, mainly by overlapping some units arriving in Iraq to begin a one-year tour with those who were ending their yearlong tours — <...> посредством продления годового срока пребывания некоторых частей и подразделений одновременно с прибытием замены.*

Неправильная интерпретация английской «пространственности» может вести к смысловой ошибке в переводе: *These three cases, coming so close together, are a reminder of the dangers and necessity of a dogged reporter's search for truth.* В переводе, опубликованном на одном из Интернет-сайтов: Три вышеописанных дела, которые так похожи, являются напоминанием об опасностях и необходимости для репортеров вести настойчивые поиски истины. Здесь пространственная метафора «близости» означает не похожесть (как чаще всего в русском языке), а близость во времени.

Избыточность пространственных элементов в английском высказывании иногда буквально бросается в глаза: *Another downside of dynasty is [that] outsized pressures on political heirs to perform greater feats can lead to dangerous overreaching.* По-русски — иной «рисунок высказывания»: Еще одним минусом династий является то, что политические наследники, чувствующие себя буквально обязанными добиться большего, чем их предшественники, могут опасным образом переоценить свои силы. Кстати, в аналогичных примерах со словами *overextend*

oneself — переоценить свои возможности, *overreact* — сорваться, неадекватно отреагировать русское высказывание не пространственное и по сравнению с английским либо более, либо менее конкретное.

Отказ от пространственности в переводе на русский возможен и при переводе слов и выражений типа *upmarket*, *upscale* и т.п. Конечно, можно сказать *относящийся к верхнему сегменту рынка*. Но проще — *элитный, фешенебельный, престижный* (правда, все эти слова — заимствованные). Или возьмем слово *across* в таком предложении: *Mindless application of the same tests across cultures is desired by no one.* И здесь в переводе на русский пространственный элемент исчезает: *Все мы против бездумного применения одних и тех же тестов в странах с различной культурой.*

Пространственность в сочетании с характерной для английского языка тенденцией к метафоричности проявляется в модном в последнее время словосочетании *up-or-down vote*: *All 100 members of the U.S. Senate will soon decide a basic question of fairness. Will we permit a fair, up-or-down vote on every judicial nominee?*

Вот определение, которое дает Интернет-энциклопедия Wikipedia: *An up or down vote refers to a direct vote in the U.S. House of Representatives or the U.S. Senate on an amendment or bill; it is sometimes referred to as a "clean vote". Members simply vote yea or nay on it. <...> The phrase is probably most often used by those who are frustrated by opponents in the House or Senate who delay a bill indefinitely by means of various tactics. <...> By appealing for an "up or down vote" an advocate of the bill is trying to get it out of committee and past all other legislative hurdles, and to a floor vote.* Очевидно, что элемент *up or down* несет в себе энциклопедическую информацию для американского реципиента, которая по прагматическим соображениям не обязательно должна передаваться в русском переводе: *Состоится ли голосование по каждому кандидату на судебные должности, чтобы решить, наконец, вопрос по справедливости?*

Как пространство может интерпретировать не только время, но и событие? Опять-таки это случается не только в английском,

но и в русском языке, но, по мнению А.Д. Швейцера, в английском эта возможность представлена шире. Поэтому в русском переводе пространственный элемент может исчезать или сильно видоизменяться: *Since its inception in 1909, the company's research and technology have been a driving force behind its growth* — С момента образования компании в 1909 г. движущей силой ее роста была и остается/в основе ее роста лежит научно-исследовательская работа и новые технологии.

Аналогичный пример — со словом *beyond*: *[Bush] would move America beyond not just Bill Clinton but also that president before Clinton* — При Буше Америка преодолет наследие не только Билла Клинтона, но и другого президента — его предшественника. Пространственно *beyond* встречается в забавном, на грани приличия акрониме *FUBAR*. Согласно словарям, расшифровка этого сокращения — *...ed up beyond all recognition/repair/recovery*, а экспликация — *utterly botched or confused*. По-русски — *полный*

провал/абзац, FUBAR situation — просто *идиотская ситуация*.

В русском языке — свои способы выражения, основанные на пространственности, другие метафоры, другие пространственные слова, иногда вызывающие трудности при переводе на английский язык. Так, традиционной трудным является слово *сближение*, по-английски иногда передаваемое заимствованным из французского *rapprochement*, иногда как *approximation* или *harmonization* (в Договоре о Европейском Союзе: *common rules on competition and approximation of laws*), а иногда при помощи выражений типа *closing (of) the gap, meeting of (the) minds, coming together*. В отличие от аналитического английского языка, где, повторюсь, пространственность напоминает сетку, наброшенную на текст, в русском, синтетическом, языке пространственность проникает в слово, особенно в глагол, ну и, конечно, в наречия — но о русских наречиях разговор должен быть особый.

Объекты и субъекты, или Words that lawyers like and translators stumble over

Т.П. Некрасова

Юридический перевод — совершенно особая область перевода, требующая от переводчика не только глубоких языковых знаний и основательной лингвострановедческой подготовки, но и пытливости ума, желания вчитываться в переводимый текст, способности смотреть «вглубь», потому что иначе разобраться в хитросплетениях юридической мысли просто невозможно.

При юридическом переводе с русского на английский возникает целый ряд сложностей. Связаны они и с весьма существенной разницей правовых систем и понятий, и с необходимостью передачи чисто российских

реалий средствами чужого языка, и с особенностями юридического словоупотребления вообще, и со спецификой индивидуального стиля автора того или иного юридического документа в частности.

Возьмите любой юридический текст на русском языке, будь то договор, закон или правовое заключение, и вы обязательно встретите там слова «объект» и «субъект» в огромном количестве в самых разных сочетаниях и на самом разном удалении друг от друга. Порой встречаются тексты, где плотность употребления этих слов превышает все мыслимые пределы не только слухового, но и

Анализ практики

зрительного восприятия, т.е. смысл фразы ускользает даже тогда, когда сказанное устно переносится на бумагу (вопреки закону восприятия информации, предполагающему что письменный текст должен восприниматься легче, чем устная речь).

Для примера процитируем документ, только в названии которого слово «объект» встречается целых три раза, причем в двух разных значениях.

Правила выдачи разрешений на строительство объектов недвижимости федерального значения, а также объектов недвижимости на территориях объектов градостроительной деятельности особого регулирования федерального значения (для убедительности добавим, что утвержден сей документ Постановлением Правительства РФ от 10 марта 2000 г. № 221).

Пункт 25 данных правил гласит: «Основанием для выдачи специальных разрешений на строительство объектов недвижимости на территориях объектов градостроительной деятельности особого регулирования федерального значения является решение органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации о строительстве объекта недвижимости значения субъекта Российской Федерации и о подготовке документов для получения специального разрешения на его строительство».

Что делать переводчику? А переводить надо. Иностранная компания заказала юридическое заключение на английском языке, и по результатам его изучения будет приниматься решение о выходе на российский рынок с планами организации производства. Грамотность и прозрачность перевода вряд ли будут решающими факторами для принятия подобного решения, но способствовать его принятию они вполне могут. Переводить надо, даже если, как следует из приведенной цитаты, одни объекты строятся на территории других и сразу не очень понятно, что имеется в виду. Как бы неуклюже это ни звучало по-русски, а по-английски это нужно ухитриться сказать, и не просто сказать, а дать по возможности точный перевод названия документа и максимально корректно донести до англоязычного адресата содержание выдержки из него.

Если пойти по линии наименьшего сопротивления и, полагаясь на «интернациональность» двух рассматриваемых слов, переводить «объект» как *object*, а «субъект» как

subject (что зачастую и происходит, во всяком случае словосочетание «субъект Российской Федерации» сплошь и рядом переводят как *subject of the Russian Federation*), то получится текст, понять который неподготовленная иностранная аудитория, имеющая весьма приблизительное представление о российской действительности, вряд ли сможет. Подготовленная же (в определенной степени) иностранная аудитория — это те англичане и американцы, которые долгое время живут и работают в России и уже привыкли к нашему словотворчеству в их родном языке. Результатом такого словотворчества является проникновение в язык Шекспира и Байрона таких шедевров, как, например, *charter capital*. Этот вариант перевода термина «уставный капитал» (типичный, так и хочется сказать «вопиющий», руссизм!) укоренился у нас настолько прочно, что по частотности употребления как русскими, так и самими носителями языка бьет все рекорды, оставляя далеко позади такой общепринятый в мире термин, как *authorised capital* (также называемый *nominal share capital*).

Какой же выход? Вероятнее всего, принять за аксиому тот факт, что в юридическом переводе слова *object* и *subject* оказываются самыми что ни на есть ложными друзьями переводчика и отказаться от их использования. Дальше нужно попытаться понять, что имеется в виду под «объектами» и «субъектами» в русском тексте (это к вопросу о том, нужно ли переводчику разбираться в том, что он переводит, или нет) и подобрать адекватные эквиваленты в английском языке, который вполне позволяет это сделать.

Термин «субъект Российской Федерации» определен в Конституции РФ. В п. 1 статьи 5 читаем: «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов Российской Федерации». Т.е. субъекты в данном случае — это составные части федеративного государства, каковым является Россия. Самым подходящим эквивалентом для перевода термина «субъект РФ» представляется *constituent entity of the Russian Federation*.

В английском переводе Конституции РФ, вышедшем в издательстве «Юридическая литература» в 1998 году, используется именно этот термин. Еще одним вполне приемлемым вариантом является *constituent unit*. В качестве обоснования приведем цитату из *New York Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (1958)*:

A federal State Party to this Convention shall, at the request of any other Contracting State transmitted through the Secretary-General of the United Nations, supply a statement of the law and practice of the federation and its constituent units in regard to any particular provision of this Convention, showing the extent to which effect has been given to that provision by legislative or other action.

Однако весьма активное хождение имеют и другие варианты перевода этого термина. Прежде всего, это пресловутый *subject of the Russian Federation*, что для англичан совсем уж не понятно, поскольку для них *subject* — это подданный монархии (и в первую очередь, конечно, английской). Тем не менее, даже на официальном веб-портале Президента РФ на www.kremlin.ru предпочтение отдается именно этому варианту перевода. Иногда субъекты РФ в переводе на английский язык именуются *regions*. Тогда возникает вопрос: как переводить слово «регионы»? Иногда регион и субъект РФ действительно выступают как синонимы, и в таком случае использование слова *region* вполне уместно и корректно. Однако далеко не все российские регионы являются субъектами РФ. Кроме того, слово *region* традиционно используется для перевода слова «область». Как в таком случае перевести предложение «Московская область является субъектом РФ»? Можно, конечно, воспользоваться приемом транслитерации, и в переводе «область» будет выглядеть как *oblast*. Еще один вариант перевода термина «субъект РФ» — просто *constituent*, без *entity*. Этот вариант тоже не совсем корректен, поскольку *constituent* — это элемент, компонент, составная часть, но без административно-территориального аспекта, который обязательно должен звучать в подбираемом эквиваленте. И в *constituent entity/unit* он звучит.

С объектами несколько сложнее. Чтобы правильно перевести наименование документа, о котором шла речь, и один из его пунктов, необходимо выяснить, что подразумевается под объектами градостроительной деятельности, а для этого, ничего не поделаешь, придется потратить некоторое время и обратиться к законодательству. Понятие «объект градостроительной деятельности» раскрывается в Градостроительном кодексе РФ. В п. 1. статьи 4 читаем: «Объектами градостроительной деятельности являются территория Российской Федерации, части территории Российской Федерации, территории субъектов Российской Федерации, части территорий субъектов Российской Федерации, территории поселений, части территорий поселений, территории других муниципальных образований, части территорий других муниципальных образований; объекты недвижимости и их комплексы в границах поселений и на межселенных территориях.»

Исходя из данного определения, для перевода термина «объект градостроительной деятельности» можно предложить следующие варианты: *town-planning area* или *land zoned for development* (что будет наиболее idiomатичным вариантом перевода), для какого-то контекста может подойти и *town-planning project*.

Из процитированной нормы Градостроительного кодекса сам собой напрашивается вывод о том, что территория объекта градостроительной деятельности — это масло масляное, поскольку объект и есть территория, но так уж пинут наши законодатели. Для переводчика же здесь важно то, что при переводе слово «территория» можно вообще безболезненно опустить, а из имеющихся вариантов перевода термина «объект градостроительной деятельности» выбрать тот, в котором присутствует сема территориальности — *town-planning area*.

Остается определиться с объектами недвижимости, и основные подводные камни будут устранены. Чуть выше мы уже опустили без ущерба для смысла одно слово. С объектами недвижимости вполне можно проделать то же самое и оставить просто *real estate*.

Анализ практики

Данные «опущения» не имеют ничего общего с правилом «When in doubt, leave it out», когда при переводе что-то опускается по незнанию. Это сознательные или, говоря юридическим языком, умышленные опущения, которые не только не искажают смысл, а наоборот способствуют тому, что переведенный текст будет ясным, прозрачным и доступным для понимания, т.е. reader-friendly. Кстати, слово «территория» вообще очень часто встречается в названиях российских законов и других нормативных правовых актов.

В качестве иллюстрации приведем областной закон «О льготном налогообложении предприятий и организаций, расположенных на территории Ленинградской области» и Положение о муниципальной поддержке инвестиционной деятельности на территории города Новосибирска. В таких случаях слово «территория» при переводе можно совершенно спокойно опустить, что позволяет добиться большей лаконичности и компактности: On Preferential Taxation of Enterprises and Organisations Located in the Leningrad Region, Regulations on Municipal Support for Investment in Novosibirsk. А вот «таможенная территория» – это уже юридический термин, оба слова в нем значимы, и если осуществляется ввоз оборудования на таможенную территорию РФ, то переводить следует equipment imported onto the customs territory of the Russian Federation, потому что, как говорят специалисты по таможенному праву со ссылкой на действующее законодательство, таможенная территория Российской Федерации и сама Российская Федерация – это не одно и то же.

Переведем название еще одного закона, просто ради удовольствия продемонстрировать как длинная (для названия), грешащая некоторой словесной избыточностью фраза при переводе становится короче, легче и вполне укладывается в рамки англоязычной традиции, с той лишь разницей, что названия английских и американских законов никогда не начинаются с предлога «о»: «О льготном режиме налогообложения субъектов инвестиционной деятельности на территории Тверской области» – On Preferential Taxation of Investors in the Tver Region.

Когда речь идет о российских законах, предлог «о», с которого начинается название большинства из них, переводят и “concerning”, и “regarding”, и “about”. Все это в принципе правильно, но не всегда уместно. Первые два варианта больше подходят для описательного перевода (закон о ...).

Предлог about имеет некоторый оттенок разговорности. Поэтому когда стоит задача точно перевести название российского закона (например, при ссылке на него в юридическом заключении), наиболее приемлемым аналогом русского «о», пожалуй, является предлог on.

Мы немного отвлеклись от анализа перевода Правил выдачи разрешений на строительство. Пора к нему вернуться и продемонстрировать результат наших поисков и усилий.

Правила выдачи разрешений на строительство объектов недвижимости федерального значения, а также объектов недвижимости на территориях объектов градостроительной деятельности особого регулирования федерального значения

Предлагаемый перевод: Rules for issuing permits to construct real estate with federal status and real estate in town-planning areas specially regulated by federal authorities

А перевод пункта 25 (см. выше) может выглядеть следующим образом:

The basis for issuing special permits to construct real estate in town-planning areas specially regulated by federal authorities ... is the decision issued by the executive authority of a particular RF constituent entity to build real estate with regional status and to prepare the documents required for obtaining a special building permit.

Выигрыш по объему не очень значительный, но английский текст понятен и в целом удобочитаем (насколько текст закона вообще может соответствовать критериям понятности и удобочитаемости).

Справедливости ради надо заметить, что встречаются случаи, где действительно важно подчеркнуть множественность объектов недвижимости. Для таких ситуаций можно предложить использовать real estate assets или properties (property во множественном числе означает не только театральный реквизит). Слово object в любом случае не годится.

Не подходит оно и для перевода текстов по налоговой тематике. В русском языке термин «объект налогообложения» существует на абсолютно законных основаниях. В английском от слова «объект» нужно уходить, подбирая более идиоматичные варианты перевода, хотя (формально у английского слова object есть значение *a thing or matter to which thought or action is directed* (Webster's Concise College Dictionary). Вариантов перевода словосочетания «являться объектом налогообложения» существует немало: *to be taxable, to be subject to tax/taxation, to be liable to tax, to give rise to tax liabilities* и т.д. Фразу «Безвозмездно полученное имущество не является объектом налогообложения по налогу на прибыль» можно перевести следующим образом: *Property received free of charge is not subject to profit tax/docs not give rise to profit tax liabilities.*

Если уж в силу каких-то причин необходимо дать перевод, максимально приближенный к русскому тексту, где идет речь об объекте налогообложения, можно сказать, *sth is a taxable item*. А когда роскошный особняк расхваливается как чрезвычайно привлекательный объект недвижимости, прекрасно подойдет *a piece of real estate*.

Существует масса примеров, где слова «объект» и «субъект» являются по сути избыточными и при переводе их не только можно, а даже нужно опускать, чтобы в одном случае не загромождать и без того длинное предложение, в другом — избежать ненужных ассоциаций, в третьем — для того, чтобы фраза не резала ухо англоязычного адресата.

Субъекты малого предпринимательства — это просто *small businesses*, субъекты естественных монополий — просто *natural monopolies*, объекты основных средств — *fixed assets* (один объект основных средств — просто *fixed asset*), а объекты животного мира (наше природоохранное законодательство оперирует именно этим термином, понимая под ним «совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации...») — *wildlife resources*. Прямой английский аналог выражения «права на объекты интеллектуальной собственности» —

intellectual property rights. В том случае, когда в русском языке к данным объектам добавляются какие-то характеристики, например: «права на объекты интеллектуальной собственности, созданные в рамках научно-исследовательских работ», при переводе нужно всего лишь переместить вперед слово *rights*, а к *intellectual property* добавить *created by research*. Если же речь идет о правах на какой-то один определенный объект интеллектуальной собственности, можно сказать *rights to the IP asset created by...*

Нередко встречаются ситуации, где для перевода с русского юридического на английский, нужно осуществить одно промежуточное действие, а именно: сначала перевести с русского юридического на русский общепонятный, и только потом на английский. Отчасти мы это уже делали, «расшифровывая» объекты градостроительной деятельности. Другим ярким примером может служить термин «субъекты договорных отношений». По сути дела, это просто договаривающиеся стороны, т.е. *contracting parties*. «Хозяйствующие субъекты» вполне можно упростить при переводе до *companies* или *businesses*. А вот термин «субъекты валютного контроля» в соответствии с российским законодательством включает в себя и органы валютного контроля, и агентов валютного контроля, и резидентов и нерезидентов, деятельность которых попадает в сферу валютного регулирования в РФ, так что перевод этого термина будет в большинстве случаев контекстуальным — либо *exchange control authorities*, либо *exchange control agents*, либо *residents and non-residents* (или просто *companies*) *engaged in foreign exchange transactions*.

Надо признать, что тенденция к простоте и понятности (то, что англичане и американцы в шутку называют *the KISS rule — keep it short and simple*) с трудом пробивает себе дорогу в юридический язык, так что юридическому переводчику, помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, волей-неволей приходится выступать и в роли редактора, и в роли толкователя, и даже в роли дешифровщика.

Семь заблуждений относительно заимствований

(Цитаты с комментариями)

В.К. Ланчиков

Хороший тон требует вставлять в статьи на подобную тему оговорку: «Я не против иноязычных заимствований, но...» («Я не ханжа, но...»), и дальше перечислять, какие заимствования, по мнению пишущего, всё же имеют право прописки. Обычно это отделение овец от козлий подчиняется простой закономерности: чем дольше существует слово в русском языке, тем более весомым признаются его права.

Это понятно: со временем значение слова делается определённое, графический и звуковой облик привычнее, стилистическая окраска отчётливее. В книге «Жизнь как жизнь» К.И. Чуковский писал:

Прохожу как-то в Ленинграде по улице Зодчего Росси (это было в 20-х годах) и слышу, как один из юных маляров спрашивает у другого, постарше: что это такое за зодчий?

– Зодчий, – задумался тот, – это по-русски сказать: архитектор.

Было ясно, что русское зодчий звучит для обоих чужим звуком, а иностранное (с греческим корнем и латинским окончанием) архитектор воспринимается как русское.

Но вот под влиянием английского словоупотребления слово «архитектор» начинает всё чаще и чаще использоваться метафорически: «архитектор Перестройки», «архитектор концепции». В каком-то кинопереводе мелькнуло даже: «Человек – архитектор своей судьбы». Интересно, как оценил бы такой перевод юный маляр, упомянутый Чуковским. Вряд ли как естественный. По крайней мере, переводчица трагедии У. Шекспира «Тит Анд-

роник» А.И. Курошева передала это слово, не прибегая к формально близкому эквиваленту:

Of this was Tamora delivered,
The issue of an irreligious Moor,
Chief architect and plotter of these woes.

Им разрешилась Тамора; он ею
От мавра нечестивого рожден,
Зачинщика, творца всех этих бедствий.

Дело прояснится, если обратиться к словарным определениям “architect” и «архитектор». У английского слова – в отличие от русского – от частого употребления в качестве метафоры появилось ещё одно, переносное значение, отмеченное, например, в Оксфордском словаре английского языка: “One who so plans, devises, contrives, or constructs, as to achieve a desired result (especially when the result may be viewed figuratively as an edifice); a builder-up”.

О подобных случаях говорил несколько лет назад заместитель директора Института русского языка АН РФ Л.П. Крысин, сетуя на язык СМИ:

Такая иной раз несётся с экрана безграмотность – уши вянут (...). Как может «шокировать» убийство? Да откройте вы словарь, он растолкует разницу между «шоком» и «шокировать». «Монстр» означает в русском языке «урод, чудовище». «Монстры балета», «монстры кино» – это же бездумная калька с английского.¹

(Кстати, по английской же выкройке перелицована и семантика вышеупомянутого

¹ Л.П. Крысин. «Не хочу, чтобы меня “шокировали монстры”». – «Известия», 16 марта 2002 г.

«шокировать». “She was shocked by her daughter’s behaviour” вполне можно перевести: «Её шокировало поведение дочери», но “She was shocked by her daughter’s death”...).

«Архитектор», «шокировать», «монстр» — заимствования давние, поэтому в шумных спорах об уместности лексического импорта, о незамстных сдвигах в их семантике вспоминают редко. Но такие переосмысления привычных слов при некотором упрощении можно приравнять к повторному заимствованию, причём заимствованию, мешающему нормальному общению, поскольку собеседники могут вкладывать в одно и то же слово разный смысл: на «монстра», упомянутого в похвалу («монстр перевода»), иной может и обидеться.

Это лишь одна из сторон вопроса о заимствованиях. Таких сторон множество. Большинство споров вокруг этой темы производят удручающее впечатление именно потому, что предмет спора, конкретная сторона вопроса не обозначены со всей отчётливостью. Заимствования вообще? Или только лексические? Или грамматические? Или изменения в семантике уже употребительных слов под влиянием их иноязычных двойников (вроде этих самых «монстров»)?

Набор доводов в подобных спорах не слишком разнообразен. Очень часто это просто ворох штампов, повторяемых для того, чтобы придать внушительность собственным вкусовым предпочтениям. Ну, а где штампы, там и предрассудки, и неудивительно, что кое-какие мнения на эту тему не соответствуют фактам.

В этой статье я не предлагаю никаких новых подходов к заявленной теме. Мне просто хотелось обратить внимание на некоторые доводы, часто мелькающие в спорах о лексических заимствованиях, и, сопоставив их с фактами, заставить читателя задуматься: а так ли уж эти доводы бесспорны?

Умышленно не привожу источники примеров из современных средств массовой информации: обойдёмся без политических и идеологических ярлыков.

1. «Я не кошка, я киска»

Из недавних наблюдений. В мае этого года, когда в Москве, Туле и ещё ряде городов произошло аварийное отключение электричества, журналисты многих изданий, телесканалов и радиостанций сообщили о «блэкауте».

Когда несколько лет назад подобное происшествие приключилось в Нью-Йорке, журналисты, описывая его, обошлись более употребительными русскими словами.

Так же обстояло дело в 1998 году, когда тогдашнее российское правительство объявило «дефолт». Не первый случай в истории человечества, когда страна или компания извещает о своей финансовой несостоятельности, однако в сообщениях о *зарубежных* событиях такого рода происшедшее обычно описывалось яснее.

Вспомним, что «секьюрити», «секонд-хэнд», «ресепшен» и прочие «стартапы» и «хэндауты» тоже обозначают понятия, имеющие наименования на языке родных осин, и переводчики при описании инокультурной среды без труда этими русскими наименованиями пользуются.

Сногсшибательный парадокс: инокультурная реальность поддается описанию без привлечения заимствованных слов, а описание реальности отечественной непременно их требует!

Кое-что станет яснее, если приемотреться к одной особенности употребления этих слов в современном обиходе.

В 1910 г. видный русский юрист П.С. Пороховщиков (Сергеич) в своей классической работе «Искусство речи на суде» писал:

В устах неразвитого или небрежного человека синонимы (...) служат к затемнению его мыслей. Этот недостаток часто встречается у нас наряду с пристрастием к галлицизмам; русское слово употребляется рядом с иностранным синонимом, причём чужеземец получает первое место. Вот два отрывка из речи учёного юриста в Государственной думе: «Наказание, которое фиксируется, намечается судом...», — «общество, в отличие от отдельного человека, обладает гораздо большим материальным достатком, а потому и может себе позволить роскошь гуманности и человечности».²

² П. Сергеич. «Искусство речи на суде». — Тула: «Автограф», 2000, стр. 28.

А как это по-русски?

В таком расположении (заимствование – русское слово) всё же есть известная логика: второе слово выступает как словарное определение первого. Сказал – пояснил.

Наблюдение за языком СМИ показывает, что сегодня при подобном употреблении синонимов этот порядок изменился:

- Это осознаётся как исключение, как ситуация эксклюзивная.
- Как, по-вашему, говорит ли что-нибудь о политике его словарный запас, вокабуляр?
- Хочется надеяться, что новое руководство, новый менеджмент телеканала найдет общий язык с журналистами.
- Я подхожу к этому с отбором, с фильтрацией.
- Я бы дорого отдал, чтобы была какая-то прозрачность, транспарентность.
- В России может произойти крах, коллапс центрального правительства.
- Надо лишить его депутатской неприкосновенности, иммунитета.
- Но в подобных вопросах берлинцы и берлинки терпимее и толерантнее прочих.³

И даже:

- У них в уме происходит феномен перевёртыwania, инверсии.

Может быть, говорящие и пишущие считают, что сочетания «словарный запас» или «депутатская неприкосновенность» недостаточно понятны аудитории и требуют пояснения при помощи «вокабуляра» и «иммунитета»? Или причина в том, что они больше заботятся не о внятности мысли, а о солидности собственного речевого образа? Я склоняюсь ко второму объяснению. По крайней мере, в подобных случаях мне всегда вспоминается герой рассказа Саши Чёрного «Штабс-капитанская сласть»:

Обиделся штабс-капитан, пальцем с амбицией помахал:

– Обалдуй ты корявый, разницы не знаешь. Пьяницы это из нижних чинов, а из офицерского звания – алкоголики.

³ Отметим заодно грашозный реверанс в сторону речевой полноточности: «берлинцы и берлинки». Вероятно, журналисту представляется, что под словом «берлинцы» подразумевается только мужское население Берлина.

Всё сказанное наводит на мысль, что распространённое мнение, будто лексические заимствования всегда вызваны переносом в отечественную культуру инокультурных реалий, не совсем справедливо. Немалая часть заимствований – попросту следствие опасений говорящего, как бы его к «нижним чинам» не причислили.

Если бы дело было только в этом, можно было бы сойтись на том, что «о вкусах не спорят», и закончить разговор. Но вот ещё одна подборка высказываний:

- ❖ Ходят слухи о время от времени повторяющихся случаях холеры. Врачи для утешения умирающих называют её спорадической – и успокаиваются сами, полагая, что учёным словом всё изъяснили и поправили; но люди умирают. (А.В. Никитенко, из дневника, 1847)
- ❖ Мир, созданный Кетлинской, не поддавался войне. Не Вера Кетлинская придумала слово «дистрофия», например. Но могла бы придумать. Именно с помощью таких лёгких изменений имён и мог существовать её дневной, без признака теней, мир. Назови голодающего дистрофиком – и всё уже пристойно. Принимает даже научный характер. (Е.Л. Шарц, из дневника, 1955)
- ❖ Ведь вы не желаете быть только подругой господина Икса? Позвольте мне римский термин? Его конкубиной... По-русски это звучит гораздо хуже. (П.Д. Боборыкин, «Труп», 1892)
- ❖ Какие у него хорошенькие вещи! И весь он такой «шикозный!» Явись он к ним, в институт, к какой-нибудь «девице», его бы сразу стали обожать полкласса и никто не поверил бы, что он только «землемер». Она не хочет его так называть даже мысленно. «Не землемер, а учёный таксатор» (П.Д. Боборыкин, «Василий Тёркин», 1892)
- ❖ Учение Лютера пришлось по вкусу именно влиятельным князьям и курфюрстам. В припадке религиозного фанатизма курфюрсты позакрывали все монастыри, а имущество монастырское и земли секуляризировали.
 - Послушайте, – возражали монахи, – зачем вы отнимаете у нас наше добро?
 - Мы не отнимаем, – оправдывались курфюрсты, – а секуляризируем.
 - А, тогда другое дело, – говорили успокоенные монахи. (А.Т. Аверченко, «Всеобщая история, обработанная "Сатириконом"», 1910)

Одна из особенностей заимствованного слова — непрозрачность его внутренней формы для носителей принимающего языка. «Землемер», как подсказывает корень слова, — это тот, кто меряет землю: не Бог весть какое благородное занятие. Чем занимается «таксатор»? Неясность корневой основы будоражит воображение, и оно украшает прозаическую профессию дополнительными подробностями самого «престижного» свойства (отблеск «престижности» заимствованной словесной оболочки). «Руководство», понятное дело, руководит. А «менеджмент»? Видимо, область его деятельности шире, чем у «руководства» — иначе для чего было заимствовать слово? Понятия утрачивают отчётливость, косметические облагораживаются, окутываются зыбкой многозначительностью, что позволяет говорящему воздействовать на сознание аудитории так, как ему выгодно. Так что при некоторой сноровке заимствования становятся надёжным средством речевой демагогии.

Достаточно напомнить, что произошло в начале XX века со словом «экспроприация», которое в словаре В.И. Даля поначалу определялось как «выкуп в казну или на общественные нужды частных недвижимых имуществ; пощадительный выкуп, уступка; отчуждение собственности» (то есть имущества, пожизнок. достояния). Когда для обозначения известного рода деятельности был выбран термин «революционная экспроприация», в таком выборе ясно чувствовалась забота если не о «престижности», то хотя бы о благообразии. Грабёж преподносился как «отчуждение имущества на общественные нужды». Так что в 1909 году редактору нового издания словаря Даля И.А. Бодуэну де Куртэнэ пришлось добавить в статью «экспроприация» ещё одно значение: «насильственное лишение собственности, грабёж, воровство».⁴

⁴ Забота о благообразии выразилась и в том, что экспроприаторы стали сопровождать свои действия приказом: «Руки вверх» — как принято в «цивилизованных странах». Многочисленные примеры из русской литературы того времени показывают, что это выражение ассоциировалось именно с революционными грабежами, а не с безыдейным отъёмом денег.

Ещё один пример. Сегодня частенько можно услышать, что нормальное развитие общества «в этой стране» невозможно, пока на смену слову «терпимость» не придёт «толерантность». Объясняют это тем, что «толерантность» — более широкая категория, которая русской национальной психологии была-де до сих пор не свойственна: у слова «терпимость» тот же корень, что у глагола «терпеть», то есть нехотя с чем-то примиряться, а «толерантность» означает *готовность* принять чужие мнения, обычаи, образ мысли. Жаль только, что сторонники этого взгляда забывают указать на первоисточник слова «толерантность» — латинский глагол “tolerare”, имеющий значение «переносить, терпеть, выдерживать». Так что этимологические ссылки в данном случае мало что доказывают, и делать на их основании выводы об особенностях национальной психологии — но меньшей мере легкомысленно.

Кроме того, наборники «толерантности» то ли не знают, то ли умалчивают о том, что в русской литературе XIX века слова «толерантный», «толерировать» встречаются почти исключительно в речи сатирических персонажей — не истинных либералов, а деятелей, склонных к либеральному красноречию: салонный болтуш Тебенков в щедриновских «Благонамеренных речах», генерал Болротин в романе Н.С. Лескова «На ножах», фон Лембке в «Бесах» Ф.М. Достоевского («Я не могу относиться толерантно, когда он при людях и в моем присутствии утверждает, что правительство нарочно опаивает народ водкой, чтоб его абюргировать и тем удержать от восстания»).

Демагогические возможности заимствования позволило думским языкотворцам несколько лет назад придать глаголу «секвестировать (бюджет)» значение «сокращать, урезать», что привело к появлению ещё одного «ложного друга переводчика». О нём в своё время писала М. Берди в статье “Beware Those False Friends”.⁵ В самом деле: в английском языке есть глагол “to sequester”. Но использовать его, например, при переводе фразы:

⁵ “The Moscow Times”, Jan. 10, 2003.

А как это по-русски?

«Имеем ли мы право сегодня секвестрировать образование, культуру, медицину?» никак невозможно: значение английского глагола — “to set apart, to segregate, to hide from sight,” или “to confiscate, to seize, to impound property,” или “to take and hold (property) by judicial authority, for safekeeping or as security, until a legal dispute is resolved.” Последние два значения совпадают со словарными определениями русского глагола «секвестрировать». (Глагол «секвестровать» встречается уже в словаре Даля с толкованием: «задержать, взять под присмотр»).

Так при чём здесь «сокращение»? Какие семантические процессы могли привести к возникновению у этого слова в русском языке нового значения, столь далёкого от первоначального? Скорее всего, тот процесс, который со всей прямотой описал Шалтай-Болтай в кэрролловской «Алисе в Зазеркалье»:

– Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, – сказал Шалтай зрительно.

– Вопрос в том, подчинится ли оно вам, – сказала Алиса.

– Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, – сказал Шалтай-Болтай. – Вот в чём вопрос! (Пер. Н.М. Демуровой)

«Сокращение бюджета» звучит слишком нелепо и не спасает говорящего от досадных вопросов вроде: «С какой стати? На каком основании?». «Секвестрирование» удобно тем, что из-за неясности внутренней формы *как бы* заключает в себе эти основания («Мы не отнимаем, а секуляризуем»). А что это за основания, озадаченный обыватель попытаться не станет: кому охота показывать свою необразованность? («– А, тогда другое дело, – говорили успокоенные монахи»).

2. «Спикаю помаленьку»

То, что ловкую подмену значения замстила именно переводчица, неслучайно. Работая над этой статьёй, я на скорую руку проделал незамысловатый эксперимент: попросил пятерых переводчиков, профессиональные навыки которых ни у кого сомнений не вызывают, перевести на английский фразу: «Давайте мыслить в аналитической парадигме» (как и все примеры в этой статье, взятую из псевду-

манного текста). Кое-кто из опрошенных, естественно, осведомился о коммуникативной ситуации, о контексте, но я умышленно не дал никаких уточнений. В результате трое перевели эту фразу как: “Let’s think analytically”, “Let’s be analytical”, четвёртый – как: “Let us think in analytical universes”, пятая – как: “Let us use an/the analytical paradigm (when/for considering X)”. Я просил двух последних оценить вариант “Let’s think analytically”. Четвёртый переводчик признался, что «это первое, что пришло в голову», но он предложил именно “analytical universes,” чтобы передать «нелепость» русской фразы. Пятая переводчица тоже согласилась с правомерностью самого простого варианта, однако ей было неясно (в отсутствие контекста), насколько существенно слово «парадигма».

Зная контекст, могу утверждать, что этот словесный фейерверк затеян ради нехитрой мысли: «Давайте рассуждать логически».

Надо признать, что эксперимент был проведён не совсем чисто: следовало бы увеличить количество опрошиваемых, оговорить, каким видом перевода они занимаются по преимуществу, какой из двух языков для каждого родной, подсказать им, предназначена ли эта фраза для письменного или устного воспроизведения и пр. И всё же самый общий вывод едва ли изменился бы: переводчик передаёт в первую очередь смысл, словесные маски и гримасы воспроизводятся лишь в той мере, в какой они этот смысл не затемняют. И вывод этот позволяет опровергнуть второе распространённое заблуждение – что в **засилии заимствований виноваты переводчики**. С этим мнением можно было бы согласиться, но при одном уточнении: переводчики-дилетанты, переводчики-халтурщики. То есть те, кого «переводчиками» можно назвать только от безмерной широты души. Этим действительно ничего не стоит вернуть в киноперевод: «Смотри не электрокутируй (electrocute) себя» или сообщить в рекламе о долгожданном пришествии «ультимативных (ultimate) подвесных потолков».

В истории бывали случаи, когда стремление переводчиков к ясности смысла приводило к трагическому исходу:

Интересен рассказ Вебера о переводчице [начала XVIII века – В.Л.] Волкове, который покончил жизнь самоубийством, отчаявшись перевести на русский язык французские технические выражения по садоводству (из “Le jardinage” de Quintiny).⁶

И разве стали бы переводчики-профессионалы плодить себе всё новых «ложных друзей», число которых в русском языке растёт день ото дня? Кому-кому, а уж переводчикам известно, что «киллер» – это не “killer”, а в крайнем случае “contract killer,” чаще же “assassin, hitman,”⁷ что «рэкет» – это не “racket”, а “protection racket” или “extortion,” что «тинейджер» далеко не всегда соответствует английскому “teenager” (которое означает “a person in his or her teens”, т.е. “the years 13 to 19 in a lifetime”: у нас восемнадцати-девятнадцатилетние молодые люди не так чтобы охотно относят себя к «тинейджерам»). Промогните значения слова “digger” во всех англоязычных словарях: на каком основании любители «экстремальных» променажей по канализации назвали себя «дигерами» (попутно породив ещё одного «ложного друга» переводчика) можно только гадать. Пример создания такого «ложного друга» прямо на наших глазах приводился в прошлом номере «Мостов»: «Конечно, такая форма выборов [в Государственную думу] – это не то же, что американские “primaries”, но давайте всё-таки называть их “праймериз”». У Шалтая-Болтая нашлось много последователей.

Отважусь предположить, что неумеренное внедрение и использование заимствований часто говорит попросту о плохом знании иностранного языка. Это не такой парадокс, как может показаться. Социолингвисты отмечают, что желание человека засвидетельствовать свою принадлежность к некоей социальной группе выражается в частом использовании

речевых особенностей этой группы. Журналист, силясь поразить читателя осведомлённостью о предмете своей статьи, бесперечно щеголяет терминологией и профессиональным жаргоном (жаргон – самое интимное в языке каждого замкнутого языкового коллектива: это диалект «посвящённых в таинства»). И чем меньше надежды доказать эту осведомлённость, тем судорожнее хватания за каждое словечко из лексикона людей действительно осведомлённых.

Сказанное о языке социальных групп можно отнести и к иностранным языкам. Переводчику – настоящему переводчику – нет нужды лишней раз доказывать, что он с иностранным языком «на ты»: он доказывает это своей работой. Ну а к услугам человека, который *связной* иностранной речью владеет не очень уверенно, но во что бы то ни стало желает сойти чуть ли не за билингва, имеются россыпи отдельных слов, которыми можно с истинно брайтон-бичским шиком усыпать речь, кокетливо делая вид, что забыл соответствующее русское слово.⁸

Для удовлетворения этой потребности у литературных, театральных и кинокритиков выработался штамп, который, должно быть, заметили переводчики. Рассуждая о переведённом произведении, пишущий как бы между прочим приводит буквальный перевод его заглавия или какого-нибудь выражения из него и тем самым возносит себя над читательско-зрительской чернью, принявшей было на веру опубликованный перевод.

Пишется так:

Эта сравнительно «свежая» картина [«Крепкий орешек»], ставшая бестселлером в Соединённых Штатах год назад и уверенно собирающая зрителей у нас, на самом деле [курсив мой – В.Л.] называется «Дай хард», что в дословном переводе значит «Умри тяжело», а по смыслу совет не сдаваться.

⁸ Из записной книжки Д.С. Лихачёва: «Наполеон графу Шуазелю, объясняя ему пышность своего двора: “Простота не идёт человеку, вышедшему из протетых солдат; она годится только наследственному государю”. Мысль Наполеона можно продолжить и не в столь “самооправдательном” смысле, как у Наполеона: важность нужна людям ничтожным, внешнее “глубокомыслие” – глупым и т.п.»

⁶ В.В. Виноградов. «Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX веков». – М.: «Высшая ликада», 1982, стр. 58.

⁷ Любопытное замечание на этот счёт встречается в газете «Файнэншл таймс»: “The most lurid charges against Mr Konyakhin are levelled in a patchy home video, which has been rebroadcast on Russian national television. In it a dapper young man in a panama hat and linen suit describes himself as a professional keeler, Russia’s new term for hit-man, who has been paid to commit murders by Mr Konyakhin” (The Financial Times, Oct. 3-4, 1997).

А как это по-русски?

В издании, откуда взят этот пример, каждой рецензии отведено три-четыре десятка строк в узкой колонке. Понятно, что при таком ограничении объёма приходится писать лишь о самом главном. К этому самому главному автор рецензии относит ошарашивающее утверждение, что в английском языке пожелание тяжёлой смерти равнозначно совету не сдаваться. Может быть, нишуший углядел в переводе названия смысловую ошибку и решил её поправить? Невразумительная вышла поправка. Всё равно лучше, чем у переводчика, не получилось, и читателям остаётся лишь порадоваться известию, что рецензент знает английские слова "die" и "hard".

Исправление «ошибок» переводчиков подчас принимает более утончённые формы. Известный роман Т.Капоте в переводе В.П.Голышева носит название «Завтрак у Тиффани». Журналист центральной газеты спешит уточнить: «Завтрак у Tiffany». И чувствуется, подвернись ему под руку Диккенс, мы услышали бы о романе «Торговый дом Dombay & Son».

3. Грехи господина Вольтера

«Желание быть испанцем» (по выражению Козьмы Пруtkова) — лишь одна из причин такого перебора. Вот ещё одна. Раз на занятиях по переводу я обратил внимание студентов на то, как свежезаимствованные слова вытесняют не только исконную лексику, но и заимствованные же единицы, и привёл в пример «прайс-лист», пришедший на смену немецкому «прейскуранту». Один студент заметил: «А для меня "прейскурант" — это что-то из застойного советского прошлого». (Студент, кстати сказать, очень способный, впоследствии ставший отличным переводчиком).

Для справки: омар никогда не был дежурным блюдом на столе советских граждан, и его переименование в «лобстера» вызвано нежеланием порвать с советским прошлым. И, если мне не изменяет память, в кегельбанах тогда тоже каждый вечер не проводили, так что в «боулинги» их переименовали не из отвращения к тоталитарному режиму.

Из чего видно, что фига в сторону Советской власти на самом деле предназначается

тому, что ей предшествовало. Ведь заведения, именуемые «кегельбаны», были известны в России по крайней мере с 60-х годов XIX века. «Омары» памятли всякому, кто ещё не забыл школьный курс русской литературы. С XIX же века существовал в русском языке «прейскурант». И, не собираясь вступать в спор с внедрителями термина «нэйминг-бренда», хочу всё же напомнить, что обычный присваивать товару наименование тоже не большевики придумали.

А недавно от одного молодого человека (уже не «тинейджера», но ещё "teenager'a") мне случилось услышать прямо-таки душераздирающую историю заимствований: оказывается, при Советской власти все они были чуть ли не под запретом, и лишь в наше время...

Мнения юного знатока не разделял известный языковед М.А. Селищев, писавший в 1926 г.:

Слова иноязычного происхождения испещряют речь революционных деятелей иногда без необходимости, при наличии соответствующих русских терминов.⁹

Да и князь С.М. Волконский писал об «убийственной страсти к иностранным словам, которой одержимы эресефесеровские люди».

О «великий, могучий, правдивый, свободный русский язык!» Не велик уже, потому что испошлялся; не могуч, ибо ослабевает, раз прибегает к чужим языкам за помощью; не правдив, когда черпает не из корней своего духа; не свободен, когда во власти внешнего лоска, а не внутренней культуры... (С.М. Волконский, «Родина», 1923)

Или — свидетельство переводчика Н.М. Любимова в воспоминаниях, где описываются события 1920-х годов:

Один из перемышльских деятелей, Колодочкин, подобно многим другим «комиссарам» любил иностранные слова, но и у него охота до них была смертная, а участь горькая. Он произносил их на свой лад, и вместо «парадокс» у него получалось «прадакокс». И, конечно, не только Колодочкин, но решительно всем власть имущие «константировали» тот или иной факт. (Н.М. Любимов, «Родники», 1978)

⁹ А.М. Селищев. «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). — М.: «Работник просвещения», 1928, стр. 29.

Но всё же неловко поправлять одного известного, уважаемого переводчика, когда он печатно утверждает, что слово «контингент» это «НКВДэшный coinage» (сиречь «неологизм»). На самом деле «контингент» (как военный термин) появился в русском языке не позднее 1735 г., когда НКВД, кажется, ещё не существовал.¹⁰ В XIX веке это слово используется уже в более широком значении (так частенько употреблял его, например М.Е. Салтыков-Щедрин; не брезговали им Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров и другие писатели и историки).

Из этой разногласицы явствует, что для многих «советский» стало таким же обобщённо-ругательным обозначением, как в былые времена «вольтерьянец». («То есть крынка молока у бабы скиснет, — всё господин Вольтер виноват!» — как говорит герой Достоевского). Подход, мягко выражаясь, не лингвистический.

Корни этой мифологии следует, наверно, искать в донельзя упрощённых представлениях об истории русского языка. Было-де уныло монотонное «совковое» время, а потом наступила свобода. И всё. До этого по земле ходили мамонты. При таком удобном делении на чёрное и белое (какой цвет к какому периоду отнести, каждый выбирает по вкусу) легко оправдать собственные эстетические пристрастия, приклеив к нелюбимому слову ярлык нелюбимого цвета. Сегодня в ходу заимствования — значит соответствующая русская лексика «совковая».

На самом деле, как видно из свидетельств Селищева, Волконского и Любимова (список можно продолжить), отношение к заимствованиям менялось и за годы Советской власти, не говоря уже о том, что предшествовало 1917 году. Поэтому взгляд, согласно которому **принятие/непринятие заимствований имеет идеологическое основание**, я бы отнёс к третьему заблуждению.

¹⁰ Словарь русского языка XVIII века, вып. 10. — СПб.: «Наука», 1998, стр. 144. В словаре указан и более ранний случай употребления этого слова — в варианте «контингент» (1713).

Заблуждение это опасно в первую очередь для тех, кто его разделяет. Журналист пишет:

[Иноязычные] медийные термины стали органичной частью обиходного языка людей, в силу своей профессиональной деятельности весьма далёких от рекламы (...) Любящий меткое слово русский народ уже успел не только полюбить эти термины, но и придать им свой смысл. А призывы почвенников «говорить по-русски», похоже, так и не будут услышаны. Ибо нет чёткой грани между медийным языком и русским, и звать переводчика нет необходимости.

Можно было бы возразить, что не дело судить обо всём русском народе по людям, проживающим в пределах Московской кольцевой автодороги. Но меня больше занимает утверждение, что призывы «говорить по-русски» исходят от «почвенников».

Для сравнения:

Будем благодарны за то, что иностранные термины звучат на нашем языке весьма благозвучно. Если представить себе, что мы начнём изымать из нашего языка иностранные слова, то когда и на чём мы остановимся? (...) Логически рассуждая, пришлось бы далее отказаться от любого института, который мы заимствуем из-за рубежа вместе с соответствующим иностранным термином (...) Если заимствованный из иностранного языка термин укоренился у нас и хорошо звучит, мы должны только радоваться пополнению нашего словарного запаса.

Мысль как будто бы сходная. Кто её высказал?

Адольф Питлер.¹¹ И если опуститься до двумерной журналистской логики («против заимствований — значит почвенник»), легко вообразить, какие политические взгляды можно было бы приписать наборнику импортных «медийных терминов» на основании этой цитаты.

Зато А.И. Герцен по той же логике — несомненный «почвенник»:

Наши чины немецкие, их даже не потрудились перевести на русский язык: коллежские регистраторы, канцеляристы, актуариусы, экзекуторы — всё это остаётся, чтобы поражать слух крестьян и возвеличивать достоинство разных писарей и других конюхов бюрократии. (А.И. Герцен, «Пролегомена», 1867)

«Мэры», «спикеры», «омбудсмены»... Кто говорит, что мы не чтим вековые традиции?

(Окончание следует)

¹¹ Г. Питер. «Застольные разговоры Питлера». — Смоленск: «Русич», 1993, стр. 99.

Чтоб под авторским листом был тебе и стол, и дом...

Е.К. Масловский

«Рабочее время переводчика обладает большой общественной ценностью, использовать его надо возможно рациональнее и в соответствии с квалификацией переводчика научно-технической литературы».*

Общий обзор рынка переводческих услуг

Навсегда кануло в Лету то время, когда основным орудием труда инженера, «подрабатывающего переводами», была выстраданная в километровых очередях пишущая машинка. Теперь на смену ей пришел персональный компьютер со всевозможными электронными средствами автоматизации переводческого труда — от мощных текстовых и графических редакторов до электронных словарей и систем переводческой памяти. «Безмашинный» технический переводчик нынче уже просто неконкурентоспособен на развивающемся рынке переводческих услуг, поскольку никакой работодатель не даст ему сегодня прежних десяти дней на авторский лист и не сделает никаких скидок на отсутствие электронной почты, доступа к Интернету или неумение работать с форматом файлов, нужным заказчику.

Говоря о научно-техническом переводе, я имею в виду научно-техническую литературу (книги, журнальные статьи) и специальную техническую документацию (проекты, патенты, объемистые описания и всевозможные руководства, касающиеся эксплуатации и обслуживания технических объектов). Такие переводы всегда требуют специальных знаний и наличия собственного опыта публикаций —

отличие от перевода небольших рекламных и информационных листков, сопроводительных ярлыков, этикеток и т.п. С ними может довольно легко справиться и несвятианлист, хорошо владеющий искусством письменного перевода, твердо знающий, что слово «агентство» пишется с буквой *т*, и не просто выбирающий из отраслевых словарей первый понравившийся ему русскоязычный эквивалент технического термина, а размышляющий над контекстом и понимающий, с каким специалистом ему следует проконсультироваться.

В советские времена перевод был государственным делом, и основной поток переводной литературы, составлявший примерно 10% от общего объема книжной продукции, проходил через государственные издательства. Львиную долю этого потока (около 90%) «перерабатывали» крупные московские издательства «Мир», «Прогресс», «Наука», «Машиностроение», «Радио и связь» и др. Поток переводной научно-технической документации шел, как правило, через Всесоюзный центр переводов (ВЦП). Основными языками оригиналов переводной литературы были английский (около 50%), французский (около 15%), немецкий (около 12%), а основными

* АН СССР, Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации. Научно-технический перевод (отв. ред. проф. Ю.Н. Марчук). — М.: «Наука», 1987.

предметными областями — научно-техническая литература (26%), художественная литература (56%) и социальная (7%).

С распадом СССР резко сократились объемы перевода технической литературы, что подтверждается также коренным образом изменилась структура потока переводов ВЦП. «Если до середины 80-х годов XX в. основными материалами, которые поступали к нам на перевод, были научно-технические тексты (до 75% общего объема), то к началу нового века эти переводы постепенно упали практически до 0%, а на первое место вышли переводы деловой и юридической литературы и документации, переводы личных документов физических лиц. Одновременно с этим резко возросли требования к качеству и особенно к срокам выполнения перевода»¹.

В нынешнем «портфеле переводов» в Российской Федерации на научно-техническую литературу приходится около 11%, и в этом довольно большом потоке примерно 47% занимает перевод с английского языка на русский, около 12% — перевод с немецкого на русский и порядка 14% — перевод с французского. В общей массе переводной литературы с русского языка на иностранные первое место тоже занимает английский язык (чуть более 50%), второе место — немецкий (порядка 5%) и третье — французский (примерно 4%).

Такие результаты дает обработка официальной статистики ЮНЕСКО по переводной литературе СССР и Российской Федерации за период с 1978 по 2000 год²: они позволяют сделать вывод, что спрос на перевод научно-технической литературы в России, хотя он и сократился больше чем в два раза по сравнению с советским периодом, все же достаточно стабилен. Разумеется, эти данные не учитывают внутренних переводов, выполняемых огромным количеством переводческих организаций и переводчиками-фрилансерами. Однако в целом ряде публикаций отечественных авторов высказывается мнение, что в этом быстро растущем секторе российского рынка переводческих услуг ежегодно переводится с

иностраных языков на русский язык и с русского языка на иностранные порядка 16–17 миллионов страниц и годовой оборот этого сектора составляет около 100 млн. долларов³.

Попробуем поверить оценкам обозревателей российского рынка технического перевода и взглянем теперь на все эти цифры глазами технического переводчика, который желает найти для себя надежную нишу в своем сегменте рынка, но сначала хочет понять, во что же общество ценит его труд, и как должен оценивать его он сам. Первое, что бросается в глаза, — это униженно низкая средняя величина оплаты труда письменного переводчика. Если из 100 млн. вычесть налог на добавленную стоимость (18%) и предположить, что в годовом объеме реализации фонд оплаты труда составляет 60% (с учетом зарплаты штатных сотрудников самих переводческих фирм), то на долю переводчиков выпадает не более 50 млн. дол. Разделим 50 млн. долларов на 16 млн. страниц и получим примерно 3,12 дол. за страницу (из которых еще должен быть удержан подоходный налог).

А стоит ли игра свеч?

Любопытно, что результат проведенного выше незамысловатого расчета весьма близок к расценкам нынешних переводных издательств (80–90 дол. за авторский лист), а также к публикуемым иногда в Интернете тарифам небольших, но многочисленных переводческих бюро, составляющих основу рынка переводческих услуг. Языки, охватываемые такими бюро (английский, немецкий, французский, испанский и итальянский), занимают в общем потоке переводной продукции более 80%.

Обычно в этих бюро силами полутора-двух десятков дипломированных штатных переводчиков выполняется объем работ порядка 500–700 страниц за рабочий день (разумеется, с привлечением в какой-то мере внешних редакторов и переводчиков). Бюро осуществляет полный цикл операций — от сканирования оригиналов на бумажных носителях до тиражирования выполняемых переводов. Средства автоматизации управле-

¹ И.И. Убин. Немелкие «мелочи» в жизни переводчика. «Мосты», 3/2004. — М.: «Р.Валент».

² Statistics on whole Index Translationum database (<http://databases.unesco.org>).

³ В.Н. Грабовский. Блеск и нищета технического перевода в России. Журнал СПР «Мир перевода», №1, 2005.

Проблемы технического перевода

ния переводческими проектами обычно не применяются, и дорогостоящие лицензионные системы не покупаются. Благодаря этому себестоимость выполнения заказов оказыва-

ется относительно невысокой, и «среднестатистическое» объявление для заказчиков выглядит примерно так:

Бюро оказывает услуги по профессиональному письменному переводу корпоративным и частным клиентам по любой тематике в любые сроки по самым низким ценам.

Стоимость услуг (не срочного характера — при темпе перевода 6 страниц в день):

Перевод на русский язык	Цена за страницу	Перевод с русского языка	Цена за страницу
с английского или немецкого	5 у.е.	на английский или немецкий	7 у.е.
с французского		на французский	
с итальянского	8 у.е.	на итальянский	10 у.е.
с испанского		на испанский	

Цены приведены в долларах США. Оплата услуг производится в рублях по курсу 30 рублей. Возможны скидки при большом объеме заказа.

А дальше стоимость увеличивается: за редактирование — на 30–50%, за срочность (в полтора-два раза — при темпе работы свыше 6 страниц в день); за трудность (раза в полтора — в случае узкоспециального или «художественного» перевода, неразборчивого оригинала и др.); за насыщенность иллюстрациями, требующими замены надписей на языке оригинала переведенными — по доллару за рисунок; за верстку перевода в формате, нужном заказчику (плюс 20–30 дол.); за сканирование и распознавание бумажного цветного оригинала при желании заказчика получить перевод в виде текстового файла с сохраненными иллюстрациями (по полдоллара за страницу) и т.д. и т.п.

В отношениях с переводчиком все выглядит гораздо проще: каждое бюро имеет свои критерии качества, как правило, не формализованные, и может «штрафовать» переводчика за плохой язык, терминологические, стилистические и грамматические ошибки вплоть до оставления ему лишь гарантированного минимума оплаты — порядка 2–3 у.е. за страницу, да еще с экономией на пробелах. И нет никаких надбавок за большой объем, ускоренное выполнение перевода, высокое качество и даже никакого учета инфляции родного рубля или падения курса заморской «условной единицы».

Многообразие компьютерных форматов, в которых технический переводчик получает

сегодня оригиналы, свидетельствует о том, что работодатель, беря с заказчика плату за форматирование, верстку и т.п., стремится, тем не менее, взвалить большую часть этих операций на переводчика, которому, вообще, платит только за перевод. В условиях, когда сильно выросла себестоимость перевода (где вы, 20 копеек за машинописную страницу?), каждый переводчик должен сам знать себе цену, поскольку «излишние» требования работодателя связаны для исполнителя с дополнительными материальными затратами (например, на приобретение дорогих программ, серфинг по Интернету, покупку дополнительных устройств для компьютера) и с непроизводительными потерями времени.

Иногда ко мне обращаются потенциальные издатели переводных книг (знакомые еще с советских времен) с просьбой подыскать хороших переводчиков на книги объемом в 15–20 авторских листов каждая. Книги интересные, информативные... «по по три. У других — по пять, а здесь — по три; но зато очень большие». Зная, что из этих трех у.е. будут еще и подоходный налог вычитать, я, ведя переговоры с «безработными» коллегами, просто сгораю от стыда, когда сообщая им о предлагаемой оплате. Бывает, что берут. Не в службу, а в дружбу, конечно, и просто из интереса к новой информации. Хорошо хоть не принимают меня за «отстегивающего» посредника, поскольку выходят прямо на из-

дательство. Однако в половине случаев книги остаются «непристроенными»: хорошие переводчики разобраны хорошими заказчиками, которые четко осознают, что час квалифицированного технического переводчика (за который он способен перевести не меньше одной страницы) не может цениться меньше часа репетитора, вузовского преподавателя-почасовика или платы за один только вызов какого-нибудь мастера по ремонту на дом.

Вот и мы, поняв это, попробуем в шутку структурировать работу письменного переводчика, уподобив его переводческому бюро с одним сотрудником. Для начала определим переводческий «постраничный МРОТ» («минимальный размер оплаты труда»), равный гарантированной оплате при качестве перевода, удовлетворяющем заказчика. Для этого возьмем существующую на рынке «самую низкую» цену страницы перевода для заказчика (5\$), вычтем из нее НДС (0,8\$) и, как условились ранее (60% идет на оплату переводческого труда), найдем нижнюю границу (2,5\$). Но переводчик, обеспечивающий более высокое качество, — еще и сам себе редактор, вследствие чего он имеет моральное право увеличить нижнюю границу «своей стоимости» на 50% (то есть до 3,75\$).

Далее, у квалифицированного переводчика есть свое «ноу-хау», дающее ему возможность переводить больше 6 страниц в день (работая медленнее, он несет определенные потери, которые должны компенсироваться); поэтому, как и бюро, он имеет право «назначить» себе 50-процентную прибавку, которая увеличит его нижнюю границу оплаты до 5,6\$.

А теперь рассмотрим понятие «условная страница». В нашей стране перевод всегда считался литературным произведением, и расчетной единицей применительно к нему всегда был авторский лист (40000 печатных знаков с учетом пробелов). Так же твердо определялась стандартная машинописная страница: формат А4; в ней должно быть до 60 знаков в строке и 28-30 строк (12-м кеглем, с левым полем 3,5 см) через 2 интервала. Почти повсеместные сегодняшние 1800 знаков в строке (выбранные, видимо, по максимуму норматива) получаются только при 30 строках на странице. Но попытайтесь, соблюдая установленные форматные ограничения, набрать на компьютере в редакторе Word страницу осмысленного текста на русском языке, и вы увидите, что у вас не получится 30 строк, а будет максимум 27. Так что любимый переводческими работодателями повсеместный «норматив де-факто» 1800 знаков на странице принят, можно сказать, «незаконно», и ближе всех к «закону» находится ВЦП, считающий расчетной страницей 1680 знаков⁴. Получается, что для «торжества закона» переводчик имеет моральное право увеличить нижнюю границу «расчетной стоимости» своего квалифицированного труда еще в 1,07 раза. В итоге получится $5,6 \times 1,07 = 5,99\$$ (очень модно, совсем как на магазинных ценниках!); вот и не должен уважающий себя переводчик научно-технической литературы и документации опускаться в «приговоре самому себе» ниже нижнего предела.

А дальше, оценивая для себя стоимость дополнительных работ, можно использовать подход все тех же «среднестатистических» бюро:

Наименование услуги	Цена
Оформление и сдача перевода частями по мере выполнения (минимальная часть перевода 20% от общего объема, но не менее 10 страниц)	+20% к стоимости перевода
Форматирование документа (вставка переводимых иллюстраций, диаграмм, фотографий, формул, таблиц, схем и т.п.)	0,9 USD / объект
Срочный перевод	+50% к стоимости перевода
Узкоспециализированный и трудоемкий перевод, содержащий новую терминологию	+50% от стоимости перевода
Сканирование документов и распознавание текста	0,5 USD / стр.

Вот теперь игра стоит свеч...

⁴ И.И. Убин. Немелкие «мелочи» в жизни переводчика. «Мосты», 3/2004. — М.: «Р.Валент».

Проблемы технического перевода

Сотвори себя сам

Если в год на рынке технического перевода «производится» 17 млн. страниц, это значит, что в среднем ежедневно появляется на свет порядка 47 тысяч страниц. Для выполнения такого объема работ требуются тысячи опытных переводчиков, и спрос на них продолжает возрастать, так что «безрыбье» им не грозит. Возможностей для творческого труда «переводящих инженеров» тоже стало намного больше, однако, к сожалению, стократно увеличился и поток переводов «второго сорта», поскольку за технический перевод рьяно взялись и люди, не всегда обладающие достаточным пониманием того, что они переводят. Именно от них идет «слух», что для заказчика не важно качество; он, мол, и сам разберется.

Лично я в пору работы в советских переводных издательствах никогда не привлекал переводчиков-гуманитариев к переводам научно-технической литературы; но в тех случаях, когда не сам формировал переводческую группу, гуманитарии попадались (таково было условие: они предложили издательству книгу к переводу, например, привези ее из-за рубежа, им. дескать, и карты в руки). Вынужден констатировать, что в 100% случаев их переводы оказывались непригодными для редактирования.

Издательские научные редакторы (все — с высшим техническим образованием) это признавали и расторгали договор с псевдопереводчиками, выплатив им «положенные» 60% гонорара). Но такие истории случались и с инженерами, поскольку из 100 инженеров, берущихся за перевод, только 2 могут выполнить его профессионально, со знанием дела (это многолетний устойчивый показатель). Уверен, однако, что гуманитарий может неплохо делать технические переводы в каких-то определенных областях, накопив большой опыт практической работы в них (то есть, фактически получив техническую профессию). Яркое тому подтверждение — искренний «крик души» участницы руководимого мною форума «Школа технического перевода» на сайте «Ассоциации лексикографов Lingvo» компании АВВУУ (к сожалению, мне известен только ее псевдоним Ramilya:

«Я получила свой диплом в 1996 году, и теперь мой стаж переводчика приближается к 9-ти годам...

Когда пришла на завод погружных насосов, здесь было 3 переводчика, и ни у кого из нас не было специализации, хотя на некоторых промышленных предприятиях есть такие понятия, как «социальный переводчик» и «технический» переводчик... Можно было бы пойти и дальше, только какое предприятие согласится на содержание 7–10 переводчиков, когда можно посадить одного-двух для всех сфер сразу? Заманчиво и рентабельно!

Опытные технические переводчики на дороге не валяются. И пришлось мне переводить всё подряд: и научно-технические статьи, и технические инструкции по подбору насосов для скважины, и коммерческие счета, упаковочные листы, таможенные декларации, банковские SWIFT-сообщения, и протоколы испытаний насосов и двигателей, и руководство по качеству (по ISO 9001), и описание тормозных систем для автопрома... Поэтому я думаю, что переводчиком надо становиться только по призванию.

Отдельная благодарность ведущему специалисту, инженеру с двумя высшими образованиями, физику-ядерщику и химику, и просто умному начитанному человеку с большим запасом терпения, который консультировал меня по техническим вопросам, научил меня чувствовать ответственность за тексты и находить источники информации в Интернете и среди специалистов завода! Конечно, я выслушала от него множество язвительных комментариев, но всё это пошло впрок. И даже сейчас, когда он ушел из нашей компании, я слежую его «ценным методом» и постоянно консультируюсь, прежде чем выдавать результат...»⁵.

А вот что говорит на том же форуме сотрудник одного из московских переводческих бюро И.С. Шалыт:

«...Высшая школа должна дать базовые знания, начальные навыки и предоставить (факультативно) студенту возможность почувствовать специфику труда переводчика (точно так же, как курсовые проекты дают возможность почувствовать специфику труда конструктора). И уж если молодой специалист выбирает профессию инженера-переводчика, то он сможет этому научиться за 2–3 года в переводческой компании, работая в

⁵ <http://www.lingvoda.ru/forum>

группе квалифицированных переводчиков и научных редакторов...

Именно так из молодых специалистов делают профессиональных конструкторов и проектировщиков. Именно так мы и выращиваем в своей компании переводчиков из молодых инженеров, передавая им свои знания и умения. Другое дело, что вдумчивых выпускников инженерных вузов, желающих научиться профессиональному переводу и имеющих для этого способности и начальные навыки, очень мало. Свободные переводчики-универсалы, разумеется, тоже нужны, у них своя огромная ниша. Но профессиональный перевод инженерной документации, мне кажется, можно выполнять только с помощью переводчиков, выученных в серьезных переводческих компаниях, специализирующихся на определенных тематиках.

Так что все плохие переводчики похожи друг на друга, а каждый хороший переводчик хорош по-своему. Все смешалось... Однако радует то, что крупные заказчики, получив однажды высококачественный перевод, предпочитают иметь дело только с тем, в кого они поверили. Поэтому есть надежда, что халтура постепенно уйдет с рынка переводческих услуг, поскольку станет нерентабельной и для заказчиков, и для исполнителей.

А чтобы всегда обеспечивать высокое качество своей работы, техническому переводчику достаточно соблюдать следующие «заповеди»:

1. Не в свои сани не садись.
2. Будь сам себе критиком.
3. Не стыдись спрашивать.
4. Не уповай на редактора.
5. Не искажай автора.
6. Чти читателя своего.
7. Чти язык свой.
8. Читай творение свое.
9. Повышай свою конкурентоспособность.

Очевидно, что девятую заповедь переводчику не удастся соблюсти без компьютера и должного уровня компьютерной грамотности, которые, как минимум, должны отвечать современным требованиям переводческого рынка.

Компьютер – не роскошь, а насущная необходимость

Сегодняшний рынок переводческих услуг ставит технического переводчика в довольно жесткие условия по срокам, качеству и формам представления письменного перевода работодателю. Эти условия не оставляют переводчику времени для передачи написанного от руки текста кому-то, кто наберет его на компьютере, выправит, отформатирует соответственно заданным требованиям и перепечет на компьютерный информационный носитель, распечатает или отправит по электронной почте. Все это переводчик должен делать сам, если хочет иметь достаточно постоянный поток заказов. Поэтому придется ему выкроить из своего бюджета примерно 1200 у.е. на приобретение собственного современного (ни в коем случае не подержанного) компьютера со всем необходимым оснащением.

Поскольку в переводимых материалах бывает довольно много цветных иллюстраций, всевозможной графики, презентационных слайдов с анимацией, и возможна работа с большими словарными базами данных, для рабочего места технического переводчика необходим достаточно быстрый компьютер с тактовой частотой не ниже 1,2 гигагерц, с оперативной памятью не менее 256 мегабайт, с жестким диском на 40–80 гигабайт и с пишущим (а не только читающим) дисководом компакт-дисков, так как работодатель нередко просит представить перевод в записи на компакт-диск. Для работы с Интернетом и электронной почтой нужен будет для начала встроенный факс-модем (он дешевле в эксплуатации, чем внешняя система, не занимающая телефонного канала, но требующая ежемесячной абонентской платы не менее 25 у.е.). Такой системный блок вместе с клавиатурой и «мышью» обойдется в 400–500 у.е.

Так как переводчику приходится работать со многими файлами одновременно (например, с файлом оригинала, файлом перевода и электронным словарем) лучше сразу оснастить компьютер достаточно большим дисплеем (не меньше чем 17-дюймовым) – ради уважительного отношения к своему зрению,

Проблемы технического перевода

которому предстоит иногда (скажем, при больших срочных переводах) трудиться по 12–14 часов в день. Лучшим выбором (по соотношению цены и функциональных возможностей) будет плоский жидкокристаллический экран за 400–500 у.е.

Черно-белый лазерный принтер – это еще 200–300 у.е.: матричный не годится, так как отпечатанный с его помощью текст не отвечает требованиям издательств (заметны точки шрифтовой матрицы). И еще 100 у.е. уйдет на сканер, поскольку все еще практикуется предоставление оригинала и на бумажных носителях; это особенно касается зарубежных фирм, торолливо выходящих на российский рынок со своими новыми технологиями, но не имеющими объемистой документации (которая, как известно, по нашим законам обязательна).

«Свежескупленный» компьютер будет уже оснащен современной операционной системой, самым популярным текстовым редактором Word в состав так называемого «офисного приложения», какой-нибудь программой чтения и редактирования изображений и программами для выхода в Интернет. Так что переводчику придется потратить еще 100–200 у.е. на приобретение необходимого для автоматизации переводческой деятельности программного обеспечения, а потом быть готовым к регулярным затратам на содержание нового, электронного члена семьи. Но об этом мы поговорим уже в другой раз...

Неправильная фамилия

«Известия», 24.08.2005

В «Известиях» от 23.08.05 на с. 4 упомянут экс-президент Польши Войцех ЯрузельСКИЙ. А на с. 11 – вратарь «Спартака», польский легионер Войцех КовалевСКИ. Очевидно, что оба соотечественника и тезки на родном языке произносят свои фамилии с одинаковым окончанием -SKI. Почему же по-русски их фамилии звучат по-разному?

Данное окончание встречается в фамилиях практически всех славянских народов (но особенно часто у поляков). Правда, с вариациями. У русских -СКИЙ, у украинцев -СЬКИЙ (читается СЬКЫЙ), у белорусов -СКІ (СКИ). Но это одно и то же окончание. Оно изменяется по падежам, родам и числам. В отличие от немецких, англо-американских и израильских фамилий (вроде знаменитого канадского хоккеиста Гретцки – несомненно, славянского происхождения, но подзабытого) такие фамилии не склоняются.

Отсюда сложившаяся традиция: в каждом славянском языке фамилии соответствующего типа пишутся с одним окончанием независимо от происхождения. В отечественной истории известны фамилии Чарторыйский, Дзержинский, Вышинский, Рокоссовский – трудно себе представить, чтобы они писались иначе. Так же, как и фамилии чисто польских деятелей – Потоцкий, Пилсудский, тот же Ярузельский, Квасьневский. (Кстати, о Рокоссовском. Подумалось: вот бы интересно звучал список маршалов Отечественной войны, составленный с учетом их национальности: РокоссовСКИ, ВасилевСКИЙ, МалыновСЬКЫЙ...).

Если газета решила ломать традицию – для этого есть некоторые основания. Но тогда должна быть последовательность. Особые правила для отдела спорта – это нонсенс.

Ю. Каменщик, филолог, Днепрпетровск.

Новые возможности саморедактирования

(о программе StyleWriter)

В. Н. Шевчук

Начинающий переводчик обычно не замечает ошибок и слабых мест в своем собственном переводе и поэтому нуждается в помощи редакторов и стилистов, а поскольку они редко работают в корпоративном бизнесе, то их функцию — хотя бы частично — могут взять на себя такие средства автоматического контроля, как EditText Pro и Style Writer.

Программа Style Writer в принципе рассчитана на широкий круг носителей английского языка — журналистов, адвокатов, судей, писателей, студентов, просто учащихся и т.д. — и помогает им находить стилистические ошибки в письменной речи. В то же время она с успехом может использоваться и при редактировании письменных текстов, переведенных на английский язык.

Это — система, выполняющая целый ряд функций в полуавтоматическом режиме (в основном при распознавании слабых мест в тексте перевода). Style Writer дает возможность редактировать практически любой переведенный текст — будь то письмо, научная статья, пресс-релиз, текст выступления на конференции, объявление, наставление, юридический документ, эссе или технический отчет.

Слабые места в предложении выделяются жирным шрифтом, и даются рекомендации по разрешению возникшей проблемы, но право на окончательное решение все же остается за переводчиком — он может либо согласиться с рекомендацией, либо отвергнуть ее. Программа как бы предупреждает его о том, что здесь он, возможно, не заметил ошибку

(лексическую, грамматическую или стилистическую). При обнаружении в тексте слова иностранного происхождения, т.е. заимствования, программа сигнализирует о его наличии, подсвечивает и рекомендует заменить его другим словом исконно английского происхождения.

По эффективности Style Writer сопоставима со встроенной в текстовый редактор стандартной программой Grammar Checker, но по масштабу применяемых функций и точности она в десятки раз превосходит ее и гораздо мощнее. В отличие от последней, она помогает улучшить стиль письма и сделать его более точным, ясным и простым.

В основе системы лежат около 35 тысяч правил словоупотребления и стилистических норм, действующих в настоящее время в английском языке.

На что обращает внимание переводчика данная программа?

Во-первых, на стилистические проблемы, имеющиеся в тексте, а именно — абстрактные имена существительные (reorganization, privatization), ненужные клише (at your convenience, thanking you in advance), слишком длинные предложения, не характерные для данного стиля; архаизмы (herewith, foregoing, henceforth, betwixt, thrice, howbeit); избитые и затасканные от частого употребления слова (например, модные словечки типа syndrome, systematize, conceptual, marginalize); неассимилированные иностранные слова и выражения (например, *inter alia* вместо among

Переводчик и компьютер

other things); употребление профессионализмов в непрофессиональном дискурсе; излишне многословные фразы, которые могут вполне быть ужаты; случаи тавтологии, например, combine together, past history, assemble together; излишне многословные выражения типа at a later date вместо later, и т.д.

Во-вторых, на случаи неправильного словоупотребления, например, ошибочно интерпретируемые слова типа aggravate в предложении He's **aggravating** us with his constant demands, часто смешиваемые слова (например, complementary – complimentary, forego – forgo, its – it's), несполиткорректная лексика (chairman, policeman), неправильное употребление дефиса в словах и т.д.

В-третьих, на случаи неправильной орфографии, в частности, на американизмы в сообщении, направляемом британской компании, и явные орфографические ошибки типа recieve (правильное написание – receive) – функция, которая частично дублируется в текстовом редакторе.

Каждый англоязычный текст оценивается по трем количественным параметрам (показателям):

1. **Стилистический параметр**, указывающий на степень ясности и понятности сообщения;

2. **Средняя длина предложения в тексте** – величина, свидетельствующая о степени его читабельности (она не должна быть более 40 слов, и в случае превышения этого порога текст должен быть переработан с учетом этого параметра);

3. **Коэффициент встречаемости пассивной конструкции в тексте** как наиболее распространенная проблема в письменной речи.

Еще одно достоинство программы заключается в том, что критерий количественной оценки анализируемого текста не является постоянной величиной и варьируется от од-

ного типа документа к другому. Так, например, при редактировании газетной публикации учитывается, что стилистический индекс имеет здесь более высокую величину, чем для научной статьи. Сравните, например, два варианта одного и того же предложения – до редактирования и после него:

Неотредактированный вариант

Mr Jones has reached **his decision** and will **take his retirement** option next year.

Отредактированный вариант

Mr James has **decided** to **retire** next year.

Проблема, с которой сталкивается переводчик в данном случае, заключается в злоупотреблении абстрактными существительными decision и retirement, которые автоматический редактор рекомендует заменить соответственно глаголами decide и retire и соответственно перестроить синтаксическую структуру, что несомненно помогает совершенствовать язык сообщения и сделать его более простым и ясным.

На рисунке (стр. 53) приводится первая страница перевода статьи А. Арбагова, выполненного для академического журнала, оценка программой первых двух абзацев по трем перечисленным выше параметрам (см. нижнюю строку в окне) и комментарий к одной из зафиксированных программой стилистических ошибок. Жирным шрифтом выделены те фрагменты текста, которые нуждаются в редактировании.

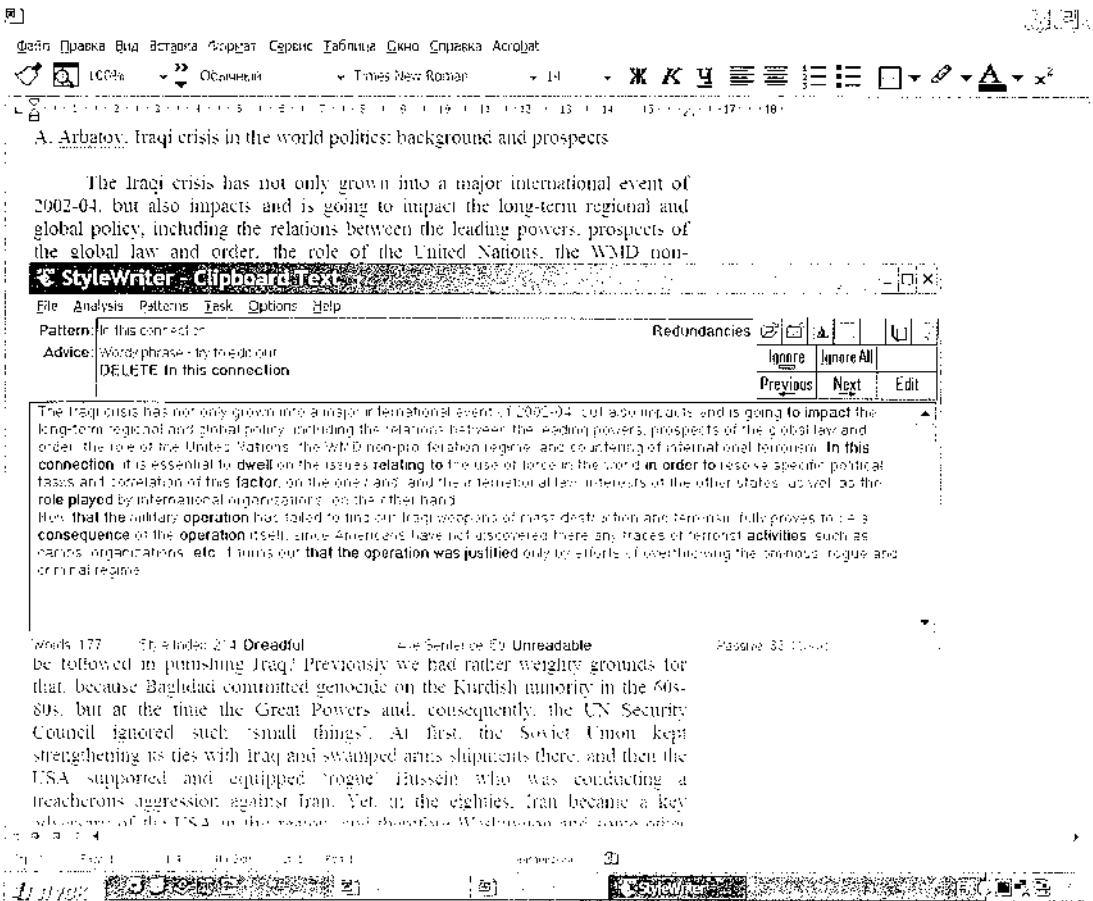
Оценивая стилистические особенности научной статьи, редактор обычно исходит из следующих статистических параметров (см. таблицу 1).

Любопытные рекомендации дает программа Style Writer авторам и переводчикам научных статей. Вот некоторые из них:

- Избегайте употреблять абстрактные слова, заменяя их конкретной лексикой;

Таблица 1

	Стилистич. коэффициент	Ср. длина предложения (слов)	Кэф-т встречаемости пасс. конструкции	Макс. длина предложения (слов)
Отлич. показатели	0–30	15–20	0–30	40

- Не злоупотребляйте профессионализмами и непонятными словами;
- Если это возможно, используйте более простые, а не сложные слова, благодаря которым гораздо легче понять суть сообщения, ср. Please **endeavour** to **ascertain** the truth и Please **try** to find out the truth;
- По мере возможности постарайтесь свести до минимума количество пассивных конструкций в тексте, либо заменяя их на активные, либо освобождаясь от них вообще (is supposed/expected to).

В заключение отметим, что многие стилистические ошибки, на которые останавливается программа, могут на первый взгляд показаться наивными или спорными для профессионального переводчика. Однако, во-первых, она рассчитана в первую очередь не

на профессионалов (хотя само понятие профессионализма в переводе относительно), а на переводчиков с разной степенью подготовки и разным опытом, в том числе на начинающих, неопытных. Во-вторых, любая рекомендация подобного рода может быть просто проигнорирована, если она не имеет смысла в данной ситуации. Достоинство Style Writer заключается в том, что она помогает значительно улучшить стиль текста перевода и может оказаться полезной лишь в том случае, когда в этом действительно есть необходимость. Как известно, переводчик иногда вынужден из-за недостатка времени давать приблизительный, сырой перевод на английский язык, и в этом случае данная программа просто незаменима.

И еще о спорности отдельных положений, лежащих в основе программы. Каждое

Переводчик и компьютер

из этих правил является относительным. Оно может действовать в полной мере при оформлении одного типа документов и быть абсолютно неприемлемым для другого типа документов. Например, архаизм *henceforth* вполне допустим в тексте договоров, соглашений и контрактов, а в газетной или журнальной статье совершенно неприемлем.

Как показывают исследования, пассивные конструкции, чаще всего встречаются в академических изданиях, например, в научных статьях (на них приходится около 25%

всех глагольных фраз), реже — в газетных и журнальных публикациях (порядка 15 %) и совсем редко (всего 2%) в разговорной речи. Совершенно очевидно, что подобная картина неравномерного распределения тех или иных лексических и грамматических явлений в разных стилистических регистрах учитывается и при редактировании каждого текста перевода.

Владимир Путин

Путин советует внимательно следить за переводчиками...

НТВ.ги, 25 июня 2005 г.

Владимир Путин встретился с представителями элиты американского бизнеса. Речь шла о привлечении в Россию инвестиций и об устранении препятствий, которые мешают эффективному взаимодействию двух стран в экономической сфере. В процессе общения выяснилось, что за переводчиками нужен глаз да глаз.

Путин рассказывал о ситуации в российской экономике. Он подчеркнул, что ее отличает стабильность и устойчивый рост.

Здесь произошел довольно забавный эпизод. Гости убедились, что Владимир Путин неплохо владеет английским языком. Переводчица неправильно перевела одну из цифр, которую назвал президент, и Путин, услышав неверный перевод, тут же её поправил.

Владимир Путин:

– Ситуация в стране стабильна и политически, и экономически. В последние пять лет мы обеспечиваем устойчивый рост экономики – около семи процентов ежегодно.

На этой фразе переводчица ошиблась и сказала по-английски, что рост составляет около пяти процентов. «Около семи», – поправил ее Путин и добавил, обращаясь к гостям:

– Надо внимательно следить за тем, что они говорят.

Телевизор смотрел Виктор Карболюк

...и Лавров следует совету президента

По материалам репортажей НТВ и РТР, 13 июля 2005 г.

Выступая на пресс-конференции по итогам своей встречи с председателем ОБСЕ, министр иностранных дел России Сергей Лавров сделал жесткое заявление с осуждением позиции властей Молдавии по Приднестровью, а также ареста в Молдавии российских наблюдателей.

«Создается впечатление, что молдавские власти задались целью сделать всё возможное и даже невозможное, чтобы не только заблокировать приднестровское урегулирование, но и испортить еще больше российско-молдавские отношения», – заявил Лавров.

Выступление министра сопровождалось последовательным переводом на английский язык, и переводчик передал слова «испортить ещё больше отношения» оборотом *to compromise relations*. Этот дипломатичный перевод, явно смягчающий тон оригинала, не понравился Лаврову. Повернувшись к переводчику, министр поправил его:

– *Not to compromise relations* – ещё больше испортить.

Явно растерявшись из-за сделанного ему замечания, переводчик замаялся и несколько секунд никак не мог подобрать подходящего соответствия для слова *испортить*. Ни самый простой, дословный вариант – *to spoil relations*, ни другие возможные эквиваленты – *to damage* или *worsen relations* – не приходили ему в голову. Наконец он выдал перевод:

– *And to hurt the relations still more...*

Следует признать, что этот вариант оказался ещё хуже предыдущего. Но дальнейших замечаний переводчику министр делать уже не стал.

 См. стр. 88

Социальные связи

Д. Робинсон

Среди переводчиков не так уж много людей с переводческим образованием, и тех, у кого оно есть, это часто раздражает. Как же так, возмущенно восклицают они, ведь никто не пойдет лечиться к врачу без медицинского диплома и не доверит бухгалтерию самоучке. Конечно, в чем-то они правы: лучше бы все мы имели переводческое образование. Однако как сказал, Владимир Костров, жизнь такова, какова она есть и больше никаких. Существует огромное множество отраслей с весьма замысловатой терминологией, где филолог не справится с переводом, действуя по методу «слепой куздры», а для того чтобы по-настоящему вникнуть в тематику, ему придется долго изучать специальную литературу, общаться со специалистами, а лучше всего получить техническое образование. В таких отраслях переводами чаще всего занимаются узкие специалисты, постепенно превращающиеся в профессиональных переводчиков. Порой они чувствуют, что им не хватает подготовки, но снова садиться за парту поздновато и тогда они принимают читать учебники переводческого дела. Мне же удалось совместить приятное с полезным — поучаствовать в переводе книги американского профессора Дугласа Робинсона «Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода». Вамему вниманию предлагается журнальный вариант девятой главы этого пособия.

И. Г. Шахова

ТЕЗИС: Перевод текста отнюдь не сводится к подбору эквивалентов для слов и выражений исходного языка на языке перевода; он включает и общение с заказчиками, и налаживание социальных контактов, и исследовательскую работу, и использование современных технологий — причем в основе всего этого должно лежать общее понимание того, какую роль в жизни общества играет перевод и какую роль в переводе играет общество.

Переводчик как часть социума

Понятно, что переводчики — часть социума не только потому, что они люди: их социальные связи играют важнейшую роль в их профессиональной жизни. Без этих связей нельзя выучить даже один язык, не говоря уж о двух, трех и более. Не уследить за изменениями в языках, которыми владеешь. Не удастся получать заказы, проводить связанные с ними исследования, узнавать, чего ждут от перевода читатели. Без социальных контактов некуда послать готовый текст и не от кого получить плату.

Все это настолько очевидно, что, кажется, не нуждается в подробных обоснованиях.

Все знают, что переводчики — часть социума и что средства к существованию они добывают благодаря социальным связям с другими людьми.

Однако, как ни странно, значение этого факта для теории и практики перевода было признано учеными лишь недавно. До того как в конце 1970-х годов возник полнсистемный подход, в середине 1980-х — скопос-теория, а в конце 1980-х — начале 1990-х — постколониальная теория, практически никто не рассматривал перевод в первую очередь как вид социальной деятельности. Он считался лингвистической работой с текстами. Ведущими факторами при его выполнении служили абстрактные схемы эквивалентности, которые задавались синтаксически и семантически, а не социальным контекст, совокупность авторов, заказчиков, специалистов по терминологии, читателей и всех остальных, кто прямо или косвенно, реально или предположительно влияет на работу переводчика. Главным требованием считалась точность, причем

Заказчик – переводчик

понимаемая одновременно весьма узко, в лингвистическом смысле, и чересчур универсально, без учета нужд, потребностей и ожиданий реальных людей в реальных ситуациях. Если заказывался краткий пересказ или, наоборот, более подробное изложение, так что установить точную лингвистическую эквивалентность между более коротким или более развернутым текстом перевода и оригиналом было сложно, это просто не считалось переводом. Точно так же не считались переводами средневековые (и некоторые современные) переводы, в которых стерта граница между комментарием и собственно переводимым текстом – так, что текст, получающийся в результате, содержит материал, которого не было в оригинале. Если о тексте нельзя было говорить в терминах абстрактной лингвистической эквивалентности, он не рассматривался как перевод и, как правило, вообще не обсуждался. Перевод либо должен был быть точным в смысле передачи информационного содержания оригинала (а также, как полагали некоторые теоретики, по возможности, его стиля и синтаксиса) и точным в теоретическом смысле, с точки зрения лингвистического анализа, без учета того, кто заказывал перевод, для каких целей и при каких обстоятельствах, либо текст вообще не считался переводом и поэтому не представлял интереса для переводчиков и переводоведов.

В конце 1970-х гг. отношение к переводу резко изменилось, и данная книга – одно из свидетельств этого. Однако старые традиции победить трудно. Абстрактная лингвистическая концепция перевода имеет очень древние корни. Она восходит к истокам западной цивилизации, беря свое начало в средневековой церкви и, в конечном итоге, в греческом рационализме (см. Robinson 1991, 1996, 2001). Привычка игнорировать социальный характер процесса получения, формирования и распространения знаний – древняя западная традиция, и ее влияние на наше мышление все еще очень сильно, несмотря на то что она подвергалась активным нападкам философов в течение всего двадцатого века. В результате, и сегодня кажется «интуитивно верным» оценивать перевод в рамках лингвистической

эквивалентности – несмотря на растущее осознание того, что общество влияет на перевод. Мы знаем, что так делать не следует, но в глубине души по-прежнему к этому стремимся.

Из-за этого внутреннего противоречия вам может показаться, что многое изложенное в этой книге, с одной стороны, совершенно очевидно – настолько, что об этом и говорить нечего, а с другой стороны, настолько не имеет отношения к переводоведению, что звучит просто нелепо. Хотя «само собой разумеется», что переводчики – часть социума, что социальный контекст в значительной степени регулирует или направляет деятельность в области перевода, что качество перевода определяется, помимо лингвистической эквивалентности, многими иными факторами – в то же время все эти факторы кажутся второстепенными, дополнительными, менее важными по сравнению с краеугольным вопросом, передал ли переводчик смысл оригинального текста.

Притворство (абдукция)¹*Притворяясь переводчиком*

Что такое переводчик? Кто такой переводчик? Многие переводчики с многолетним стажем вначале вовсе не собирались работать в этой области и, лишь выполнив множество платных переводов, стали называть себя переводчиками. Есть ли существенная разница между «переводить» и «быть переводчиком»? Как *стать* переводчиком?

Этот вопрос часто задают в списках рассылки переводчиков, таких как Lantiga-L и FLEFO. Обычно автор такого вопроса хорошо знает иностранный язык, жил (или живет) за рубежом и слышал, что переводами можно зарабатывать. Иногда он даже перевел текст-другой, ему понравилось, и теперь он планирует зарабатывать этим на жизнь. Но и ему самому, и другим подписчикам совершенно ясно, что он *пока* не переводчик. В чем же разница?

¹ Абдукция – понятие, введенное Чарльзом Сандерсом Пирсом (1839–1914), американским философом и основателем семиотики. Пирс называл абдукцией интуитивный переход от необъясненных фактов к гипотезе и включал ее в триаду – абдукция, индукция и дедукция.

Самый простой ответ — в опытности. У переводчика есть профессиональный опыт, а у новичка — нет. В результате переводчик разговаривает, как переводчик, в отличие от новичка. У переводчика есть определенные профессиональные представления о том, как следует действовать, и это накладывает отпечаток на все, что он говорит. А у новичка таких представлений нет, поэтому он часто говорит то, что переводчикам кажется глупостью. К примеру: «У меня нет денег, чтобы купить компьютер, но одна моя приятельница даст мне поработать на своем, когда мне будет нужно». (Среди ночи? Когда она принимает гостей? А у нее есть последняя версия текстового редактора, современный факс-модем и электронный адрес?)

И этот ответ будет почти чистой правдой. Переводчики говорят как переводчики, потому что у них есть профессиональный опыт. Однако такой ответ не оставляет начинающему возможности для роста — опыт можно приобрести, лишь научившись говорить по телефону профессионально, чтобы заказчик рискнул доверить своему собеседнику работу. А как научиться говорить профессионально, если нет опыта?

Можно, например, пойти на курсы переводчиков. Одно из достоинств таких курсов именно в том, что они дают слушателям почувствовать, что значит быть профессионалом. К сожалению, этому не всегда учат в аудитории, дух профессионализма приходится постигать самостоятельно — обращая внимание на то, как преподаватели говорят о работе переводчика, как они подают себя в качестве специалистов. Некоторые курсы включают стажировку, что облегчает переход к профессиональной деятельности.

Однако прежде всего начинающему переводчику понадобится изменить свои мысли, речь, жизнь вообще. Еще, работая под присмотром преподавателей или профессиональных переводчиков, слушатель курсов или стажер должен в какой-то момент начать подавать себя как профессионал, и в этом *всегда* есть определенный элемент «притворства»: «Можете прислать нам текст как приложение в формате "rtf" к пятнице? — Конечно. Может быть, даже к четвергу».

Вы никогда прежде не посылали приложений и не знаете, что такое rtf (rich text format), но до пятницы необходимо со всем этим разобраться. Сегодня, во вторник, вы не задаете вопроса: «А что такое "приложение"?» — вы обещаете прислать приложение в формате rtf и бросаетесь на поиски того, кто вас этому научит.

«Какие у вас расценки? — Это зависит от сложности текста. Пришлите мне, пожалуйста, текст по факсу, чтобы я сперва взглянул на него. Я вам тут же перезвоню».

Это ваша первая настоящая работа, и внезапно вы осознаете, что не имеете ни малейшего понятия о том, сколько за нее взять. У вас есть около получаса до того, как заказчик начнет проявлять нетерпение. Вы дожидаетесь факса и звоните знакомому переводчику, чтобы выяснить расценки. Когда вы перезваниваете, то уже говорите, как профессионал.

Конечно, чтобы так поступить, надо знать, что заказчики часто присылают текст по факсу, чтобы переводчик мог посмотреть его прежде, чем согласиться. Если вы этого не знаете, у вас нет способа отложить ответ, поэтому приходится сказать: «Э-э... Не знаю. А сколько вы обычно платите?» Такой ответ не обязательно ведет к катастрофе. Агентства зависят от переводчиков, поэтому в их интересах помогать начинающим. Скорее всего к вашей неопытности отнесутся с пониманием, особенно если у вас достаточно редкая языковая пара, в которой трудно найти первоклассных специалистов. У большинства агентств (и даже непосредственных заказчиков) хватит порядочности не предложить вам абсурдно низкую плату, воспользовавшись вашей неискушенностью. Однако, если ваша языковая пара одна из наиболее популярных и вам позвонили только потому, что заняты все шесть переводчиков, с которыми они обычно имеют дело, это ваш шанс прорваться. В такой ситуации лучше свою неопытность скрыть.

Итак, вы изображаете из себя опытного переводчика. Несколько упрощая, можно сказать, что вы становитесь переводчиком, притворяясь им. Вспомним слова Пауля Кусмауля: «Чтобы вести себя как эксперт, нужно уметь играть в ролевые игры». Очевидно, что,

Заказчик – переводчик

чем больше вы знаете о профессии, тем лучше сможете изображать профессионала. Поэтому очень важно изучать профессию, исследовать ее – слушая преподавателя, читая книги и статьи, задавая вопросы специалистам. Каждый раз, когда вам удастся успешно изобразить профессионала, этот успех увеличивает объем ваших знаний, что позволит лучше притворяться (делать абдукционный прорыв) в следующий раз.

Учтите, однако, что необходимость притворяться посредником в некотором смысле никогда не отпадает. Даже самые опытные переводчики часто вынуждены принимать решения без предварительной подготовки, опираясь лишь на приблизительное знание ситуации. *Никто* не знает достаточно для того, чтобы действовать профессионально в любой ситуации.

В конечном итоге основная разница между опытным переводчиком и начинающим состоит в том, что опытный понимает, когда допустимо признаться в незнании – когда слова «не знаю, позвольте мне разобраться» или даже «не знаю, а вы как полагаете?» не только приемлемы и не ведут к потере лица, но и служат признаком профессионализма.

Притворяясь читателем (на языке оригинала) и автором текста (на языке перевода)

Другой важный аспект абдукционного «притворства» в работе переводчика – изображать, во-первых, читателя на языке оригинала, понимающего исходный текст так, как те, для кого он предназначен, и, во-вторых, составителя текста на языке перевода, который обращается к читателям и добивается при этом эффекта, отвечающего ожиданиям заказчика.

Как вы узнаете, что означает оригинальный текст и какое он должен производить впечатление? Вы полагаетесь на свое знание языка, изучаете словари и другую справочную литературу, спрашиваете специалистов, обращаетесь к агентству или к заказчику; если есть возможность связаться с автором, спрашиваете его, что он имел в виду, используя то или иное слово или выражение. Однако, хотя результаты таких исследований зачастую

неубедительны или неопределенны, на некотором этапе вам приходится действовать так, как будто у вас уже есть вся информация, необходимая для профессионального выполнения работы. Другими словами, вы притворяетесь опытным читателем на языке оригинала. Прямого обмана тут нет – вы играете лишь в небольшой степени. Ведь вы и в самом деле неплохо читаете на этом языке. Однако вы знаете, что с пониманием данного конкретного текста у вас возникли проблемы; осознаете, что ваших знаний недостаточно; так что вы стараетесь сделать обоснованные догадки (это и есть абдукция) о том, что означают слова и выражения, с которыми вам никто не смог помочь, а затем подаете свой перевод как вполне завершенный, удачный и отвечающий всем требованиям.

Откуда вы знаете, кем окажутся читатели вашего перевода, чего они ожидают, как оправдать их ожидания? В некоторых (относительно редких) случаях переводчики точно знают своих читателей. Чаще (но тоже далеко не всегда) встречается ситуация, когда переводчикам заказывают перевод для определенной группы или категории читателей, например, для «должностных лиц ЕС», «членских потребителей» или «международной конференции иммунологов». Устные переводчики, работающие на конференциях, в суде, в больнице и т.п., обычно видят свою аудиторию и даже могут общаться с ней, так что предположения и ожидания слушателей в процессе перевода постепенно становятся понятными. Но ни у одного писателя нет полной информации о своих читателях, ни у одного оратора – о своих слушателях. Для устных и письменных переводчиков это так же верно, как и для тех, кто сам сочиняет тексты. В какой-то момент переводчик тоже должен сделать некоторые предположения о реципиентах своего перевода – определенные интуитивные (абдукционные) догадки по поводу того, какой использовать функциональный стиль, когда употребить то или иное слово или выражение. И снова переводчик будет вынужден делать вид, что знает больше, чем вообще способен знать человек, – просто ради того, чтобы продолжать свой труд, делать свою работу как можно лучше.

Притворяясь членом языкового сообщества

Энтони Пим убедительно опровергает широко распространенное мнение, что специализированные тексты сложнее, чем тексты общего характера, и поэтому надо сперва учиться переводить общие тексты и лишь потом переходить к более сложным — специальным. Аргументация Пима вращается вокруг того, что он называет социокультурной «вписанностью», или «принадлежностью» текста — имея в виду социальную среду, для которой характерны слова, выражения, функциональный стиль и тон этого текста. Он демонстрирует, что чем прочнее текст «вписан» в широкий социальный контекст некоей культуры, тем труднее его перевести, потому что, во-первых, переводчику сложнее получить надежную информацию о том, как различные представители соответствующей социальной среды воспринимают эти слова, выражения, стили и т.д.; во-вторых, велика вероятность того, что подобного контекста не существует в той культуре, на язык которой текст переводят; и, в-третьих, переводчику сложнее судить о том, как читатели перевода отреагируют на подобранные им эквиваленты.

«К примеру, Жан Делиль прямо рекомендует при обучении переводчиков использовать подобные [«общие»] тексты, поскольку «специальная терминология без нужды усложняет начальные стадии обучения языку»... Это звучит довольно разумно. Но, говоря это, Делиль ошибочно полагает, что в «общих текстах» нет проблем с терминологией — как будто журнальные статьи, публицистические материалы и публичные выступления не относятся к той категории текстов, которые и являются наиболее «вписанными», в которых переплетаются многочисленные социальные контексты, образуя новый, еще более сложный. В специализированном тексте, конечно, могут быть проблемы с терминологией — переводчику может понадобиться воспользоваться словарем или поговорить со специалистами, прежде чем уверенно передать английское слово «tomography» французским «tomographie» или испанским «tomografía». Однако это куда легче, чем проанализировать контекст, — сам Делиль тратит около семи страниц, чтобы пояснить, почему в газетной статье, посвященной удалению молочной железы, выражение «sense of loss» (чувство потери) — выражение, прочно вошедшее в английский язык, нельзя перевести (для кого? почему?) как «sentiment de perte»... Ни один технический термин не сравнится по

сложности с этим весьма «общим» примером! Из-за необыкновенной сложности таких текстов приходится обсуждать нюансы самых разных ситуаций, в которых можно употребить такое выражение, как «sense of loss», и в которых по причинам, совершенно не поддающимся чистой лингвистической логике, «sentiment de perte» не вызывает тех же ассоциаций».

Пим утверждает, что глубоко специализированные технические тексты чаще всего связаны с международным сообществом ученых, инженеров, врачей, юристов или иных специалистов, посещающих международные конференции, читающих соответствующую литературу на иностранных языках и поэтому обычно устраняющих из своей речи и текстов контекстуальную неопределенность, которую сложнее всего переводить. Кроме того, как показывает пример Пима со словом «tomography», в специализированных группах точность при переводе на другие языки часто обеспечивается за счет использования греческих, латинских и английских терминов, которые только слегка изменяются при переходе из одной фонетической системы в другую. С другой стороны, «общие» тексты основываются на куда менее регламентированной повседневной речи, на той манере, в которой люди говорят в самых разных жизненных ситуациях и которая требует куда больше знаний о *социуме*, чем специализированные тексты, о том, как люди разговаривают друг с другом в своих социальных группах, дома, на работе, в магазине и т.д. Даже жаргон и специальную терминологию, по мнению Пима, легче переводить, чем эти «общие» разговоры; все, что нужно для перевода жаргонных словечек или терминов, — это найти нужного специалиста и задать ему вопросы (правда, дело осложняется тем, что специалиста порой найти трудно). Что же касается «общего» текста, то тут каждый — специалист, но специалисты эти не могут прийти к единому мнению, поскольку все они используют слова и выражения в различных ситуациях и контекстах и никогда не могут решить для себя окончательно, что они означают в рамках той или иной группы.

Однако в некоторых случаях Пим несколько упрощает ситуацию со «специализи-

Заказчик – переводчик

рованными» текстами и профессиональными сообществами. Ключ к хорошему специализированному переводу кроется не в том, чтобы знать – английское слово “tomography” по-французски будет “tomographie”, а по-испански – “tomografía”, то есть не в том, чтобы подбирать словам нужные эквиваленты, – а в том, чтобы сперва прочесть, а затем и написать текст таким образом, как это сделал бы один из членов соответствующей социальной группы. Чтобы понять медицинский текст на каком-то языке, нужно прочесть его так, как будто ты врач, медсестра, сотрудник больницы или еще кто-то в этом роде, для которого этот язык родной. Чтобы хорошо перевести этот текст на другой язык, нужно *писать* на этом языке так, как будто ты врач (и т.п.). И насколько бы ни были эти специалисты интегрированы в международную среду, они все равно остаются реальными людьми, которые общаются с членами своей группы так, как это принято в их местном сообществе. Значения слов и выражений в специализированных текстах и устной речи могут быть определены достаточно четко, но принципы, по которым они соединяются при составлении специализированного текста, могут быть весьма специфичными, характерными именно для данной группы. И для того чтобы правдоподобно передать текст на языке перевода, хороший профессиональный переводчик должен будет «сделать вид», что принадлежит к этой группе.

Вот два примера. Меня попросили перевести с английского на финский список из восьмидесяти химических терминов – никакого контекста, никаких предложений, просто восемьдесят слов. Все они были латинизмами, терминами именно того плана, которые, как верно полагает Пим, довольно легко переводить, поскольку обычно требуется просто передать слово в другой фонетической системе – “tomography”, “tomographie”, “tomografía”. И, как предсказывал Пим, работа оказалась очень простой. Однако, поскольку я переводил на финский, не родной мне язык, я отправил свой перевод факсом в Финляндию своей приятельнице, которая имеет научную степень по химии. Она внесла

несколько поправок и вернула текст. Читая его, я заметил, что возникла некоторая непоследовательность при переводе “-ethylene”. В некоторых сложных словах она перевела его как “-etylenei”, в других – “-eteeni”. Засомневавшись, я позвонил ей. Она рассказала, что использование терминов в этой области финскими химиками сейчас как раз находится в переходном состоянии и замеченная мною непоследовательность отражает этот переход. Думаю, что другой финский химик мог отразить переходный период иначе, и представить мне немного другой вариант непоследовательности, используя и “-etylenei”, и “-eteeni”, но в других сложных словах. Какой бы «интернациональной» ни была социальная структура, употребление слов всегда определяется местным сообществом.

А недавно меня попросили перевести с английского на финский инструкции к фармацевтическому продукту, и я не мог подобрать финского эквивалента для перевода выражения “flip-off seal”², так что мне пришлось отправиться с расспросами в Интернет. Я опросил трех-четырёх знакомых переводчиков-финнов, которые перевели множество медицинских текстов. Они дали мне три существенно отличающихся друг от друга ответа, все три надлежащим образом проверенные у знакомых врачей. Особенно отличались варианты, который они предложили для слова «колпачок»: “suoja” – «защита, покрытие», “hattu” – «шляпка» и “sinetti” – «печать, пломба». Хотя слово “sinetti” и включает в себя большую часть значений английского “seal” (не считая значения «тюлень»), я бы не подумал, что его можно использовать для обозначения защитного колпачка на медицинском флаконе. Однако знакомый врач подтвердил такой перевод. “Hattu”, т.е. «шляпка» – слово разговорное. Финны используют его в повседневной речи, чтобы описать любое подобие шляпки, если не знают точного термина или если точный термин носит слишком технический характер. Это наглядный пример того, что даже специалис-

² Одноразовый колпачок на медицинском флаконе, отламывающийся при поддевании пальцем. (Прим. пер.)

ты входят в различные сообщества. И даже внутри одного сообщества зачастую существует несколько функциональных стилей, различающихся по степени «официальности». “Suoja”, т.е. «защита, покрытие» – наиболее нейтральное слово из трех. Именно на нем я в конце концов и остановился, частично потому, что моя собственная интуиция (иностранца) прогивилась “sinetti”, но в основном потому, что ответ “suoja” был единственным, который я получил до срока сдачи работы.

Урок 1: чем в большее число социальных групп и сообществ вы входите и чем прочнее ваши связи с ними, тем лучше вы сможете «делать вид», что вы член сообщества читателей на языке оригинала и член сообщества писателей на языке перевода.

Урок 2: если вы слабо связаны с каким-то сообществом, то особое значение приобретают ваши контакты в среде переводчиков или наличие друзей, которые либо сами знают то, что вам нужно, либо могут связать вас с людьми, которые это знают. И все равно, для того чтобы «притвориться» врачом или инженером, не будучи ни тем, ни другим, вам необходимо хоть в какой-то степени входить в соответствующую социальную среду, чтобы суметь разобраться в противоречащих друг другу советах экспертов и выбрать тот вариант, который покажется вам наиболее подходящим.

Урок 3: в профессиональной среде, где всегда есть жесткие сроки сдачи работы, целью переводчика не может быть безупречный перевод или даже лучший из возможных. Он может лишь стремиться выполнить наилучший возможный перевод *к определенному сроку*. Если ваш приятель-переводчик поговорит со знакомым врачом и предложит вам правдоподобно звучащий термин или выражение до наступления срока сдачи, вы не будете ждать, надеясь на то, что в ближайшие дни появится лучший вариант. Вы сдадите перевод вовремя и будете довольны тем, что дело сделано. Конечно, если другой приятель пришлет вам альтернативный вариант после того, как вы сдали работу, и вы внезапно поймете, что именно *этот* вариант верен, и что вы и ваш другой приятель были совершенно неправы, вы позвоните в агентство или заказ-

чику и, если это все еще возможно, попросите их внести исправления.

Как стать переводчиком (индукция)

В свете всего этого, чтобы стать переводчиком, нужно больше, чем просто выучить множество слов, выражений и трансформационных моделей для двух или более языков; больше, чем просто знать, какой техникой и программным обеспечением нужно обзавестись и какие назначать цены. Кроме того, и, наверное, это самое важное, нужно быть членом нескольких базовых сообществ или социальных групп. Чем больше таких групп и чем активнее ваше в них участие – тем лучше.

Важнее всего, вероятно, сообщество переводчиков. Переводчики знают, как взаимодействуют языки и культуры. Переводчики знают рыночную обстановку в области межкультурных коммуникаций (оборудование и программное обеспечение, расценки, условия и т.д.). Коллега-переводчик может передать вам работу – если пришел заказ, который он не может взять, а он встречался с вами на конференции или в местной организации переводчиков, он может откопать вашу визитку и предложить вас своему заказчику. Или же, если ему понравились ваши письма в электронной конференции, он может дать заказчику ваш электронный адрес. Переводчикам приходится быть членами множества социальных групп, и они почти всегда знают, кому позвонить, отправить факс или электронное письмо, чтобы получить решение сложной терминологической проблемы – так что членство в сообществе переводчиков предоставляет вам бесценные связи с другими сообществами. Осюда видно, как важно принадлежать к организациям переводчиков и принимать активное участие в их деятельности, посещать переводческие конференции и быть подписанным на электронные конференции переводчиков в Интернете.

Но в идеале, конечно, лучше всего входить и в другие сообщества – насколько хватит сил – в сообщества людей, которые используют специализированные тексты, и людей, которые их не используют; сообщество специалистов в процессе работы, на про-

Заказчик – переводчик

фессиональных конференциях или на отдыхе: людей, которые читают журналы профессиональной или общей тематики или пишут для них, тех, кто имеет дело с «неспециальными» периодическими изданиями, посвященными новостям, науке и культуре, с различными популярными журналами и бульварными газетами; тех, кто рассказывает свежие анекдоты, истории о том, что сами увидели, выдумали или прочитали в новостях, что случилось с ними или их знакомыми. По сути, когда переводишь, делаешь примерно то же, что и когда читаешь, пишешь, рассказываешь или слушаешь; перевод – это форма общения, канал для передачи мыслей и мнений, информации и влияния. У переводчиков много общего с теми, кто использует другие каналы, по которым происходит подобная циркуляция внутри культур и между ними. Для переводчика очень важно стать частью сообществ, которые используют подобные каналы как минимум в двух языковых средах. В последнем и состоит основная разница между переводом и другими видами речевой коммуникации, именно она и помогает переводчику мыслить и действовать глобально, представив свою работу как налаживание связей с десятками, возможно, даже сотнями различных социальных групп по всему миру. Профессиональный переводчик должен походить на нейрон, чьи дендриты широко раскинуты по коммуникационным сетям и всегда готовы передавать информацию или запросы в нужную сеть (так же, как различные сигналы управления – говоря языком неврологов, «тормозящие» и «возбуждающие» импульсы – например, «вот, что вам следует сделать» или «я думаю, это будет неэтично»).

Юджин Найда написал в 1985 г. статью под названием «Смысл перевода состоит в переводе смысла». Суть ее в том, что переводчик погружается в текст оригинала в поисках смысла, извлекает его и передает на языке перевода, – это традиционный взгляд на перевод. Если же подходить к переводу с межкультурных и социально ориентированных позиций, следовало бы переформулировать это так: «Смысл перевода состоит в передаче смысла – а также его воздействия и взаимо-

связей – по глобальным коммуникационным сетям». Или, выражаясь более образно:

Перевод – это передача.

Переводчики – связующие звенья в коммуникационной цепи.

Перевод – это синаптическая передача сигнала во всемирном мозге.

Перевод как вид социальной деятельности (дедукция)

В предпоследней главе своей книги «Перевод и передача текста» Пим пишет об исторически сложившейся неприметности переводчиков – «безымянных подчиненных», служивших правителям, которые говорили только на своем языке, и поднимает вопрос, имеющий политическую окраску: вопрос преданности, верности, в особенности – сложную проблему того, как доказать верность правителю, который не может делать то, что делает переводчик:

«Нет ничего постыдного в том, что среди переводчиков практически не было королей, знати и священнослужителей. Возникает даже некое чувство гордости за то, что политические и духовные власти были вынуждены доверять своим слугам-переводчикам. Но откуда им было знать, что тот или иной переводчик достоин доверия? Глупо было бы полагать, что все переводчики одинаково знают, их верность бесспорна, а хорошая оплата гарантирует честность. Совершенно необходимы дополнительные гарантии. Уверенность повелителя может основываться на дипломе специального учебного заведения, рекомендациях предыдущих работодателей, сравнении с другими переводчиками или даже на высказываниях переводчика о переводческом процессе, поскольку теоретизирование само по себе показатель профессионализма».

Эта концепция теории перевода как необходимой части брони, которой переводчики прикрываются от непонимания, одновременно и стара – в конце концов, именно ей руководствовался Иероним, когда в 395 г. излагал в «Письме Паммахию» свои принципы, и Мартин Лютер³ в письме о переводе, разосланном им в 1530 г., – и относительно нова. Официальной и основной причиной разработки теории перевода служило стремление контроли-

³ Лютер Мартин (1483–1546). – перевел на немецкий язык Библию, утвердив нормы общенемецкого литературного языка. (Прим. пер.)

ровать действия переводчиков, а не помогать им обосновывать правильность сделанного перевода (как этого хотелось Иерониму, Лютеру и Пиму). Теория предназначалась для того, чтобы полностью подчинить переводчиков правителям (будь преданным, а не свободным!), а не предоставлять им защиту от непонимания со стороны власть имущих.

И снова мы сталкиваемся с вопросом о различии между внутренним и внешним представлением – с точки зрения «правителя» (заказчика), то есть при взгляде снаружи единственная причина, оправдывающая существование теории перевода, – это развитие и обеспечение нормативных стандартов тщательного и точного перевода. Правители хотят быть уверенными в том, что переводчики переводят в соответствии с коллективно принятыми стандартами, а не становятся, так сказать, «перевиральщиками» (*traduttore traditore*) – в чем их постоянно подозревают. А с точки зрения переводчиков (взгляд изнутри) теория перевода существует в основном для того, чтобы помогать решать возникающие проблемы, оправдывать принятые решения, если их начинают критиковать, и, таким образом, профессионально расти в плане умений, знаний, положения, поведения и надежности.

Заметьте, однако, что в обоих случаях речь идет о чисто социальных причинах: существование теории перевода обосновывается не тягой к знаниям или потребностями чистой науки, а необходимостью жить и работать в обществе, взаимодействовать с другими людьми (в данном случае – с теми, кто платит за работу). И, хотя построение теории перевода на такой социальной основе, безусловно, не ново, только с конца 1970-х гг. – начиная с немецкой скопос-теории, ориентированной на действие (Катарина Райс, Ханс Й. Фермеер, Юста Хольц-Мянттарри, Кристиан Норд и др.), и получившего развитие в Израиле и странах Бенилюкса полисистемного подхода, дескриптивного переводоведения или теории манипуляции (Итамар Эвен-Зохар, Гидеон Тури, Андрэ Лефевр, Джеймс С. Холмс, Тео Херманс и др.) – переводоведы стали открыто обосновывать необходимость теории социальными предпосылками. Перевод, уверяли

они, контролируется социумом, социальными действиями, людьми, которые говорят друг другу «сделай это», «я заплачу столько, если ты это сделаешь», «помоги мне с этим» и т.д. – и теория перевода является неотъемлемой частью этого. Если же теория не является частью подобного социального взаимодействия – она, по их мнению, бесполезна. Так, забава для ученых, повод для публикаций, средство для укрепления репутации, саморекламы и т.д.

Школа, известная под названием «полисистемной», «манипуляционной» или школы «дескриптивного переводоведения», интересуются в основном большими культурными системами, а не локальными социумами. Здесь же мы рассмотрим немецкую школу, которую называют по-разному – функциональной теорией перевода, ориентированной на действие (ориентированной на перевод, Handlung-теорией), ориентированной на перевод анализом текстов или скопос-теорией.

Эта группа подчеркивает важность социальных функций и взаимосвязей перевода, утверждая, что такой подход в первую очередь более реалистичен. Она полагает, что ближе к реальности изучать перевод с точки зрения того, что происходит, когда люди переводят, какие социальные факторы влияют на перевод, а не в рамках традиционной абстрактной эквивалентности текста (лучше перевести по смыслу, а не буквально). Поскольку они полагают, что перевод всегда был социальным явлением, но только теперь происходит осознание этого, их подход носит откровенно корректировочный характер – они стремятся опровергнуть традиционные теории, в которых устанавливаются некие общие законы без учета разнообразных конкретных ситуаций, составляющих суть переводческой практики.

Таким образом, сторонники скопос-теории вносят свои поправки в традиционные текстоцентрические теории за счет применения того, что Пирс называет индукцией, – они исследуют собственный индуктивный опыт перевода в социальном (профессиональном мире), наблюдают за реальной деятельностью коллег и своей собственной, за всем, что связано с переводческим процессом, и на

Заказчик – переводчик

основе этих наблюдений строят новые теории или дедукции. Такая приверженность практическому опыту реальных переводчиков в реальном профессиональном контексте делает этот подход чрезвычайно привлекательным для множества практикующих переводчиков и для изучающих искусство перевода. Как и все теоретики, приверженцы этой школы ради построения своей теории упрощают социальный контекст перевода. От головокружительной сложности окружающего мира они переходят к относительной стабильности упрощенной идеализации и абстракции, как бы универсальным диаграммам и порой – к весьма замысловатой терминологии. Но, будучи практикующими переводчиками и базируя свои теории на практическом опыте и индукции, они все время помнят о безграничной сложности реального процесса и, даже создавая грандиозные схемы, описывающие функционирование переводческого социума, неизменно уточняют, что на самом деле все не так просто, что тот или иной компонент теории подчас может меняться.

Этот метод прекрасно проиллюстрирован в книге Кристиан Норд «Анализ текста при переводе» (Nord, 1991), первоначально вышедшей в 1988 году на немецком языке под названием «Textanalyse und Übersetzen» и переведенной на английский самим автором*. В первой главе этой книги Норд кратко изложила основные положения функционального (ориентированного на действие) подхода с помощью аналитических рассуждений, диаграмм и примеров, а также перечислила их в виде тезисов, напечатанных более жирным шрифтом и обведенных в рамку. Далее мы воспользуемся этими тезисами, чтобы дать представление о функциональном подходе.

Оригинальный и переводной текст, являясь лингвистическими знаками, обусловленными соответствующими культурами, жестко задаются коммуникативной ситуацией, в которой они служат для передачи сообщения (с.7).

Таким образом, все тексты, не только переводы, обусловлены коммуникативной ситуацией, а не абстрактными общими правилами, регулирующими устную и письменную речь. Поэтому нельзя сказать, что «эквивалентность» текста является – или должна быть – определяющим критерием хорошего перевода или же что все переводы должны подчиняться одним и тем же требованиям эквивалентности. На самом деле критерии определяются коммуникативной ситуацией – людьми, действующими и взаимодействующими в рамках социального контекста.

Тот, кто инициирует процесс межкультурной коммуникации, делает это потому, что ему нужен определенный инструмент коммуникации – переведенный текст (с. 8).

Теоретики этого направления первыми заговорили об «инициаторах» или «заказчиках», которым нужен перевод и которые поручают кому-то его создание. Ясно было, что такие люди существуют и что их влияние на процесс и сущность перевода огромно. Но при разработке теорий этот факт полностью игнорировался. В традиционных теориях уделялось внимание только автору оригинального текста, переводчику и читателю перевода. Представлялось, что автор и читатель влияют на переводчика волшебным образом, без посредничества реально существующих людей, которые на самом деле осуществляют это влияние с помощью телефонных звонков, факсов, электронных писем и платежей.

Функция перевода не определяется формальным анализом исходного текста; она прагматически задается целью межкультурной коммуникации (с. 9).

Имеется в виду следующее – 1) перевод призван выполнять одну или несколько социальных функций; 2) эти функции представляют собой не абстрактные лингвистические понятия, типа риторической или информационной функции, а внеязыковые действия, которые определяют поведение реальных людей в социальной среде; 3) эти функции нельзя определить раз и навсегда – всякий раз, в новом коммуникативном контексте, их нужно определять заново, исходя

* В дальнейшем все цитаты (в русском переводе) приводятся по этому изданию.

из практических соображений; 4) главным фактором при этом является цель (*skopos*) межкультурной коммуникации, то, чего люди хотят с ее помощью достичь.

Восприятие текста переводчиком определяется коммуникативными нуждами заказчика или реципиента перевода (с. 10).

Имеется в виду следующее – читая (или слушая) текст, переводчик не подчиняется ни какому-то неведомому «духу» текста, ни собственным прихотям, а руководствуется пожеланиями людей, которые нуждаются в переводе и которые попросили этот перевод сделать.

Переводчик не занимается передачей сообщения оригинала, а сочиняет текст на языке перевода, руководствуясь намерениями другого человека с тем, чтобы создать коммуникативное средство для культуры языка перевода, или же документ, воспроизводящий в этой культуре оригинальный акт коммуникации (с. 11).

Имеется в виду следующее – 1) переводчик – орудие не автора текста, как часто предполагается в традиционных теориях, а культуры, на язык которой переводится текст; 2) в культуре языка перевода действует социум, а именно, совокупность совместно работающих людей, которые выявляют коммуникативные нужды своей культуры и дают переводчику определенное задание для удовлетворения этих нужд; поэтому 3) смысл оригинального текста всегда доходит до переводчика опосредованно, после специальной обработки – можно сказать, в определенной степени «предварительно переведенным» с помощью сложных соглашений, существующих в культуре языка перевода.

Текст – это коммуникативное действие, которое выполняется с помощью сочетания вербальных и невербальных средств (с. 15).

Таким образом, текст – не статичный объект, который изучают в «лабораторных условиях» и описывают относительно объективно. Это социальное действие, зависящее, как и все подобные действия, от социального контекста. Воздействие текста определяется не только словами, но и интонацией, жестами и мимикой либо «иллюстрациями, макетом публикации, логотипом компании и т.д.» (с. 14). Так же и восприятие текста, который переводчик прочел в книге или в приемной зубного врача,

будет отличаться от восприятия текста, полученного по факсу или по электронной почте от заказчика, даже если сами тексты идентичны. Невербальное действие отправки текста на перевод с помощью электронных средств общения меняет суть коммуникативного действия.

Восприятие текста зависит от ожиданий реципиента. Эти ожидания определяются ситуацией, в которой воспринимается текст, образовательным и культурным багажом реципиента, его знаниями о мире и коммуникативными потребностями (с. 16)

Сама Норд поясняет это так: «намерения того, кто передаст информацию и того, кто принимает, могут быть одинаковыми, но это не всегда так; они не обязаны даже частично соответствовать друг другу» (с. 16). Более того, не все те, кто использует перевод (инициаторы, заказчики, реципиенты), на самом деле *ожидают*, что эти намерения совпадут или будут соответствовать друг другу. Иногда это действительно ожидается, однако это далеко не обязательное требование ко всем переводам, как пытались представить более традиционные теории.

С помощью комплексной модели анализа текста, которая учитывает как внутритекстовые, так и внетекстовые факторы, переводчик может установить «внутрикультурную функцию» оригинального текста. Затем он сравнивает результат с (предположительной) внутрикультурной функцией перевода, необходимой заказчику, определяя и выделяя те элементы оригинала, которые при переводе нужно сохранить или адаптировать (с. 21).

Другими словами, переводчик – это связующее звено между двумя текстовыми действиями: между оригинальным текстом, рассматриваемым как действие, производимое в культуре языка оригинала, и переводным текстом, который должен выполнять определенную заказчиком функцию в культуре языка перевода. В конечном счете назначение переводного текста определяется требованиями заказчика, однако эти требования нужно согласовать с тем, что переводчик установил как «внутрикультурную функцию» оригинального текста. Если переводчик (или другой человек) почувствует слишком большое несоответствие между двумя текстовыми действиями, то у него могут возникнуть затруднения этического характера.

Заказчик – переводчик

Функциональная эквивалентность оригинального и переводного текста – это не обычная *skopos* [цель] перевода, а исключение, когда фактор «корректировки функций» равен нулю (с. 23).

Поскольку текст перевода выполняет в своей культуре иные культурные и социальные функции, чем текст оригинала – в своей, перевод крайне редко «функционально эквивалентен» оригиналу. Изменение функциональности текста – это нормально. Обычно вопрос ставится так: «как именно *skopos*, или цель, этого текстового действия изменится при переходе в другую культуру?» Норд даст, поэтому, следующее функциональное определение перевода:

Перевод – это создание на языке перевода текста, связанного с исходным текстом так, как предусматривает функция, предписанная переводному тексту (*skopos* перевода). Перевод позволяет совершиться коммуникативному акту, который иначе не мог бы произойти из-за существующих языковых и культурных барьеров (с. 28).

Таким образом, связь между оригиналом и переводом не устанавливается раз и навсегда, а выбирается в зависимости от определяющих ее социальных взаимодействий.

Такая концепция перевода, при которой он зависит от социальной функции в условиях реальных социальных взаимодействий, очевидным образом влияет на построение теории и обучение искусству перевода.

Во-первых, ясно, что теоретики и преподаватели перевода, которые, естественно, не могут находиться вне общества, опутаны многочисленными социальными связями. Теоретики пытаются изучить влияние общества на процесс перевода не из любви к чистой науке, а для того чтобы научить других (в первую очередь, переводчиков) лучше понимать социальные процессы, играть в них более ответственную и высоконравственную роль. Быть ответственным означает активно принимать обоснованные и этические решения о том, как реагировать на обстоятельства, вынуждающие действовать определенным образом в определенной ситуации. Назначением теории перевода и обучения переводу должно быть совершенствование способности переводчика принимать такие решения.

Во-вторых, точно так же, как переводчики создают теорию, пытаются лучше понять свою работу – например, ради того, чтобы лучше отвечать на критику, отличать по-настоящему проблемные места от тех, где критик просто заблуждается, улучшать качество перевода первых и отстаивать перевод вторых, пересматривая спорные места, – так и теоретики и преподаватели перевода должны строить свои теоретические и педагогические модели на той отправной точке, где из индуктивно накопленных знаний начинают возникать дедуктивные принципы, и никогда не забывать о реальных сложностях, на основе которых выработаны эти принципы. Такие сложности – не просто богатый источник новых идей, мыслей, нового понимания. Только с их помощью можно овладеть теориями, правилами и инструкциями и применить их на практике. Учащиеся студенты, преподающие преподаватели, теоретизирующие теоретики, равно как и практикующие переводчики – все они часть социума и вовлечены в бурную общественную жизнь, которая регулируется взаимными нуждами реальных людей в реальных социальных контекстах.

Зачем я не знаю языков? Мне кажется, что беллетристику я переводил бы великолепно; когда я читаю чужие переводы, то произвожу в своём мозгу перемены слов и перестановки, и получается у меня нечто лёгкое, эфирное, подобное кружевам.

(А. П. Чехов)

Ситуационный перевод

Я.В. Фоменко

Именно объективно существующая обстановка подсказывает, в чем заключается информационная ценность речевого произведения, т.е. то, что должно быть обязательно передано адресату.

(Р.К. Миньяр-Белоручев)

Об этом я хотел написать всю жизнь...

(Г.И. Гладков)

Стадион был переполнен. Под всеобщее ликование начинался спортивный праздник в честь участников первого российско-американского миротворческого учения. Звонким голосом ведущая праздника объявляла номера программы:

— Солдат-миротворцев приветствуют дети!! Пусть на их лицах всегда цветут счастливые улыбки!!

После некоторой паузы с той же трибуны глуховато и медленно послышался перевод. Молодой стажировавшийся переводчик, слегка поборовшись с грамматикой, выдал свой вариант здравницы на английском языке. "The children came... have come to..."

«В целом, вариант проходной, но...», — автоматически отметил про себя преподаватель стажёра.

— Ну неужели нельзя было посадить туда нормального переводчика! — процедил с досадой командир миротворческой дивизии. Английского языка он не знал.

Перевод не соответствовал ситуации.

Традиционно обучение переводчиков нацелено на перевод, максимально верный оригиналу. Совершенно естественно, что добросовестный начинающий переводчик стремится воспроизвести оригинал как можно «точнее», полнее, адекватнее. И это правильно! При работе с делегациями вся официальная часть переговоров, публичные заявления,

согласование достигнутых договорённостей требуют от переводчика отказа от любой «самодеятельности», а иногда даже дословного перевода, (который, как правило, делается с оговоркой, например в тех случаях, когда надо устранить любую двусмысленность.)

«Известно, однако, что «в [некоторых] других случаях переводчику вменяется в обязанность обеспечить воспроизведение в переводе коммуникативного эффекта оригинала, того воздействия, которое автор оригинала хотел оказать на получателей сообщения с целью вызвать у них определённую реакцию», — пишет В.Н. Комиссаров в статье «Перевод и языковое посредничество» («Тетради переводчика», вып. 21).

Не зная и не чувствуя этого, начинающий переводчик вдруг замечает, что его усилия переводить, сохраняя максимальную полноту высказываний оратора (так, как его учили!), оказываются напрасными, что перевод перегружен, а это отнюдь не способствует лучшему пониманию выступления. У докладчика же, которому вместе с аудиторией приходится слушать столь подробный перевод, теряется нить выступления, возникает чувство досады. Выступающий чувствует возникший между ним и аудиторией языковой барьер и воспринимает это как неизбежное зло.

Но если переводчик сосредоточивается главным образом на передаче «коммуникативного намерения оратора», а проще говоря, его основной мысли и настроения, даже в ущерб деталям высказывания, и к тому же поддерживает высокий темп разговора («потеря качества при выигрыше темпа») — языковой барьер плавно тает, переводчик становится незаметной фигурой, а процесс общения выступающего и аудитории начинает идти гладко.

Заказчик – переводчик

Зависимость полноты устного перевода от ситуации, в которой идёт процесс межкультурного общения, подтверждали многие авторитетные исследователи. В «Курсе перевода» В.Г. Гака и Ю.И. Львина вводится понятие «ситуационный эквивалент».

«Нередко приходится отказываться от дословного перевода, даже если он не противоречит смыслу и нормам языка перевода, лишь потому, что в аналогичной ситуации говорящие на данном языке используют обычно иную форму».

Экстраполируя это бесспорное наблюдение на макроконтекст практического устного перевода, можно выявить ряд закономерностей, наличие которых позволяет переводчику в определённых ситуациях ориентироваться лишь на коммуникативную цель высказывания, идя на большие переводческие трансформации текста ИЯ.

Каковы же эти ситуации?

Small Talk. В приведенном выше примере переводчик во время работы с американской делегацией прибегает к ситуационному переводу сразу, при первом знакомстве сторон. Возможно, он действует под впечатлением недавно прочитанного американского «Руководства по тактике действий миротворческих сил» в главе *Conduct of the Negotiation*:

1. Don't talk directly about the object. Salute, introduce yourself, always say yes to refreshments, etc. Start with small talk and try to ascertain the mood of the counterpart (nervous, excited, calm, angry).

В такой момент происходит «прощупывание» сторон, в том числе и переводчика(!), на предмет его профессиональной подготовленности. Зная это и добиваясь совершенно конкретных целей коммуникации, переводчик идет на значительный отрыв от лексической оболочки исходного текста, сохраняя лишь его коммуникативное ядро. Таким оказался перевод утреннего приветствия, адресованного американскому гостю:

ИЯ – Как спалось, господин генерал?

Перевод – Looking great, General!

ИЯ – На, ha, thank you, and feeling well.

Перевод – Спасибо, выспался замечательно.

Переведя лишь две фразы «нестандартно», переводчик добился многого. Полностью соблюден этикет встречи, сохранён под-

слудный намёк на позднее завершение вечерних переговоров за ужином, американский гость получил комплимент в полном соответствии с рекомендациями американского бестселлера "Life's Little Instruction Book" (совет № 1: Compliment at least three people daily). Переводчик продемонстрировал также знакомство с современными американскими реалиями, сделав аллюзию на популярную в то время в США комедию "Changing Places", где Looking great, And feeling well! были заключительными репликами фильма.

В каких же ситуациях переводчик, выполняя функцию языкового посредничества, ищет «динамическую эквивалентность» в отличие от лексической?

Перевод в условиях ограниченного времени.

В процессе переговоров подчас возникает такой момент, когда «заказчик», т.е. лицо, в интересах которого выполняется перевод, вдруг забывает о том, что для перевода требуется время. Это может произойти или в минуту вдохновения, или когда выступающий вдруг начинает «размышлять вслух». В этом случае попытки неопытного переводчика перебить оратора или не дать ему продолжить монолог, специально затягивая перевод и этим как бы напоминая о своём присутствии, можно оценить как нарушение переводческой этики. Это может негативно сказаться на итоге выступления, на ходе переговоров, вызовет досаду у аудитории или у договаривающихся сторон.

При выполнении последовательного перевода сокращение времени на перевод по той или иной причине является сигналом для переводчика перестроить свою работу на достижение главным образом «динамической эквивалентности» (при сохранении, безусловно, всей прецизионной информации).

Обстановка спешки и нервозности, отходящий транспорт, обмен репликами на ходу диктуют переводчику необходимость быть максимально кратким, занимаясь не переводом слов и фраз, а языковым посредничеством.

Культурная адаптация. У внимательного переводчика в процессе межкультурного посредничества постепенно складывается картина того, какими иностранцы видят нас, россиян. И образ этот отнюдь не всегда привлекателен. Есть у россиян также и культурные особенно-

сти, которые для нас не являются отрицательными, но для людей западноевропейской культуры представляются шокирующими. К примеру, личное пространство (personal space) при общении, физическое расстояние между отдельными людьми. Иностранцы предпочитают держать большую дистанцию, чем россияне. В связи с этим совершенно неприемлемо ни для переводчика, ни для его шефа стоять очень близко к своему иностранному собеседнику или пробираться через группу неплотно стоящих иностранцев, отодвигая их рукой и к тому же не извиняясь.

Межкультурные различия, однако, не столь значимы и явны, когда речь идет о процессе переговоров и визитов. Главной причиной утраты взаимопонимания между заказчиком и иностранным клиентом может стать боязнь переводчика взять на себя ответственность за сглаживание в тексте перевода общекультурных промахов.

ИЯ – Вы знаете, что это за гарнир?

Перевод – You know this cereal?

ИЯ – Это гречка. А ведь раньше ею Русь свиней кормили. Зато теперь мы её сами едим с удовольствием, и вас угощаем.

Перевод – It's buckwheat. Traditional Russian food. Very nutritious. Hope, you'll like it. We do.

Пропуск фрагмента о свиньях в переводе оправдан ситуацией, так как делегация работала не с фермерами, а работниками МИДа.

На более глубинные трансформации пошёл переводчик в другом случае. (Описание ситуации: зал летнего ресторана, стол, уставленный прохладительными напитками, подносами с закусками). На вопрос "So, Colonel, how do you like the place?" звучит ответ:

ИЯ – Вчера было лучше!

Перевод – Even better than yesterday!

Несмотря на то, что переводчик формально меняет смысл ответа на противоположный, осознавая, что у главы его делегации не было намерения оскорбить американскую сторону, ситуация остаётся под контролем. Логика и направленность беседы сохраняется:

– Мне понравился вчера такой штурвал на стене, модели самолётов, фотографии...

– Anyway, we will never forget the hand wheel on the wall there, the aircraft models, and pictures...

Американский сопровождающий удовлетворенно кивает головой в знак понимания и согласия.

В другом случае англичанин объясняет через переводчицу обязанность независимого наблюдателя и шкалу оценки соблюдения демократических процедур. Его последние слова напутствия: And be subjective! – были без малейшего колебания переведены как «И будьте объективными». *Субъективность* и *объективность* далеко не синонимы, но в данной ситуации именно второе слово мотивировало людей на беспристрастность и независимость суждений, и такой перевод был по достоинству оценен коллегами-переводчиками.

Интересно, что звук "s" в слове subjective переводчица даже не расслышала – ситуация помню ее сознания подсказывала ожидаемое слово. Такой перевод трудно назвать неточным.

Работа с делегацией предопределяет участие переводчика в различного рода застольях. Характерно, что многие деловые вопросы обсуждаются и решаются именно там.

В таких случаях переводчик должен уметь максимально использовать свой словарный запас, так как речь может зайти о совершенно неожиданных вещах: от повадок осетровых во время нереста до различий в правилах бейсбола и русской лангги. Для переводчика сигналом работы в «ситуационном режиме» является первая поднятая рюмка. Далее информативность высказываний начинает снижаться, а потребность к более интенсивному общению за столом возрастать. Осознание того, что переводчик работает с «заказчиком» в одной команде, может также налагать на него некоторую долю ответственности за высказывания своего шефа. Вполне реальна ситуация, когда переводчик уходит от детального перевода анекдота или шутки, исходя из своего понимания культуры реципиентов, сказав просто: "Gentlemen, do me a favour, laugh".

Известен случай, когда в ходе советско-американской встречи на высшем уровне переводчик Рейгана ушёл от перевода анекдота, который звучал оскорбительно для Горбачёва, объяснив тому, что, мол, президент Рейган рассказал одну всем известную старую шутку.

Заказчик – переводчик

Ответственность переводчика перестаёт быть только символической в тех случаях, когда он видит, что заказчик, вероятно, не до конца понял суть важного предложения противоположной стороны и торопится с определённым ответом. Автору статьи известен случай, когда переводчик, снизив уровень опрещенности в переводе ответа заказчика реципиентам, тут же обратился к нему с предложением вернуться к этому вопросу утром, когда переводчик представит письменный вариант перевода того, что предлагает противоположная сторона. В результате переводчику был вручен ценный подарок, а государство сберегло деньги тысяч налогоплательщиков.

Традиционной обстановкой для возникновения потребности в ситуационном переводе являются разного рода чествования и поздравительные выступления, речи, переводимые при этом, изобилуют ситуационными клише, т.е. стереотипными выражениями, которые механически воспроизводятся и обязательны в данной речевой ситуации. Они, конечно, могут разбавляться другими словами и выражениями, но эти другие слова и выражения факультативны, в то время как сами ситуационные клише обязательны, и ими очерчивается непосредственный заказ в данной речевой ситуации (Р.К. Миньяр-Белоручев).

Эффективность же перевода будет определяться тем, насколько переводчику известны фиксированные для данной ситуации клише на другом языке. Семантическая информация идентичных ситуационных клише в двух языках, как правило, не совпадает.

Компетентный перевод. Ситуации, когда в каких-то вопросах переводчик может разбираться лучше своего заказчика, очень деликатны по своей сути. Искажение в переводе смысла заявления заказчика может быть оправдано лишь чрезвычайно важными обстоятельствами, когда клиент переводчика ставит своим заявлением под удар весь ход переговоров или престиж своей страны. Как правило, такой ситуации необходимо избежать до осуществления перевода, сразу же проконсультировавшись с заказчиком и дав ему понять, какие возможны последствия. Если же по каким-то причинам (например, при недостатке времени) перевод со значительным искажением

(трансформацией смысла) уже прошёл, переводчик сразу же ставит в известность об этом заказчика. Борьба за интересы заказчика при осуществлении языкового посредничества может преопределять общий успех переговоров.

Указанный прием еще более важен, если перевод затрагивает сохранение коммерческой, военной и государственной тайны.

Перевод-комментарий. Имеются в виду те случаи, когда заказчик не подозревает о том, что реципиенту, в силу культурных различий, не известно о тех реалиях, на которые он ссылается (столкновение с культурологической лакуной). Переводчику необходимо расширить сообщение заказчика и дать самое краткое пояснение (кто такой Крокодил Гена или что такое сало, которое неизменно фигурирует практически во всех застольных переговорах, малоизвестно кому-либо за пределами стран СНГ).

Сглаживание конфликтной ситуации. Оберегая интересы заказчика, переводчик работает на общий успех и плавное ведение переговоров. В прошлом бытовала традиция списывать срыв дипломатических переговоров на неумелость переводчика. И сейчас провал переговоров не может не отразиться на его рейтинге. Таким образом, в ряде случаев вполне оправдано «сглаживание острых углов», замена всех крепких выражений на эвфемизмы, подмена прямой критики на косвенную. Переводчик, который в идеале является знатоком этикета переговоров и общей культуры поведения представителей обеих стран, должен отлично понимать, что та инвективная лексика, которая может быть вполне уместна в переговорах между представителями одной стороны, звучит совершенно неприемлемо из уст носителя языка. Итак, the unheard-of lie превращается в «некоторую долю лукавства», а «мелочные придирки» – в focusing on the letter of the agreement. Примером непрофессионального перевода может служить перевод скандальной пресс-конференции, проведенной отцом сильнейшего шахматиста Латы Камского во время матча в 1994 году с Саловым в Сингапуре. Югославский журналист и гроссмейстер Димитрий Белица, взявший на себя смелость выступить в роли переводчика известного своей склонностью отца Камско-

го, был объявлен «персоной нон-грата» за оскорбление уважаемых в Сингапуре людей и едва избежал выдворения из страны.

Перевод, направленный на решение сверхзадачи. Известен случай, когда перед своим выступлением в одной из подкомиссий ООН Верховный комиссар по делам беженцев проинструктировал переводчиков переводить так, чтобы результатом его речи стали пожертвования в фонд его комиссии. Это означало, что для представителей одних стран акцент в переводе его речи должен быть сделан на ярких эпитетах в описании безмерных страданий тысяч невинных жертв войны, для представителей других стран подчеркнута важность участия их страны в благом деле помощи беженцам, которое, несомненно, будет отмечено в прессе, а для иных – важным окажется весомость статистических данных. Знание сверхзадачи переговоров (переводить так, чтобы сбыть определенный вид продукции или уговорить принимающую сторону за свой счёт отремонтировать машину заказчика) требует от переводчика смелости в глубинных трансформациях текста ИЯ, инициативы, воображения и постоянной поправки на психологию реципиента.

Решение сверхзадачи — это тот макроконтекст, который и определяет конечную правильность/полноту устного перевода.

Перевод для заказчика, частично понимающего ИЯ.

Особенностью такой ситуации является возможность для переводчика пропускать крупные сегменты текста ИЯ, адресованного заказчику (с согласия последнего). В этом случае переводчик фрагментарно восполняет языковые и терминологические пробелы заказчика.

Ситуационный перевод в этом случае будет в значительной степени приобретать черты устного реферирования. Вместе с тем переводчику лучше полностью взять на себя перевод в обратную сторону (на иностранный язык), дабы избежать ситуаций, подобных следующей (из речи бывшего президента Крыма): *...We job here to make Crimea...хм, переводчик, как там «витрина»?*

Работая с заказчиком, частично понимающим ИЯ, необходимо следить за сохранением в переводе максимальной полноты, так как любой отход от классической модели устного перевода (в отличие от ситуационного) чреват неудовольствием со стороны заказчика и его поправками и подсказками.

Приёмы ситуационного перевода

Практически любая речь избыточна. Устранение избыточности речи требует немало усилий, недаром изучение радиобмена занимает столько времени.

Момент ситуационного перевода наступает тогда, когда переводчик начинает осознавать, что переводимая им речь в смысловом плане неконкретна и избыточна.

Конкретизация информации, непременно устранение избыточности являются характернейшими приемами ситуационного перевода. Последовательность переводчика в устранении избыточности встречает понимание заказчика, так как значительно облегчает ему работу по усвоению и обработке получаемой информации.

В условиях дефицита времени и при общей усталости сторон косноязычная вытекаемость высказываний безжалостно редактируется переводчиком, работающим в режиме ситуационного перевода. Благодаря этому (и ко всеобщему благоу) исходная речь приобретает краткую завершённую форму.

Известно, что ныне политические деятели — как наши, так и зарубежные, — чья спонтанная речь подчас вызывает улыбку у ценителей словесности на их родине, считаются интересными и яркими ораторами за рубежом. Определённо в этом случае налицо заслуга их высокопрофессиональных переводчиков.

Приоритетность основной мысли.

Основная мысль речи заказчика безоговорочно приоритетна. Она доводится в той формулировке (а иногда и с тем количеством повторений), которые звучат в исходном языке. Для других эпизодов переговоров, когда заказчик вдруг начинает терять нить рассуждений или повторяться, переводчику желательно найти то ситуационное клише, которое закроет брешь в коммуникации. В редких случаях (когда переводчик посвящён в планы своей

Заказчик – переводчик

стороны) переводчик может взять на себя ответственность перевести не то, что сказал заказчик, а то, что заказчик намеревался сказать.

Перевод «в духе ситуации» — это прием, которым пользуются переводчики, когда в речи заказчика встречается незнакомое (не узнаваемое, не слышанное) слово или словосочетание, а обстановка не позволяет задать уточняющий вопрос. Выбор наиболее естественно звучащих фраз — залог успеха акта коммуникации. Это правило тем верней, чем меньше информативная ценность высказывания.

Сохранение интернациональной лексики

Для поддержания устойчивого впечатления у коммуникантов (заказчика и адресата) о том, что перевод постоянно осуществляется с высокой степенью точности, вся интернациональная, легко узнаваемая обеими сторонами лексика обязательно сохраняется в переводе. Это в значительной степени способствует устранению у коммуникантов чувства языкового барьера. Любые, самые глобальные трансформации исходного текста желательны сохранять с сохранением «островков полной эквивалентности». Наряду с интернациональной лексикой эти «островки» являются всецело ценной информацией. Достоверность перевода будет подчеркнута ещё более, если «островки полной эквивалентности» будут располагаться в тексте ПЯ в той же последовательности и с тем же распределением по времени звучания, что и в исходном тексте.

* * *

В статье «Перевод и языковое посредничество» В.Н. Комиссаров делает мудрое указание на то, что «[переводчик] действует не для собственного удовольствия или самовыражения, а выполняет социальный заказ либо самих участников межъязыкового общения, либо иных лиц (заказчиков), заинтересованных в том, чтобы коммуникация состоялась».

Осознание переводчиком своей роли и места в процессе перевода является ключевым фактором, порождающим «ситуативность перевода». Необходимо подчеркнуть, что система взаимоотношений участников межъязыкового общения с переводчиком весьма различна. Он действительно выполняет социальный заказ, о котором пишет В.Н. Комиссаров,

но заказ этот, как правило, имеет совершенно определённый источник.

Как трудно представить себе армию вне политики, так и нелегко найти переводчика, свободного от интересов своего заказчика. Многие решения, принимаемые переводчиком в процессе межъязыкового посредничества и, в особенности, в ходе ситуационного перевода, диктуются его принадлежностью к «своей команде».

Таким образом, можно сделать вывод, что ситуационный перевод — это такой вид устного языкового посредничества, при котором главной задачей является передача коммуникативного намерения заказчика. Этот вид языкового посредничества отличается особой свободой в трансформациях исходного текста, направленных на краткость и конкретность, постоянный учёт обстановки, и ориентацией на соблюдение интересов заказчика.

Учёт ситуационных моментов в переводе должен стать предметом для рассмотрения на занятиях по языковым аспектам, и особенно в курсе общего и специального, в том числе военного, перевода. Практика показывает, что обучаемые чувствуют себя менее уверенно, когда к устному переводу предлагаются фрагменты, содержащие элементы разговорной речи.

Преодолеваемо в таких случаях важно предварительно описать, в какой обстановке и для кого переводится предлагаемый фрагмент, с поощрением отметить использование переводческих трансформаций, уход от избыточности и т.д. Умение переводчика достичь уровня раскрепощенности в сочетании с осознанием ответственности за сохранение всей значимой информации — вот качества, которые необходимо вырабатывать у студентов-переводчиков на занятиях по развитию навыков устного перевода.

От редакции

Публикуемая статья содержит, с точки зрения членов редколлегии журнала, ряд весьма спорных положений и публикуется в дискуссионном порядке. Читатели приглашаются к обсуждению поднятой в статье темы.

Носители совершенства

Перевод и переводчики в советском кино: образы и сентенции. Статья первая

Д.И. Ермолович

В советских художественных фильмах переводчики (в качестве действующих лиц) почти не фигурировали, да и вообще темы перевода по сюжету затрагивались крайне редко. Тем не менее в каких-то кинокартинах, в основном комедиях, все же были то малюсенькие сценки, то реплики на эту тему. Они любопытны: по ним можно судить, как советские кинематографисты представляли нашу профессию себе и зрителям, что они в ней видели и как они ее трактовали. Нисколько не претендуя на полный обзор, я расскажу в этой статье о некоторых запомнившихся мне эпизодах.

Совет Варвары Капитоновны

В 1960 году вышел на экраны фильм «Русский сувенир» — последний опыт в жанре комедии-ревю кинорежиссера Григория Александрова (постановщика классических советских мюзиклов «Весёлые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Весна»). Сюжет сводится к тому, что молодой советский инженер Варвара Капитоновна (актриса Любовь Орлова) демонстрирует скептическим капиталистам-иностранцам достижения Страны Советов. Она не только успешно доказывает им преимущества советского образа жизни, но и попутно влюбляет в себя почти всех членов делегации (не доводя, разумеется, дела до «аморалки»).

Фильм оказался на редкость слабым. Он с треском провалился и даже был раскритикован в журнале «Крокодил». Спустя несколько недель показа его положили на полку.

Просматривая этот фильм сегодня, поражаешься нелепости и фальши, которыми пронизан практически каждый диалог, каж-

дая мизансцена. Участие в фильме Эраста Гарина, Андрея Попова, Элины Быстрицкой, Павла Кадочникова и других вылающих актёров никак не спасает положения, а только заставляет сочувствовать мастерам экрана, вынужденным разменивать свой талант на бездарную пропаганду. Тяжело смотреть на 58-летнюю Орлову в роли девушки (как известно, у Александрова была идея-фикс представить свою жену на экране вещью юной, и в последний раз она изображала молодую женщину в его фильме «Скворец и лира», когда ей было 70 лет).

Впрочем, нас интересует не фильм в целом, а что там было о переводе. «Порадую читателей одним из перлов. Молодой и красивый Валентин Гафт изображает французского певца, который, изнемогая от любви к

Любовь Орлова (1950-е гг.)

Кинозал

строителям коммунизма, на запруженной набережной площади какого-то сибирского города исполняет под аккомпанемент рояля песню со следующими словами:

«Я очень, очень рад,
что русское товарищ
легко перевести
на слово камарад».

Эти вирши, конечно, достойны занесения в какую-нибудь книгу рекордов глупости и косноязычия.

Заслуживает упоминания и диалог между Варварой Капитоновной и молодой переводчицей Ларисой Курлычкиной, приглашенной провести для иностранцев экскурсию по сибирскому городу. Лариса взволнована.

Варвара Капитоновна. Почему вы так волнуетесь, девушка?

Переводчица Лариса. Я институт еще не закончила. Я боюсь, что не смогу вспомнить, что надо говорить.

Варвара Капитоновна (проникновенным, но несколько менторским тоном). Не надо бояться, Лариса. Если будете говорить правду, ничего не придется запоминать.

Вот так, дорогие товарищи пилы-переводчишки. А вы-то всё бонетесь чего-нибудь не вспомнить. Следуйте совету незабвенной Любови Орловой в роли Варвары Капитоновны, и всё будет хорошо! Кстати, кусочек самой экскурсии в фильме тоже показан. Правда, мы не видим того, что именно демонстрируют экскурсантам, но зато можем наблюдать их самих и переводчицу в интерьере автобуса:

«Посмотрите налево. (Все сидящие в автобусе одновременно поворачивают головы налево). Это новые, строящиеся кварталы города. Посмотрите направо. (Все так же дружно поворачивают головы направо). А это следы уходящей жизни».

Молодец, Лариса, полезную экскурсию провела.

Доживём до совершенства

В 1968 году вышел на экраны фильм «Доживём до понедельника» режиссёра Станислава Ростюцкого по сценарию Георгия Полонского. Эта картина имела огромный успех

и, кроме прочего, стала удачным дебютом в кино актрисы Ирины Печерниковой, сыгравшей в ней роль молодой учительницы английского языка Натальи Сергеевны.

«Доживём до понедельника».
Ирина Печерникова в роли
учительницы английского

Основной сюжетный конфликт фильма заключается в неспособности еще юной и резковатой Натальи Сергеевны найти общий язык со своими учениками. В какой-то момент учительница задумывается над тем, не лучше ли ей уйти из школы и подыскать себе другое место. Какую же другую работу считает достойной себя учительница английского, потерпевшая фиаско на педагогическом поприще? Ну, сами понимаете, — работу переводчика!

Зайдя в учительскую, когда там никого нет, Наталья Сергеевна поднимает трубку телефона и набирает номер. Она звонит в некую организацию, которой предлагает свои услуги. На другом конце провода, видимо, спрашивают: «Какими языками владеете?».

Ответ Натальи Сергеевны обезоруживает:

— Английским, французским — в совершенстве.

Вот это да! И какой только вуз кончала эта девушка? Где её этому научили или, точнее, где её **не отучили** от выражения *владею языком в совершенстве*?

При всем уважении к сценаристу фильма думаю, что этот прокол следует отнести на его счёт (если только он не хотел выставить свою героиню самовлюблённой зазнайкой). Не знал он, видимо, что среди профессиональных переводчиков, педагогов и лингвистов **не принято** говорить о себе, что знаешь язык «в совершенстве». Употреблять это выражение, пусть и расхожее среди дилетантов, считается у нас дурным тоном. Нужно ли доказывать, что «в совершенстве» никто не знает ни один язык, включая родной? Даже переводчики-синхронисты высшего класса скажут о себе только, что они владеют иностранным языком «свободно». А школьная «англичанка» должна была постыдиться заявлять о владении «в совершенстве» аж двумя иностранными языками сразу. Всем известно, с каким «совершенным» знанием языков покидали (да и сейчас

покидают) у нас стены вузов их выпускники и как быстро эти «совершенные» знания деградируют у школьных педагогов.

Но с другой стороны, в этом выражении — «владеет в совершенстве» — просвечивает обывательски-наивное отношение к переводчику. С точки зрения не искущённых в языках людей (включая и многих кинематографистов), мучившихся много лет в школе над проклятым «инглишем» или «дойчем» и не запомнивших в итоге и десятка иностранных слов, — переводчик, умюющий не просто связать два слова, а и **общаться** на иностранном языке, уже почти небожитель. А небожителям полагается обладать совершенными знаниями.

Много ли нужно, чтобы стать переводчиком

С эпизодом из «Доживём до понедельника» переключается — только в пародийном ключе — сценка из комедии «Джентльмены удачи» режиссера Александра Серого по сценарию Викторни Токаревой и Георгия Данелли, вышедшей три года спустя после «Доживём до понедельника» (в 1971 году).

«Джентльмены удачи» и сегодня остаются одним из любимых в народе фильмов, так что пересказывать его сюжет нет необходимости. Напомним лишь два коротеньких эпизода с участием актёров Георгия Вицина и Савелия Крамарова, играющих роли беглых уголовников Хмыря и Косого. Им велено учить английский язык, потому что человек, которого они принимают за вора в законе по кличке Доцент (Евгений Леонов), якобы планирует «брать посольство». Шайка временно проживает на зимней даче профессора-археолога. Усевшись в саду профессорской дачи — Хмырь на раскладном стуле с учебником английского языка, Косой на качелях, — эта парочка занимается английским. Хмырь проверяет Косого на знание выученных слов.

Хмырь. Карандаш?

Косой. Э пенсил.

Хмырь. Стол?

Косой. Э тейбл.

Хмырь. Девушка?

Косой. Чувиха.

Хмырь. Да нет же! Гёрл!

Косой. Оу, йес, гёрл!

Хмырь. Йес, йес... ОБХС!

А спустя несколько дней Хмырь спрашивает Косого, чем бы тот занялся, если бы завязал с воровским ремеслом. Косой отвечает геннальной репликой:

Могу снег чистить, кирпичи класть... или **переводчиком. Английский я знаю.**

Эта фраза недаром стала крылатой. В заявлении Косого «английский я знаю» не хватает только добавки «в совершенстве», какую мы слышали из уст героини Ирины Печерниковой. Мудрые авторы сценария очень здорово посмеялись над некоторыми выпускниками краткосрочных курсов, которые до того чугунные батареи перетаскивали. Главное — напор! Почитал учебник, посидел над упражнениями, подучил слова — и пожалуйста, вот вам переводчик, может по толстому роману в месяц переводить. Да ещё работать согласен примерно по тем же ставкам, какие платят за укладку кирпичей. Вот только, в отличие от Косого, снова снег чистить и кирпичи класть такие люди не готовы. Им надо по-быстрому справочку получить, насчет владения в совершенстве.

Как переводить тарабаршину

По поводу перевода шуток в своих комедиях и режиссер Леонид ГаЙдай.

В «Кавказской пленнице» (1967, сценарий Л. Костюковского, М. Слободского, Л. ГаЙдай) знаменитая тройца Бывалый, Балбес и Труе (Евгений Моргулов, Юрий Никулин и Георгий Вицин) в одном из эпизодов изображала «горцев», говорящих на экзотическом языке. Джабраил (актёр Фрунзик Мкртчян) знакомит с ними Шурика (Александр Демьяненко), чтобы привлечь его к участию в «похищении невесты». Троицу представляют как «кунаков влюблённого джигита», которым следует перелать невесту после похищения.

Встреча происходит в ресторане. У столика, за которым сидят Шурик и Джабраил, появляется комическая тройца. Их папахи, черкески с газырями и кинжалы производят большое впечатление на Шурика — собирателя фольклора и экзотических обрядов.

Джабраил. Знакомьтесь! Они, к сожалению, совершенно не говорят по-русски. Но... всё понимают!
Кунаки приветствуют Шурика и присаживаются к столу.

Кинозал

Бывалый. Барда варлы. Курзал!

Шурик. Что он говорит?

Джабраил (в замешательстве). Он говорит... (Обрадованно – придумав, как «перевести» сказанное). «Приятного аппетита». Кушайте, кушайте! (Гневно сверкает глазами на Бывалого, поставившего его в тупик своей тарабарщиной).

Балбес (включается в общение сначала молча. Как фокусник, он достает из газырей два патрона, один из которых оказывается папиросой, а другой зажигалкой. Закурив, подмигивает Шурику). **Бамбарбия. Кергуду!**

Шурик. Что он сказал?

Джабраил (уже войдя в роль «переводчика»). Он говорит: если вы откажетесь, они вас зарежут. (После паузы). Шутка!

«Кавказская пленница». — Бамбарбия. Кергуду!

Эта смешная сценка ярко демонстрирует, что иллюзия общения может возникнуть и тогда, когда исходный текст непонятен, а перевод является плодом воображения посредника. В реальной практике перевода действительно бывает, что переводчик вынужден импровизировать, сообразуясь с обстановкой, и если это у него получается, то адресат перевода может ничего не заметить.

— Что он сказал? — Он говорит: если вы откажетесь, они вас зарежут. Шутка!

Иногда она не переводится

В другой знаменитой комедии Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» (1969) представлен шуточный киноперевод. В те времена почти все иностранные фильмы для советского проката дублировались, а переводящий голос звучал за кадром отнюдь не так часто, как в наши дни. Прием закадрового перевода обычно использовался в отечественных фильмах, где были эпизоды про иностранцев или иностранную жизнь.

В отличие, например, от «Русского сувенира» и «Скворца и лиры», где все «заграничные» персонажи общались между собой на идеальном русском языке, во многих других фильмах «иностранцев» для вящей убедительности заставляли говорить по-иностранному, а для зрителя на приглушенное звучание беседы накладывался закадровый перевод. Прочитать такой перевод поручалось обычно тренированному диктору, и в этом деле каким-то образом сложилась традиция произносить переводной текст излишне ровным, почти механическим голосом.

Вот эту-то традицию и спародировали авторы «Бриллиантовой руки». В некоем средиземноморском городе перед аптекой под вывеской «Apteka Slikanuk» стоят двое — пожилой аптекарь (актёр Григорий Шнигель) и его молодой подручный гангстерского вида (Леонид Каневский). Они говорят на неизвестном наречии (но внимательный читатель узнает в их тарабаршине некоторые слова из европейских языков).

Помощник аптекаря. Интес. Ке ора тель?

Женский голос за кадром (имеет грудной тембр, звучит с нарочито бесстрастной интонацией). Ну где же он?

Аптекарь. Мор бритте! Несо кор.

Голос за кадром. Спокойно. Должен прийти.

Помощник аптекаря. Пурген ласте — шорт побери?

Голос за кадром. Пароль старый — чёрт побери?

Аптекарь. Шорт побери.

Голос за кадром. Чёрт побери.

Помощник аптекаря (нервно). Кен эден райт — жастви Михаил Светлов?

Голос за кадром. А он точно с теплохода «Михаил Светлов»?

Аптекарь. (Его речь неразборчива, так как на неё накладывается «перевод»).

Голос за кадром. Нам сообщили так.

Помощник аптекаря. (Речь неразборчива).

Голос за кадром. Теплоход через час уйдёт.

Аптекарь (срываясь на нервный крик). Айзе! Ла-хе швайзе купадон! Из инте тах мах пинто! Вас нумфо нек нем фуралай нет ча-ча-ча, срукаделло фит!

Голос за кадром (снова звучит после реплики, ровным тоном). Заткнись.

Помощник аптекаря (почти в ярости, с гримасами и жестиком). Порко мадонна ди умбесто! Пер бако кастела ди мембрана схимаринчесарвест итхам дураля!

Голос за кадром. Простите, погорячился.

«Бриллиантовая рука». — Порко мадонна ди умбесто! (Простите, погорячился).

В последних двух репликах этого разговора создается комический эффект обманутого ожидания. Если до определенного момента внимание зрителя сосредоточено на самом действии, то затем оно переключается на «перевод»: то, что зритель видит и воспринимает в поведении персонажей, входит в резкий контраст с тем, что преподносится под видом перевода. Аптекарь и его подручный осыпают друг друга многословными ругательствами, тогда как «переводчик» ограничивается короткими репликами, явно противоречащими сказанному не только по длительности звучания и эмоциональной окраске, но и по ситуативному смыслу.

Позднее мы сталкиваемся с забавными аптекарями еще раз. Поняв, что отдали бриллианты не тому, кому нужно было, они снова вступают в перепалку.

Помощник аптекаря. (Речь неразборчива).

Голос за кадром. Куда ты смотрел, старый осел?

Аптекарь. (Речь неразборчива).

Голос за кадром. Но тот тоже сказал пароль «Черт побери»!

Помощник аптекаря. Шорт побери, шорт побери! Воно саз кусто взн шлак мордюк!

Аптекарь. То кэс кус мордюк таде шлак!

Продолжается ожесточенная перепалка, на которую накладывается реплика диктора: **Дальше следует непереводаемая игра слов с использованием местных идиоматических выражений.**

Здесь Гайдай уже по-другому подтрунил над закадровым переводом, заменив его псевдонаучным комментарием. Конечно, подобные комментарии в реальной практике киноперевода никогда не делались, но то, что перевод был в те времена инструментом сглаживания углов и цензуры, всем было известно.

Фраза диктора стала крылатой. Думаю, что и по сей день благодаря этому фильму далекие от лингвистики люди полагают, будто «идиоматическое выражение» значит что-то очень несприличное.

Как нельзя обращаться с переводчиками

Еще кое-что на интересующую нас тему было и в популярной комедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» (1973). Фраза о переводчиках, прозвучавшая в фильме, тоже стала крылатой. Правда, ею (как и всей сценарной основой) фильм обязан шее Михаилу Афанасьевичу Булгакову, откуда она и перекочевала на экран.

Управляем Иван Васильевич Бунин, разительно похожий на Ивана Грозного (актер Юрий Яковлев), вместе с квартирным вором Жоржем Милославским (Леонид Куравлев) попадает на машине времени в прошлое — в древнюю Русь, меняясь местами с настоящим царём. В прошлом все принимают Буншу за

«Иван Васильевич меняет профессию».

Интурист, хорошо говорит.

— А что он говорит, конкретно?

Кинозал

царя, и ему какое-то время приходится исполнять государевы обязанности, в том числе принимать шведского посла.

Посол. Дер гроссер кениг дес шведишен кёнигсрейх зандте мих, зейнен трейен динер, цу инен, царь и фелики кнезе Иван Василевич Усарусса...

Милославский. Интурист, хорошо говорит!

Бунша. А что он говорит, конкретно?

Милославский. А пёс его знает! *(Обращаясь к дьяку Федыке).* Феденька, надо бы переводчика!

Дьяк. Был у нас толмач-немчин. Ему переводить, а он лыка не вяжет. Мы его в кипятке и сварили.

Милославский. Нельзя так с переводчиками обращаться!

— Нельзя так с переводчиками обращаться!

Здесь я не могу не сделать лирического отступления и не вспомнить ещё один фильм — правда, не советский, а американский. Это фильм «Возвращение джедая» (Return of the Jedi, 1983) режиссёра Дж. Лукаса — одна из серий «Звёздных войн». В нём авторы тоже пошутили на тему о том, как властители обращаются с переводчиками. Джаббе, правителю планеты Татуин, присылают в подарок двух дроидов (роботов). Одного из них, Ситрипио, отправляют на беседу к роботу-«завхозу», чтобы определить, на какую работу его пристроить.

«Завхоз». Отлично, новые поступления! Ты протокольный робот, не так ли?

Ситрипио. В общем, да.

«Завхоз». Сколькими языками владеешь?

Ситрипио. Я свободно владею более чем шестью миллионами форм коммуникации, и могу легко...

«Завхоз» (перебивает). Отлично! А то мы остались без переводчика с тех пор, как хозяин рассердился на последнего и дезинтегрировал его.

Ситрипио (испуганно). Дезинтегрировал?

«Завхоз». Эй, охрана! От этого протокольного

дроида может быть польза. Приделайте к нему болт-ограничитель и отведите в зал для аудиенций его превосходительства.

Итак, если в прошлом правители приказывали варить провинившихся переводчиков в кипятке, то в будущем (если верить «Звёздным войнам») их будут «дезинтегрировать». Методы разные, а отношение всё то же...

Но вернёмся к приключениям Ивана Васильевича. Выяснив, что переводчика нет, Милославский возвращается к Бунше.

Посол (продолжает). ...шведише арме эробрерн хат...

Милославский (Бунше). Отвечай что-нибудь — видишь, человек надывается.

Бунша. Гитлер капут!

В этом эпизоде многие советские зрители смеялись не только над забавным ходом сюжета и яркой игрой актёров (дьяк Федыка — Савелий Крамаров, посол — Сергей Филиппов), но, вероятно, и над собственным плачевным знанием иностранных языков. Проящаясь с послом, Милославский (который в пьесе Булгакова легко отдал шведам Кемскую волость, а в фильме Гайдай, наоборот, проявил патриотизм и не дал сделать этого Бунше) тоже, собрав все свои знания иностранных слов, обнаруживает их скудость:

Милославский. Ну, ауфвидерзеен, гудбай, оревар! Короче говоря, чао!

Будем надеяться, что те, от кого это зависит, учтут совет Жоржа Милославского о том, как нельзя обращаться с переводчиками, даже несмотря на отсутствие в их работе совершенства, а также склонность ряда коллег к зелёному змию.

Но до сих пор мы говорили в основном о том, как помнили переводчиков в комедиях. Конечно, это был поверхностный взгляд на нашу профессию. Неужели никто в нашем кино XX века не показал её с серьёзной стороны? К счастью, это не так. В золотой фонд советского кинематографа входит фильм, где есть не только серьёзные высказывания о переводе, но и главным героем стал талантливый переводчик.

Об этом фильме — в следующей статье.

Как я не переводил Фиделя Кастро

М.А. Загом

Пути синхронных переводчиков неисповедимы. Очень хорошо помню фразу, которую произнес мой преподаватель военного перевода в инъязе. Он рассказывал нам, как ему с переводческой миссией довелось побывать в Египте и Судане (речь шла о его работе в Африке — в те времена военные переводчики были очень востребованы и ездили в страны, которым Советский Союз оказывал военно-консульствагивную помощь). Кто-то из нас спросил: а в Алжире не были? Все-таки, совсем рядом. Но преподаватель ответил: «Нет, это не по моей специальности». Имелось в виду, что, если твой язык перевода — английский, ты можешь работать лишь в странах, где говорят на этом языке. Но то было, как говорится, при коммунизме, когда и работы у переводчиков было меньше, и рынок был другой, да и сами эти хорошие синхронисты были наперечет. А сейчас, в эпоху глобализации, во времена симпозиумов и конференций по всему земному шару, удается иногда попасть в места ну уж совсем экзотические. Например, в этом году мне — извините за клише — посчастливилось побывать на Кубе.

В молодые годы один из моих близких друзей — испанских переводчиков — прожил на Кубе несколько лет, и его впечатления остались у меня в памяти. Океан, солнце, знойные кубинки, небогатая, но веселая жизнь — примерно так. Наверное, для него это были лучшие годы жизни.

И вот теперь туда предстояло поехать мне — на крупный симпозиум под названием

«Диалог цивилизаций». Рабочих языков было три: испанский, английский и русский, причем, несущим, для разнообразия, был испанский, потому что симпозиум был посвящен проблемам Латинской Америки. Это означало, что основная нагрузка выпадала на испанских переводчиков — большинство ораторов представляли страны Латинской Америки. — а мы, «англичане», могли слегка расслабиться. Это, конечно, шутка, но обычно на международных мероприятиях основной язык — английский, а в данном случае мы переводили «через пилота», то есть наши коллеги-испанцы укрощали говорливых латиноамериканцев и перелагали их речь на русский, а мы — английские переводчики — уже с этого русского пытались воссоздать оригинал на английском. Достаточно обычная переводческая практика, но особенность заключалась в том, что нашим испанским коллегам пришлось несладко: ведь латиноамериканцы — народ горячий, трещат без умолку, и им, вне всякого сомнения, невдомек, что их кто-то куда-то переводит. В этом смысле идея «диалога цивилизаций» очень показательна: люди хотят вести диалог, но превращают его в невнятный монолог и совершенно не заботятся о том, в каком виде их мысли дойдут до получателя. И дойдут ли в принципе.

(В качестве лирического отступления на заданную тему: на предыдущем «Диалоге цивилизаций», в Греции, произошел интересный случай. Рабочих языков было тоже три: английский, русский и греческий. Хочешь

Cum grano salis

выступить — говори на одном из них. Казалось бы, чего проще? Но вот на трибуну вышел человек, представлявший нечто респектабельное: то ли Сорбоннский университет, то ли Женевский, точно не помню — и сказал примерно следующее: “Dear friends, I have to apologize, but I am going to make my presentation in French” — и после этого перешел на французский! И читал свою речь не менее пятнадцати минут при полном непонимании со стороны аудитории. Переводчик в англо-русской кабине — это был я, — взял секунду на размышление, просто выключил микрофон и стал отдыхать. А что мне оставалось делать? Он говорил на хорошем французском, и я мог бы это перевести, но вот на какой язык? На русский? А как тогда быть с англоговорящей аудиторией? На английский? И того хуже. Но этот пример говорит о том, как люди, казалось бы, грамотные и образованные, могут с пренебрежением относиться к получателю предлагаемой ими информации. Получит — хорошо, не получит — ну и ладно, его проблемы. Главное — на симпозиуме я выступил, мысли свои изложил, галочку можно поставить.)

Еще одна интересная деталь: найти в Москве шесть испанских синхронистов оказалось делом чрезвычайно сложным. Конечно, испанский язык у нас преподают, и люди, знающие испанский язык, в стране есть, но синхронисты... Как известно, это особый навык, и, если ты не синхронист более или менее регулярно, навык этот пропадает. А чтобы его приобрести заново, надо, опять-таки, постоянно практиковаться. Вот и получается, что ныне испанские синхронисты в России — это товар совершенно штучный, эксклюзивный, все они в свое время прошли серьезную переводческую школу на той же Кубе, с которой мы, как известно, до начала перестройки активно дружили. А потом перестали, и — «прощай мечта жить от сахарного тростника», как изящно передал мысль Фиделя Кастро его испано-русский переводчик. Постепенно отпала и потребность в переводчиках. А у нового поколения российских переводчиков-испанистов просто нет практики

синхрона, потому что на немногих мероприятиях, где испанский синхрон все-таки требуется, работают все те же четыре-шесть человек, получивших отличную профессиональную закалку еще в советские времена.

И для них эта поездка была встречей с молодостью — все они бывали на Кубе раньше, 20–25 лет назад. К сожалению, по их же рассказам, там мало что изменилось. Архитектура красивая, но слегка постаревшая, следов жилищного строительства я не обнаружил; по Гаване сдвиг выдраенные до блеска «крайслеры» и «кадиллаки» лет эдак пятидесяти от роду, а также наши родные «лады», тоже далеко не первой молодости: не видно крупных магазинов, начисто отсутствует реклама. В продаже гаванские сигары, ром, черный коралл, а также бесчисленные майки с изображением Че Гевары (видимо, себя Фидель Кастро таким образом увековечивать не разрешает). А в Варалеро, где проходил наш симпозиум (это курортная зона в 180 км от Гаваны), есть все необходимое для цивилизованного отдыха, приличные гостиницы и питание — но туда закрыт доступ гражданам Кубы. Короче говоря, во всем этом увиделось что-то до боли знакомое — с той лишь разницей, что на Кубе ярко светит солнце, играет музыка, а народ, несмотря ни на что, любит веселиться.

На открытии форума меня поразила работа одного из наших испанских переводчиков — преподавателя нуньяса Юрия Романова. Обычно переводить на открытии — дело не сложное, хотя и не очень приятное: стоишь у микрофона в стороне от оратора и не всегда слышишь, что он говорит, а участники на зеленой лужайке при этом попивают коктейли и закусывают экзотическими фруктами. Открытие длится минут сорок, но в данном случае, с учетом латиноамериканского фактора, возникли дополнительные сложности. А именно: скорость речи и предание полному забвению переводчика, который переводил последовательно. Помимо официальных лиц с российской и кубинской стороны, выполнивших свою задачу более или менее традиционно, слово также получил какой-то писа-

тель из Мексики. Я в этот момент стоял со своим ананасовым соком неподалеку и нутром почувял, что сейчас коллеге придется нелегко. Писатель по бумажке начал читать подготовленный текст и остановился не раньше, чем выдал предложений шесть-семь, а то и больше. Юрий, стоявший немного в стороне, спокойно слушал писателя, не пытаясь что-то записать или как-то иначе повлиять на происходящее. Когда пришло время переводить, он выдал совершенно блестящий, литературно обработанный (в пределах возможного) текст, который я бы не назвал простым. После этого история повторилась — писатель снова зачитал большой — большой! — пассаж, а Юрий снова оказался на высоте. Я понял, что являюсь свидетелем чего-то необычного, и подозревал коллегу, бродивших по лужайке с коктейлем в руках — мол, послушайте, такое услышишь нечасто. Писатель, между тем, совершенно не сокращая периоды своих пассажей, стал рассказывать о вещах уже совсем сложных: о каком-то полуавтономном племени на границе Мексики, которое не желает признавать правительство и живет по своим законам. При этом назывались имена, географические названия и даты, лично мне совершенно не известные. Юрий с олимпийским спокойствием стоял и слушал. А потом переводил — четко, внятно, с красочными эпитетами, и выглядело это более чем достойно. Когда эта попытка закончилась, я подошел поздравить коллегу с блестящей работой и спросил его: Юра, как ты мог все это удержать в голове? Он ответил, что секрет достаточно прост: он хорошо знает проблемы Латинской Америки, в том числе и те, о которых шла речь в выступлении писателя, а уж история с мексиканским племенем ему и вовсе хорошо известна. Таким образом, с темой выступления он был знаком, оставалось лишь самое легкое — переводить. Я по достоинству оценил скромность коллеги, потому что проявленная им виртуозность была выше всяких похвал, а сам при этом подумал: как все-таки важно знать и понимать то, что ты переводишь, сам предмет перевода. Разумеется, это относится не только к политике, а ко всем сферам человеческой деятельности: экономи-

ка, банки, нефть, здравоохранение и так далее до бесконечности. Не будешь в курсе — обязательно раньше или позже вляпашься.

Теперь непосредственно о том, ради чего, собственно говоря, я и взялся написать эти заметки. На закрытие форума, которое должно было состояться в Гаване, пригласили Фиделя Кастро. Что ни говори, для переводчика это — событие исторического масштаба. Как-никак, глава государства, да еще какой. Правда, его приезд только предполагался, но все-таки... В принципе, сама работа не должна была представлять сложности — благодарственные речи, пожелания встретиться вновь и тому подобное. Как и в случае с открытием, всех дел на час или чуть больше. Потом — банкет. Работать должны были два испанских и два английских переводчика-синхрониста. Во дворец конгрессов мы приехали с легким волнением, предвкушая интересную и ответственную работу, но нас ждало разочарование. Как в известной истории, нам предложили две новости. Хорошая заключалась в том, что Фидель точно придет. А плохая — что переводить его будут местные переводчики. Впрочем, тут же философски подумали мы, а такая ли она шухоя, эта новость? В конце концов, на Кубе есть свой госдепартамент, свой МИД — с какой, собственно говоря, стати, главу государства у себя дома должны переводить иностранцы? Ведь есть же свои, проверенные товарищи... Вот пусть и переводят. А мы отдохнем.

Фиделя Кастро, как в добрые коммунистические времена, зал встретил бурными и продолжительными аплодисментами. Я сидел достаточно близко от президиума и видел, что Фидель — человек в высшей степени энергичный, живой, с подвижной мимикой, полностью ориентирующийся на местности и отнюдь не старый. Между тем, ему 78 лет. Во всем его облике чувствовалась какая-то гипнотическая сила. Он занял свое место в президиуме — и церемония закрытия форума началась.

У нас возникла достаточно редкая возможность послушать, как работают зарубежные коллеги. К большому сожалению, их перевод оставлял желать лучшего. Работало две

Cum grano salis

кабины: с испанского на английский и с испанского на русский. С английским переводчики более или менее справлялись, но с русским — просто беда. Этот перевод был хорошей иллюстрацией основного принципа — переводить надо на родной язык. Иначе страдает упаковка, страдает вид, в каком ты преподносишь свой продукт. Падежи, управление, ошибки в родах и наклонениях, неверное использование глаголов — это был настоящий букет, и лично мне стало просто не по себе: неужели и мы, когда переводим на неродной английский, звучим точно так же?

Наверное, все-таки нет, подумал я, школа перевода у нас куда сильнее. Память тут же подбросила пример. Пару лет назад, находясь где-то за границей, я по CNN наблюдал пресс-конференцию министров иностранных дел Великобритании и России Строуба и Иванова. Выглядело это следующим образом: когда говорил Иванов, его для телезрителей синхронно переводил переводчик CNN, который заканчивал говорить почти вместе с Ивановым, после чего шел последовательный перевод, и это уже был наш мидовец, который стоял рядом с министром и переводил для окружающих. К сожалению, он не был в кадре, и я не знаю, кто он, но перевод был блестящий и заметно отличался в лучшую сторону от певнятной скороговорки английского синхрониста с телевидения. Думаю, эта разница была слышна всем, кто наблюдал за этой пресс-конференцией по телевизору. Увы, английский переводчик не все понимал, хотя ничего загадочного, с точки зрения перевода, Иванов не говорил. И некоторые нюансы из речи нашего министра в переводе ускользали. Но это были цветочки, а ягодки (переводческие) начались, когда заговорил Строуб, и его для Иванова стал последовательно переводить коллега из английского МИДа. Это было нечто. Как раз все то, о чем я только что написал применительно к кубинским переводчикам, а в итоге — полная каша. К чести Иванова (выпускника инъяза) надо сказать, что он оставался абсолютно бесстрастным и никак не выражал своего отношения к переводу, терпеливо ждал, пока

переводчик отмучается, а потом начинал отвечать. Скажу честно, я тогда был поражен: чтобы на самом высоком уровне перевод так хромал! И вот теперь, на Кубе, я столкнулся с тем же самым явлением.

Самое интересное началось, когда слово взял Фидель Кастро. Собственно, по протоколу ему полагалось говорить минут 15–20, после чего гостей ждал банкет и неформальное общение. Но великий и ужасный бородач говорил — внимание! — ровно 3 часа, а потом еще полтора часа отвечал на вопросы. Уже само это является свидетельством его отменного здоровья. Ему даже не потребовалось за все это время выйти из зала, чего не скажешь об аудитории. Но в принципе Фидель народ загипнотизировал, и участники форума вскоре смирились с тем, что он будет говорить долго. Он продемонстрировал поразительную остроту ума, энергию, жесткую уверенность, обширную эрудицию и чувство юмора.

Но, разумеется, подлинные муки выпали на долю кубинских переводчиков. Я не знаю испанского, но было ясно, что переводчики из всех сил стараются ничего не упустить из мыслей Фиделя, и, конечно же, понять эти мысли в их переводе было можно, но объем ошибок (в малой степени смысловых) был ужасающим. В какой-то момент я понял, что это надо записывать, достал блокнот и взялся за дело. Хочу сказать, что к коллегам из любой страны я отношусь с большим уважением, и курьезные примеры, которые я собираюсь привести, скорее, важны концептуально: вот что может получиться, если ты давно не практикуешь и, по сути дела, подзабыл язык. Когда-то, во времена дружественных отношений между нашими странами, кубинские коллеги явно учились в России, активно и наверняка неплохо работали. Но, как известно, в начале 1990-х годов наши отношения заметно испортились — соответственно, и у переводчиков работы поубавилось. Вот и в ходе нашего форума речь шла о том, что пора реанимировать экономические контакты между Россией и Кубой. Чтобы быть хорошим переводчиком, надо иметь возможность переводить, а часто ли кубинским синхрони-

стам доводится выступать перед русскоязычной аудиторией?

Тут надо сказать, что российские переводчики, которые проработали в напряженном режиме весь форум, были поставлены в куда более тяжелые условия, чем переводчики Фиделя. Дело в том, что на форуме очень многие ораторы в пулеметном темпе зачитывали свои доклады, Фидель же ничего не читал, он просто говорил, отсюда и удобное для переводчика построение фразы. Трудность заключалась в другом: Фидель говорил обо всем на свете, то и дело отступая от темы, совершая экскурсы в историю. То ему требовался Наполеон с островом Корсикой, то посланец, пробежавший дистанцию между Фермопилами и Марафоном, которая в итоге стала называться марафонской, то вдруг термостаты в холодильнике, и так далее. Разумеется, тут надо было быть пачеку, но переводчики первого лица страны должны к таким неожиданностям быть подготовлены. Сидевший рядом со мной испанский синхронист Саша Казачков с разочарованием в голосе сказал: жаль, что его переводим не мы, из этой речи можно было бы сделать такую конфетку! Действительно, на фоне кубинских коллег наши синхронисты смотрелись бравыми молодцами, хотя они всего лишь работали так, как предполагается. А все дело в том, что на Кубе — закрытый режим, и их переводчики не ездят в Россию или ездят крайне редко. Соответственно, они уже не знают наших реалий, а язык утратили. В итоге приходится с чувством неловкости за коллег слушать следующее:

«цивилизировать»

«религиозные предприниматели»

«броненосные дивизии»

«Юлий Кесарь»

«как трудно было за небольшое количество часов противостоять врагу» (речь шла о Брестской крепости)

«островок рядом с могущим соседом»

«поставили перед собой целью, что никто нас не застанет неожиданно»

«даже когда нас угрожали опасность»

«искатель» — так был охарактеризован норвежский путешественник Тур Хейердал

«нужно обратиться к Богу и к шовинизму» — в данном случае трудно понять, что имел в виду Фидель

«мир начал глобализировать эгоизм»

«рабство приходит из примитивных времен»

«я испытываю отвержение»

«каждый имеет свою форму реагировать»

«вдохновительные слова»

«наш уважаемый посетитель» — речь шла о почетном госте

«мне в голову пришла очень недавняя вещь» — наверное, мне только что пришла в голову интересная мысль?

«я не претендую сравниваться с кем-нибудь»

«этот остров испытывал столько клевет»

«длительный ход короткой истории выживания человечества находится в опасности»

«у нас сейчас самая высокая засуха»

«я услышал, как громило» — загремел гром

«была маленькая дождь» — дождь по-испански — женского рода

«мы создаем срочное использование трубы» — речь о нефтепроводе для использования в экстренных ситуациях

«мне надо маневрировать, чтобы их заблудить» — сбить с толку противников, которые готовят покушение на Фиделя (их было более 600, эта цифра упоминалась в речи)

«те риски, которые нам угрожали более 30 лет».

Когда все закончилось, ко мне подошла одна из наших журналисток и спросила: неужели Фидель действительно так плохо говорил? Я удивился: откуда такой вопрос? Разве вы не видели его на трибуне, разве не ясно даже без знания языка, что он говорил хорошо? Журналистка мне ответила: но мы же слышали, как это звучало в переводе! Я объяснил ей всю ситуацию, а сам подумал: до чего же удивительна и сложна работа переводчика и как мало люди о ней знают, если у них возникают такие вопросы! И еще: насколько уязвима наша профессия, насколько легко попасть впросак, вляпаться, когда тебя слушает целый зал, а ты — по разным причинам — оказываешься не вполне адекватен.

Жанром по гендеру

В.Д. Карболкин

Давным-давно, до девяностых годов прошлого века, никакого, извините за выражение, *гендера* у нас не было. А что было вместо него? Ничего не было. В стародавние досоветские времена был *женский вопрос*, а ещё раньше — *бабья доля*. Советская власть названный вопрос успешно ликвидировала, а все доли забрала себе. Различия между полами она, правда, ликвидировать не смогла, но старалась не обращать на них внимания. Поэтому *половой вопрос* у нас поднимали только с мыслью о том, стоит ли старый пол циклевать или лучше настелить новый.

Но самое интересное, что и «у них там» гендера до недавнего времени тоже не было. Слово *gender* по-английски означало только «грамматический род». Французское *genre* употреблялось либо как грамматический термин, либо в значениях «род; способ; жанр».

Да вот, взять хотя бы «Британнику». Там и сегодня, по крайней мере в имеющейся у меня электронной версии 2003 года, слово *gender* выдаётся по поиску только в статьях по грамматике, а никак не в социально-половом значении. Спасибо тебе, «Британника», за то, что своей устарелостью ты помогаешь мне оправдать моё прошлое невежество.

Переводчики не любят рассказывать о своих ляпах, но я, так и быть, выйду на площадь, поклонюсь на четыре стороны и покажусь коленопреклоненно перед честным народом: грешен, люди добрые! Переврал я этот *gender*, прости Господи, когда в первый раз столкнулся с придуманным для него девушками значением.

В начале девяностых позвали меня поработать переводчиком к одной учёной американской даме, приехавшей в Москву. А она, представляясь какому-то высокому нашему чиновнику, заявила, что является экспертом по «gender issues». Я чётко услышал этот *gender*, но сказать, что дама — эксперт по вопросам *грамматического рода*, в английском языке отсутствующего (а других языков эта дама не знала), было бы как-то несуразно. Что-то

говорить надо, а *gender* созвучно с *general*, вот я и «перевёл»: «эксперт по общим вопросам». Думаю: если придерутся, сделаю вид, что плохо расслышал. Клиенты скушали, а из рассказов дамы скоро стало ясно, за что она у себя в Америке докторскую степень получила, — там уж я выкрутился. Но всё равно потом ночью плохо спал, ворочался с боку на бок, переживал свою темноту.

А ещё какое-то время спустя уже целая группа американских дам взялась просвещать русских женщин по поводу гендера, о котором те, бедные, раньше и не догадывались. Устроили конференцию с синхронном. Предварительно главная дама спросила меня пронзительным назальным голосом: «А вы-то сами знаете, что такое *gender issue*? Только не вздумайте переводить как “женский вопрос”!».

На сей раз я уже был подкован и знал, что, когда собирается много женщин, чтобы поговорить про *gender*, то они, конечно, не столько за себя радуют, сколько за мужчин, этих повиннистических свинтусов (*male chauvinist pigs*), которых нужно воспитывать в правильном духе. Вот только с русским эквивалентом всё равно ощущались сложности: ни *пол*, ни *род* в большинстве сочетаний не звучат. Вместе с другими переводчиками мы поломали голову, но ничего лучше не придумали, чем длинные описательные обороты типа *проблемы равенства мужчин и женщин* с контекстуальными вариациями. Так и пропереводили всю конференцию, мучаясь над тем, как бы поудачнее вернуть в каждый контекст далёкие от лаконизма фигуры речи.

И вот тут я хочу воспеть хвалу тем, кто меньше думает и голову не ломает! Нашлись такие чудесные люди, кто придумал это замечательное русское слово *гендер*! А что? Примерно в те же годы вошли в нашу жизнь и другие похожие слова — *блендер* (это который женщинам часто в подарок покупают, чтобы напомнить, что их место — на кухне) и *тендер* (не тот, который при паровозе, а тот, в кото-

ром на один контракт претендует несколько фирм, несмотря на то что заранее знают, что контракт достанется жене градоначальника). И *gender* ничем не хуже, а даже лучше: от него не такое уж и безобразное прилагательное образуется — *гендерный*.

В общем, слово потихонечку устаканилось. Сколько головной боли оно сняло с русских переводчиков! Зато у наших франкоязычных коллег забот с английским *gender* хоть отбавляй.

Поначалу казалось, что и им помощь пришла. Дело в том, что французские феминистки созвали в феврале 2000 года крупную женскую конференцию. Обсуждая главную тему, многие участницы решили не усложнять себе жизнь и уложили французский термин для обозначения грамматического рода на то же прокрустово ложе, куда американки когда-то уложили свой. И на этом прокрустовом ложе учинили над ним, простите, групповое насилие. Другими словами, стали использовать слово *genre* в значении английского *gender*.

Франкоговорящие мужчины, услышав это нововведение, удивились: как же так, твердят о равенстве прав обоих полов, а согласовать с противоположным полом свои нововведения в язык не удосужились. И решили действовать через лингвистов.

После женской конференции в Люксембурге некоторые правительства франкоговорящих стран обратились к так называемому Межправительственному агентству по франкофонии (l'Agence intergouvernementale de la francophonie) с просьбой упорядочить терминологию, относящуюся к правам женщин и мужчин. Агентство организовало исследование и установило, что слово *genre* уже широко используется в значении английского *gender* и в средствах массовой информации, и даже в официальных документах. В конце 2002 года эксперты вынесли заключение, что такая практика есть нарушение норм французского языка. Употребление существительного *genre*, прилагательного *genré* и производных от них по образцу английского *gender* было признано неприемлемым.

Но увы, какой-то единой замены этому термину агентство не предложило, а рекомендовало переводчикам отталкиваться от словосочетаний *hommes et femmes*, *hommes ou femmes*, *hommes-femmes*, *masculin et féminin* и т.п., а кое-где от слова *sexe* и его производных. Было даже конкретно показано, как

это делать, на примере перевода некоторых английских выражений:

<i>gender equality</i>	– <i>égalité entre hommes et femmes</i> ;
<i>gender awareness</i>	– <i>prise en compte des spécificités des hommes et des femmes</i> ;
<i>gender bias</i>	– <i>sexism; préjugés sexistes</i> ;
<i>gender disparities</i>	– <i>discriminations fondées sur le sexe, disparités entre les sexes</i> .

Часть французских переводчиков, вдохновленная рекомендацией отталкиваться от слова *sexe*, вышла было на публику с новым вариантом соответствия для пресловутого *gender* – словом *sexospecificité* (что-то вроде «полоспецифики»). Этот неологизм дружно подхватили международные организации. Однако данная стихийная инициатива была оперативно пресечена.

Французская Генеральная комиссия по терминологии и неологизмам (la Commission generale de terminologie et de néologie) в 2004 году осудила применение этого слова, особенно в работе государственных органов.

Так что во французском языке официально одобренного единообразного соответствия английскому *gender* как не было, так и нет. Франкоязычным переводчикам предложено изощряться на поле описательного перевода, и они осуждены мучиться так же, как мучилась мы с коллегами на том феминистском синхроне.

Меня охватывают двойственные чувства. С одной стороны, я от всей души сочувствую тем, кто борется с засорением и русского, и французского языков кальками с английского. Но, с другой стороны, феминизм живёт и побеждает. Вон уже соседи-испанцы сдались и присвоили соответствующее значение слову *género*. Так что чует моё сердце, и французам глухая оборона от гендера не поможет.

И как мы сдались гендеру, так и они, скорее всего, рано или поздно сдадутся *жанру*. Впрочем, поживём – увидим. А пока посмотрите на врезке на 3-ей странице обложки примеры того, как нашим коллегам приходится изощряться под бдительным оком французских комиссий.

New Insights into Teaching Interpretation

by Lynn Visson

While a teacher of interpretation may comment on a student's sight translation of a text, or put on earphones to listen carefully to a trainee struggling with a tape, relatively few teachers have engaged in a truly in-depth analysis of the «why» and «wherefore» of the teaching and learning process. The contents of a new book by an experienced United Nations interpreter, James Nolan, *Interpretation: Techniques and Exercises* (Clevedon Buffalo Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2005), the fruit of decades of analysis and experience, provide a wealth of material for both students and teachers.

Bilingual in Spanish and English and fluent in French, Nolan is also familiar with German and Russian, has worked as both a translator and an interpreter, and has earned a law degree. As a lawyer, he is well aware of the importance of the interpreter's proper use of his native language, and of the significance of advocacy (a word that translates very badly into Russian!) in interpretation. After all, a speaker is usually trying to convince his audience of *something* – be it positive, negative, ironic, humorous, comic or tragic, or the truth or falsity of an argument, proposal, experiment, bill, resolution, scientific paper or whatever. Otherwise, why would he be taking the floor? For this reason the budding interpreter stands to gain by listening to professional «advocates» – statesmen, politicians, radio and television commentators.

A useful way for a budding interpreter to see the «advocacy» process in action is for him to write a text himself – in his native language. The student can take a stand defending or opposing a given issue, building his arguments from the

starting premise to a logical conclusion. Seeing the structure of a text in this way «from the inside» helps to analyze the words, parts of speech and phrases that form the building blocks of sentences. Once the student is satisfied with his text he can record it onto a cassette and listen critically to his voice quality, tone, intonation and speed, and then do the same thing as he interprets his text into one of his working languages.

The most «neutral» sentence can be uttered with emphasis, stress, intonation and pauses that convey a huge range of emotions and feelings. For example, Nolan suggests taking a phrase such as «The bus is on the corner» and reading it out into a tape recorder in ways that express anger, satisfaction, frustration, puzzlement and skepticism. Or try doing «I have bought the newspaper» in an apologetic, amused, solemn, cheery or weary manner. It's harder than you think – and also a very rewarding exercise!

As interpreters know all too well, the majority of the sentences «fed» to them by speakers are far more complex than «The bus is on the corner.» What is the interpreter to do when a French sentence starts with «Que» or «Si?» «Si» can mean «if» or «although» in English. Or if an English sentence starts with «Since?» That word can mean «from the time when» – «Since he left I've been very busy,» or «Due to the fact that» – «Since that's the way you feel, I have nothing more to say.» Omitting the conjunction or replacing it with «and» can provide a convenient solution: «He left, and I've been very busy;» «That's the way you feel, and I have nothing more to say.»

The greater the interpreter's awareness of the components of language and discourse, the richer

his options. Idioms, similes, metaphors, hyperbole, metonymy, synecdoche, oxymorons and apostrophe are all figures of speech and tropes that are part and parcel of language use. But how many interpreters have given much thought to paronomasia or puns, – the juxtaposition of two words with similar sound or spelling, but different meaning? Take an English sentence such as “Show me an unemployed movie star and I’ll show you a movie idle.” The word play between “idol» as in “movie idol» and “idle» as in “without work, without an occupation, doing nothing” illustrates the kind of problem interpreters encounter in real life. It is not so easy to distinguish between the kinds of puns for which a reasonable interpretation can be found, and those, which require the interpreter to say that the speaker’s *узна слов* does not have a direct equivalent in another language. How many interpreters are familiar with the term “bromide” – an epigram that has become trite or stale from overuse? Or have thought about the concept of an apothegm, a short, pithy saying such as “If you must lie, be brief?” Stretching one’s mind and wrapping one’s tongue around such figures of speech are excellent exercises for the student interpreter. And rather than shuddering in fear when the speaker says “We have a proverb...” or “As we say in my country,” the interpreter can counter with “We have a saying to the effect that...” which gives him plenty of wriggle room and allows for a free rendition of a tricky proverb or saying.

Then there is the category of “untranslatables” – words that allegedly “cannot be translated” into one or another language. Nolan succinctly points out that “‘untranslatability’ is primarily due to the inherent features of cultures and languages, not to the individual abilities of the translator or the limitations of the craft.” The vocabulary of a given language may limit what we can say about the world around us, but not necessarily whether we can perceive it. The interpreter needs to find a way of getting the idea across rather than trying to find a specific equivalent in the target language. For example, in French “faire l’amalgame” means to create deliberate confusion by mixing up things that should be treated differently. In English this can be rendered as “mixing apples and oranges” or as a “patchwork” or “hodgepodge.” The English word

“amalgam” here is a “false friend” of the French expression.

One of the biggest traps awaiting the interpreter is that of “register” or “diction” – the emotive resonance of a word, its stylistic level, the associations it brings to the listener’s minds, the effect it has on contiguous words in a sentence. The failure to strike the right note, the use of an overly formal or colloquial word or phrase more than anything else betrays the interpreter’s poor knowledge of the target language – or that fact that he is not a native speaker. Nolan provides a wealth of synonyms for various expressions and idioms, as well as examples of variations in “formal” and “informal” language. A seemingly simple sentence conveying the information that a war resulted in the death of 5000 people can be expressed in at least nine different ways, ranging from the informal to highly formal:

- The war killed off 5000 people.
- The war killed 5000 people.
- 5000 people died in the war.
- The war wiped out 5000 people.
- The war claimed 5000 lives.
- The war took a toll of 5000 lives.
- The war decimated 5000 people.
- The fatalities in the war totaled 5000.
- In the wake of the war, 5000 people lay dead.

If he is to properly reflect the speaker’s intent, in choosing the proper word the interpreter needs pay close attention to register and tone. For example, a “dishonest deal” can be rendered in quite a few ways: it can be described as a swindle/scam/fraud/mockery/charade/scheme/travesty.

A warning that trouble lies ahead could be a heads-up/wake-up call/red light/warning sign/alarm/alarum/tocsin.

And plain old *чепуха* can be rendered in English as rot/baloney/poppycock/bilge/twaddle/balderdash/nonsense/rubbish/gobbledygook.

So, too, the process of *сходить с ума* could be translated as to go nuts/to go bananas/to lose it/to have bats in one’s belfry/to go crazy/to go mad/to run amok/to take leave of one’s senses.

In a formal address a political official may suggest that his opponent/adversary/enemy has taken leave of his senses, but is unlikely to say

“he’s gone bananas,” while an angry baseball player may ask whether the umpire has “gone nuts” but it is highly unlikely that he will suggest that the gentleman “has bats in his belfry.”

The dozens of examples of such synonyms and exercises in register and style that Nolan provides in his book are precisely the kinds of things interpreters should be thinking about. Noting down a new word is not enough. The interpreter must mull over the term, try to fit it into a linguistic-stylistic context, and determine how and when the words or expression can best be used. All too often the interpreter working into a foreign language is tempted to “show off” his fluency by using excessively colloquial language, e.g. by saying “Why is he gonna do this?” or by taking an excessively formal tone: “I wish to express my gratitude,” instead of “Thank you.”

The question of synonyms and of expanding basic vocabulary, as Nolan points out, has become particularly important in economic discourse. While the interpreter has no choice but to memorize technical economic terms, the language

of economics — particularly as reflected in the world press — has become increasingly descriptive. Images or figures of speech may be based on mechanistic analogies — e.g., a market may “soar” or “skyrocket,” or on organic analogies — that market may “thrive” or “flourish.” Here, too, the interpreter must pay attention to stylistic register. Prices may decline, slump or rise; the stock market may bust, hold steady or inch up; descriptions of a downward trend may include words as varied as deteriorate, plummet, collapse, implode, slide, peter out, lose ground or nosedive, while an upward trend may gain momentum, boom, soar, expand, strengthen, gain ground, forge ahead or surge ahead. The greater the interpreter’s range of options, the closer he is likely to come to an accurate rendition, and the less likely he is to put his listeners to sleep.

Nolan’s treatment of many other topics, including suggestions for coping with humor, numerals, Latinisms and notetaking techniques, should all prove extremely valuable for both students and teachers of interpretation.

☛ Со стр. 54

За переводчиками следит и губернатор Петербурга

По материалам статьи Е. Григорьевой «Путин с коллегами очистили Балтику» («Известия», 23.09.2005)

Финский президент Тарью Халонен и шведский премьер Йоран Перссон приехали в Санкт-Петербург на открытие Юго-Западных очистных сооружений. Они прибыли на машинах, а президент Путин вместе с губернатором Валентиной Матвиенко — на вертолёте. Всех четверых провели в диспетчерскую с панорамным видом на отстойники.

Путин напомнил, что для полной очистки городских вод нужно ещё достроить северный коллектор. Матвиенко отrapоровала: «Благодаря Владимиру Владимировичу **400 миллионов**, необходимые на эти цели, заложены в бюджете».

Из-за переводчика, решившего, что речь идёт о **миллионах долларов**, масштаб этой помощи чуть было не оказался искажён. Матвиенко бросилась поправлять переводчика:

“**Not dollars! Not dollars!**” — почти закричала она. И добавила с каким-то напряжённым смехом: “Unfortunately roubles!” («Увы, рублей!»).

С именем – Иван, без имени – болван

И.И. Убин

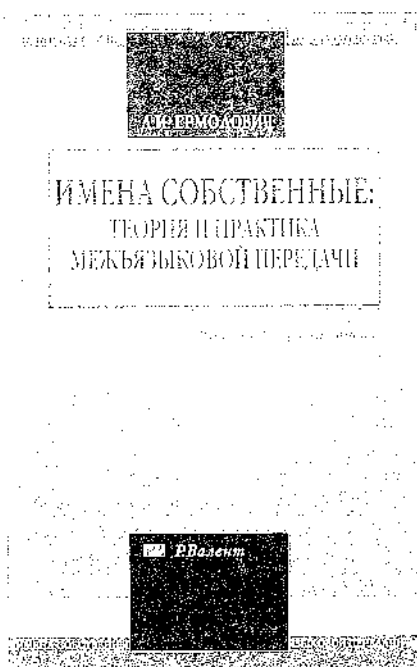
Уважаемый читатель, рекомендую тебе интересную и своевременную книгу. Она пригодится самому широкому кругу людей, связанных с переводом, написанием и оформлением документов. Имена собственные окружают нас повсюду – дома, в транспорте, на работе, в магазине, в театре и кино. С ними мы сталкиваемся, читая газеты и книги, отчеты и письма на бумаге и в электронном виде. Эти сферы жизни человека можно перечислять практически до бесконечности. Сложнее найти ту область деятельности человека, где имена собственные не встречаются совсем или же не играют существенной роли.

Впечатляет широта охвата материала, анализируемого в этой работе. Книга посвящена не только личным именам и фамилиям людей, но именам собственным в широком понимании этого термина. К ним, кроме антропонимов, относятся также прозвища, толонимы, наименования организаций, товарные знаки, названия ас-

трономических объектов, клички животных, имена сказочных персонажей и многие другие категории лексики.

Актуальность этой книги становится совершенно очевидной, если мы взглянем на самих себя и на ту обстановку, которая нас окружает. С течением времени у каждого из нас постепенно накапливается много самых разных документов – свидетельство о рождении, несколько документов об образовании, свидетельство о браке, у некоторых свидетельство о разводе и другие документы, в которых зафиксированы наши имена и фамилии, имена наших родителей и детей, адреса, названия различных учреждений и организаций. Мы даже не задумываемся, как много имён собственных в наших документах, пока нам не придется их переводить.

Наше время отличается стремительным темпом жизни и мобильностью населения. Мы все куда-то едем – за рубеж на отдых, учебу, лечение, работу. К нам едут со всего мира. В одной только Москве более двух миллионов гостей из стран ближнего и дальнего зарубежья, и у каждого свой комплект документов и свои

Ермолович Д.И.

Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. – М.: Р. Валент, 2005. – 416 с. (Библиотека лингвиста)

проблемы с передачей имён собственных, а Москва — это далеко не вся Россия. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что имена собственные в широком понимании этого термина — одна из самых серьёзных, но, к сожалению, недооценённых переводческих проблем. Тысячи переводчиков, журналистов, людей других специальностей сталкиваются с этой проблемой каждодневно и решают их каждый по-своему, поскольку у нас нет еще ни надежных ономастических словарей, ни общепринятых инструкций для передачи имён собственных на другой язык, ни учебников по этой проблеме.

Автор справедливо замечает, что в этой области царит самодельность, особенно на уровне компаний и организаций. От себя добавлю, что на уровне государственных служб, сталкивающихся с необходимостью решения этой проблемы, ситуация примерно такая же. В нашей средней и высшей школе, даже в вузах, готовящих переводчиков, свойства и принципы передачи имён собственных изучаются крайне слабо. Дело усугубляется еще и тем, что в сферу межъязыковой коммуникации хлынули тысячи практиков, нигде не учившихся ни переводу, ни работе с языковыми материалами. В частности, переводчиков с языков стран СНГ у нас в стране ранее не готовили, да и сегодня практически не готовят. А ведь при работе с этими языками в последнее время возникли серьёзные проблемы, связанные с уменьшением роли русификации в документах граждан стран СНГ.

В этой книге автор дает ответы на многие затронутые выше проблемы, при этом он стремится дать в руки переводчика действенный инструмент для практического решения проблем передачи имён собственных. Особенно следует отметить таблицы правил регулярной практической передачи иноязычных собственных имён для двадцати шести европейских и восточных языков, включая китайский, японский, корейский и турецкий языки. Эти таблицы имеют большую ценность в первую очередь для переводчиков юридической, деловой и другой нехудожественной литературы и документации, которые, как пра-

вило, работают в жёстких временных рамках и остро нуждаются в готовых практических решениях своих проблем.

Большой интерес вызывает новая система транслитерации кириллицы (русский язык) буквами латинского алфавита. Предложенные Д.И. Ермоловичем правила можно рекомендовать — после обсуждения и практического использования в работе переводческих структур — как основу для принятия единого общегосударственного документа, регламентирующего передачу имён собственных с латиницы на кириллицу и обратно.

В теории перевода пока отсутствует сколько-нибудь детальная система принципов и приоритетов, позволяющих объективно взвешивать значимость всех элементов формы и содержания имён собственных в реальных контекстах и строить соответствия для них на основе более-менее упорядоченных критериев. Поэтому автор стремится вооружить читателя не только практическими, но и теоретическими знаниями. Одни только таблицы практической транскрипции и транслитерации не могут охватить всего многообразия свойств и различий имён собственных в разных языках, и Д.И. Ермолович даёт глубокий теоретический анализ общелингвистических свойств имён собственных, принципов, методов и типов ономастических соответствий, представляющих интерес для лингвистов-теоретиков, преподавателей, а также для переводчиков при принятии самостоятельных решений. Автор наглядно иллюстрирует свои выкладки конкретными примерами и строит подробные алгоритмы действий переводчика при работе с именами собственными. Эти алгоритмы можно рассматривать не только как помощь в практической работе, но и как ценный методический материал в учебном процессе.

Понимая важность специализированных ономастических словарей для решения этой проблемы, автор посвятил двуязычной ономастической лексикографии целую главу, в которой рассмотрел наиболее актуальные проблемы этой науки. Главным, на мой взгляд, является вывод автора о том, что лингвистический

ономастический словарь должен быть толково-переводным. При этом толкования значений вокабул такого словаря должны отличаться от справок энциклопедического характера.

В книге затронуты и другие интересные проблемы, например, принятие в 1996 г. рядом неправительственных организаций юридически необязательной, но важной в гуманитарном плане «Всеобщей декларации языковых прав», которая содержит и положения, связанные с передачей собственных имён. Автор отмечает важность, но далеко не всегда надёжность Интернета при решении проблем имён собственных, особенно топонимов. Не обходит он стороной и проблему благозвучия, удобства произношения и необходимости избегать созвучия с общенными словами, которая нередко возникает при передаче имён собственных на другой язык. При всей своей внешней экзотичности эта проблема возникает как при переводе худо-

жественной литературы, так и при переводе личных документов, наименований юридических лиц и названий товаров особенно с восточных языков на русский. Автор указывает, что под влиянием этой причины принцип фонетического подобия может, а от своего имени я могу добавить, что и должен быть в отдельных случаях подчинён принципу благозвучия и удобства произнесения имени собственного в принимающем языке.

Книгу безусловно следует рекомендовать к использованию в практической работе переводчиков, педагогов, студентов и аспирантов-лингвистов, журналистов, работников визово-паспортных и других регистрационных служб. Надеюсь, со временем, и желательно не в отдалённом будущем, эта работа ляжет в основу единого общегосударственного документа для передачи имён собственных в сфере межъязыковой коммуникации.

И. И. Ушин

Из статьи «Английские имена в русских переводах»

И. Бернштейн

«Иностранная литература», 1998, №4

Имя очень многое сообщает о человеке, в частности, оно служит знаком принадлежности к тому или иному этническому и социальному множеству. Скажем, по-русски Луша (транскрипция имени Lucia) – это, кроме прочего, «деревенское» имя. Сейчас такое различие постепенно вымывается из обихода – вспомним, однако, известное стихотворение Блока «Над озером» (1907), где герой «нежную и тонкую» деву мысленно нарекает Текла, а увидев в ней грубую мещанку, кричит ей: «Фекла! Фекла!» Или этнический пример: постоянно поминаемое отчество некоего современного политика – Вольфович, – которое выделяет его из одной общности и помещает в другую.

Для вящей наглядности можно еще вспомнить трех братьев из одной латиноамериканской страны, которых звали Владимир, Ильич и Ленин. И нетрудно себе представить, что это могут быть за люди.

Понимаю, что сказанное здесь – конечно, упрощение: в нынешнюю эпоху всемирных коммуникаций имена приобретают интернациональный характер. Но не одни только современные книги мы переводим. А языковые реальности нельзя не брать в расчет. Переводя английские книги «про англичан», мы хотим, чтобы имена показывали персонажей англичанами.

Переводчику, имеющему дело со значимыми именами, приходится поэтому иной раз идти на ухищрения – с той или иной долей успеха, – но и возможности открываются довольно разнообразные.

Простой случай: девочку в современном рассказе (Т. Корэгессана Бойла) зовут *Jasmin Honeysuckle Rose* – «Жимолость», что не воспринимается в русском тексте как имя, если текст – не притча, не сказка и не фантазия. Переводчик удачно поменял один из цветков, и вышло вполне англоподобно и смешно: Жасмина Фиалка Роза.

Практическая транскрипция – особая тема. Имя – неотъемлемая принадлежность личности. При переходе из языка в язык его значение, хоть и не сразу, но перестает сознаваться (ср. Виктор – победитель), а материя, звучание сохраняются. И при упоминании имени в другом языке они, по возможности, воспроизводятся. Так стремимся делать сегодня мы. Так делали в античные времена. Именно благодаря древней транскрипции собственных имен 150 лет тому назад была произведена первая расшифровка древнеегипетского письма по Розеттскому камню, на котором на трех языках были выбиты одни и те же имена.

Виссон Линн – синхронный переводчик с русского и французского на английский в ООН. Училась и получила докторскую степень в Гарварде, а затем была профессором русского языка и литературы в Колумбийском и др. университетах США. Давний участник научных и культурных обменов между Россией и Америкой, автор ряда книг и статей, посвященных сравнительному изучению культуры двух стран.

Ермолович Дмитрий Иванович – синхронный и письменный переводчик, лингвист, лексикограф. Доктор филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Сотрудничает с международными организациями. Автор научных работ по лингвистике и теории перевода, учебных пособий и словарей.

Загот Михаил Александрович – профессиональный переводчик, доцент МГЛУ, член Союза писателей России, Союза переводчиков России. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза.

Карболкин Виктор Дмитриевич – переводчик-универсал. Переводит главным образом бумагу, продукты питания, старушек через улицу. Успешно обеспечивает себе жизнь переводами (от родителей-пенсионеров из деревни). Высшее образование получил, минуя этап среднего. Кандидат гендерных, политических, исторических, футурологических наук (нужное подчеркнуть). В свое время попал во МГЛУ; до настоящего времени МГЛА не рассеялась.

Ланчиков Виктор Константинович – переводчик художественной литературы, кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор ряда теоретических работ.

Масловский Евгений Константинович – переводчик и редактор научно-технической литературы. Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Автор, редактор и соавтор ряда тематических и научно-технических книг и словарей. Член правления Союза переводчиков России, руководитель секции «Научно-технический перевод и специальные словари».

Метрес Филип – американский поэт и переводчик современной русской поэзии, доктор филологии, преподаватель университета John Carol University. Его стихи публиковались в ряде периодических изданий и включены в антологию *Best American Poetry (2002)*. Его перу также принадлежат одностомники переводов: *A Kindred Orphanhood: Selected Poems of Sergey Gandlevsky (Zephyr 2003)*, и *Catalogue of Comedic Novelties: Selected Poems of Lev Rubinstein (Ugly Duckling 2004)*. For more information, please see www.philipmetres.com

Некрасова Тамара Петровна – начальник отдела переводов российской юридической компании «Пепеляев, Гольцблат и партнеры». Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза.

Палажченко Павел Русланович – окончил МГПИИЯ им. М. Тореза. Многолетний сотрудник ООН, дипломат, журналист, переводчик М. Горбачева и Э. Шеварднадзе, автор ряда книг и словарей.

Робинсон Дуглас – ныне преподаватель английского языка в Университете Миссисипи, а ранее преподаватель теории и практики перевода в университете Тампере (Финляндия), является одним из наиболее уважаемых переводоведов современности. Он – автор монографий *“The Translator’s Turn” (1991)*, *“Translation and Taboo” (1996)*, *“What Is Translation?” (1997)*, *“Who Translates?” (2001)* и *“Performative Linguistics: Speaking and Translating as Doing Things With Words” (2003)*; учебников *“Becoming a Translator” (1997)*, *“Translation and Empire: Postcolonial Theories Explained” (1997)* и *“Introducing Performative Pragmatics” (2005)*; а также антологии *“Western Translation Theory From Herodotus to Nietzsche” (1997)*, ставшей в англоязычных странах стандартным пособием по переводоведению. Кроме того, он известен как писатель и драматург.

Фоменко Яков Владимирович – военный переводчик. Окончил ВИИЯ. Был переводчиком в военных учебных центрах, в том числе в Эфиопии, наблюдателем ООН в трех миссиях (Ирак, Югославия, Мозамбик), участвовал в переговорах МО на высшем уровне, преподавал в ВИИЯ.

Чернов Сергей Гелиевич – переводчик-синхронист. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. В настоящее время живет и работает в США. Работал в Международном банке реконструкции и развития, ныне заместитель начальника службы устного перевода Международного валютного фонда.

Шевчук Валентин Никитич – профессор кафедры перевода английского языка Военного Университета и кафедры английского языка МГЛУ, доктор филологических наук. Автор и редактор «Англо-русского военного словаря», ряда пособий по военному переводу и статей по процессуальным аспектам перевода.

Gender and bonded labour

Little attention has been given, historically, to the particular problems faced by women and girls in bonded labour situations. This reflects their overall subordinate position in the patriarchal societies of South Asia – in which poor women are triply disadvantaged by their gender, by their membership of low castes or other low-status groups, and by

Гендерные вопросы и кабальный труд

В историческом плане мало внимания уделялось особым проблемам, с которыми сталкиваются женщины и девушки, оказавшиеся в ситуации кабального труда. Это отражает их общее подчиненное положение в патриархальном обществе стран Южной Азии, в рамках которого неимущие женщины подвергаются тройной дискриминации – по гендерному признаку, в силу принадлежности к низшей касте или иной группе с низким статусом, а также в силу кабальной или иной

Servitude pour dettes et différence entre les sexes

Depuis toujours, il est prêté peu d'attention aux problèmes particuliers des femmes et des filles en situation de servitude pour dettes. Cela s'explique par l'état de subordination général qui existe pour elles dans les sociétés patriarcales de l'Asie du Sud, où les femmes pauvres sont désavantagées à triple titre – par leur sexe, par leur appartenance à des castes ou des groupes sociaux inférieurs, et par le fait de travailler sous cont-

Recent evidence from Tamil Nadu, India, throws further light on the gender dimensions of bonded labour. Expenses on gender-related social ceremonies (puberty and marriage celebrations) emerge as the main reason for families to take a bonded debt.

Последние данные из штата Тамилнад (Индия) проливают дополнительный свет на гендерные аспекты кабального труда. Расходы, связанные с социальными церемониями, имеющим гендерный характер (достижение половой зрелости и свадьбы), становятся главной причиной, по которой семья берет долг на кабальных условиях.

Une enquête récente réalisée au Tamil Nadu, en Inde, apporte des informations complémentaires sur le rôle des hommes et des femmes dans la servitude pour dettes. Les dépenses engagées dans des cérémonies traditionnelles en rapport avec le rôle social de l'homme ou de la femme (célébrations de la puberté et du mariage) se révèlent le principal facteur d'endettement des familles.

Bridging the Communication Gap

3(7)/2005

Bridges

Translators and Interpreters' Journal

G.V. Chernov excerpts his book on simultaneous interpreting

D.I. Yermolovich on film translation

P.R. Palazchenko explores space in English and Russian

V.N. Shevchuk on computer-aided editing

T.P. Nekrasova on words that lawyers like and translators stumble over

as well as

theory, practice and useful information for translators, teachers and students from top professionals

ISBN 5-93439-170-4

9 785934 391707